

Ко^см^пе^р

3

МАРТ
1962

Костёр

3
МАРТ
1962

Ежемесячный
журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального
Совета
Всесоюзной
пioneerской
организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей
СССР

ДЕВОЧКАМ ВЕСЕЛО — МАЛЬЧИКАМ СКУЧНО
ПОЧЕМУ?

СТАНЕТ ЛИ РАЯ ШОЕВА ЛЕТЧИЦЕЙ?

СКРОМНОСТЬ — ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ?
В ПОИСКАХ ОТВЕТА ЗАГЛЯНИТЕ В КЮК!

ПОЧЕМУ КОСТИЯ РАССЕРДИЛСЯ НА БОРЬКУ
И ВИКУ И ШЕЛ ЗА НИМИ ПО УЛИЦЕ?

ПОЧЕМУ НЕ ВЫШЕЛ В СВЕТ ОЧЕРЕДНОЙ
НОМЕР ЖУРНАЛА „СИГНАЛ“?

МОГ ЛИ ГВАРДИИ ЮНГА ОЛЬХОВСКИЙ
ПОСТУПИТЬ ИНАЧЕ?

ЧИТАЙТЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТИ
Ю. ТОМИНА, ВОСПОМИНАНИЯ КОРНЕЯ
ЧУКОВСКОГО, РАССКАЗ ЕВГ. НИКОЛИНА

ХОТИТЕ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ?

С ПИСАТЕЛЕМ ДМ. ХОЛЕНДРО ВЫ ПОБЫВАЕ-
ТЕ В АФИНАХ, С ЕВГ. ВОЕВОДИНЫМ — НА
ОСТРОВЕ КИПРЕ. КАНАДСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
И СЛЕДОПЫТ ТОМПСОН СЕТОН ПОВЕДЕТ
ВАС ПО НЕВЕДОМОЙ ЛЕСНОЙ ТРОПЕ

КТО МОЖЕТ СПАСТИ ЧЕРНОГО КОНИЯ?

ЭТОТ ВОПРОС ЗАДАЕТ ШАХМАТИСТАМ
ГРОССМЕЙСТЕР ВИКТОР КОРЧНОЙ

КАКОЙ ТОЛЩИНЫ ЛЕД В АНТАРКТИДЕ?

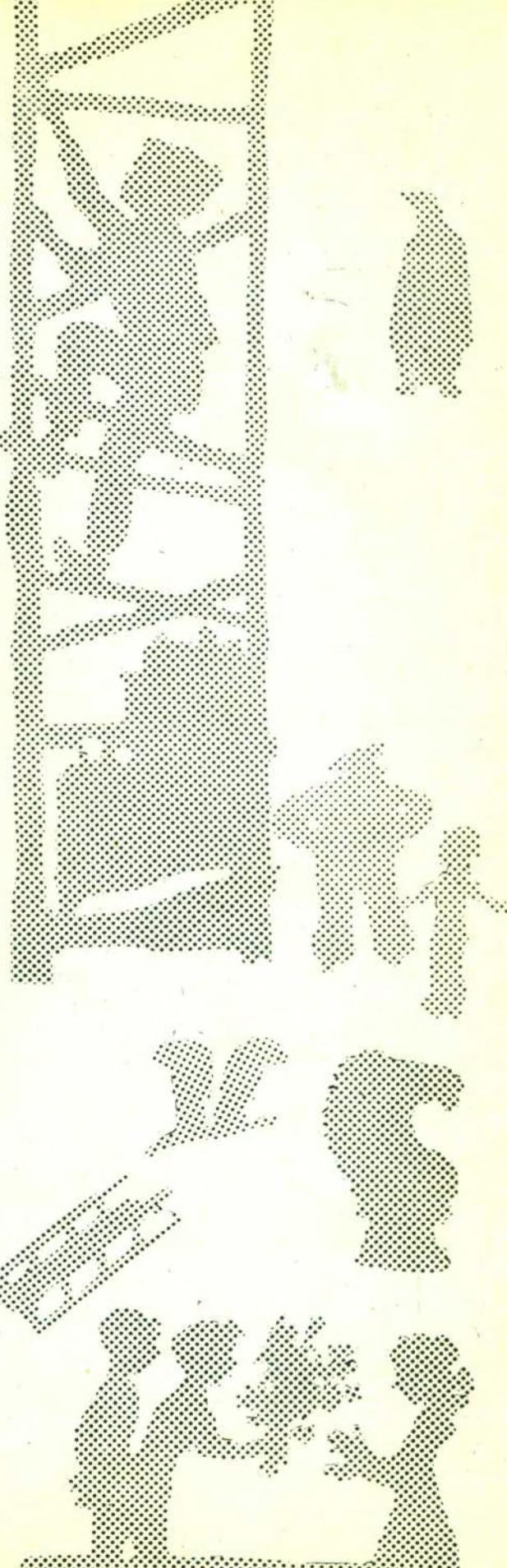
ПОЧЕМУ ЛЕГКИЙ МЕТАЛЛ
НАЗВАЛИ КАМЕННЫМ?

КАКИЕ БЫВАЮТ РАКЕТЫ?

ЧИТАЙТЕ „ЧТО? ГДЕ? КОГДА? ПОЧЕМУ?“

Наталья Григорьевна Елисеева, парторг фабрики «Рабочий», и ее дети Дима и Саша. Портрет сделан художницей Н. Петровой.

О Наталье Григорьевне читайте на стр. 34.

пода́ть ?
пальто ?

НИКОГДА !

В клубе выступает журналист Г. Князев

Музыка звучала трагически. Князь Игорь умолял о свободе, а Саша Черномордик смеялся над страданиями несчастного пленника.

Это возмутило девчят.

— Сашка! — закричали они. — Как тебе не стыдно?! Ведь ты же любишь музыку!

Он и впрямь любил музыку. Проникновенно и нежно. Все ребята восьмого «г» класса знали, что дома он не расстается со скрипкой, мечтая стать настоящим музыкантом. А тут, в классе, когда отряд затеял прослушивание грамзаписей из оперы Бородина, Сашка стал дурачиться и хихикать. И рядом с ним притворно зевали еще семеро мальчишек.

В конце концов их прогнали с концерта. Девочки чуть не плакали от обиды. Вот так всегда — стоит затеять что-нибудь хорошее, как мальчишки отчаливают в сторону. Или мешают, как сейчас. Или даже вредят. Почему?

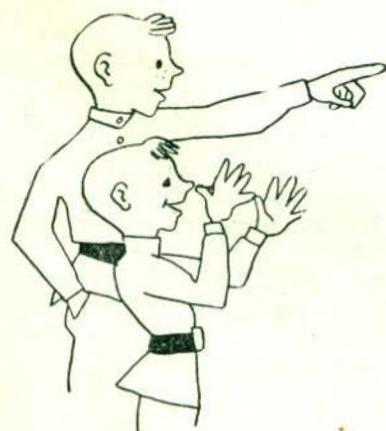
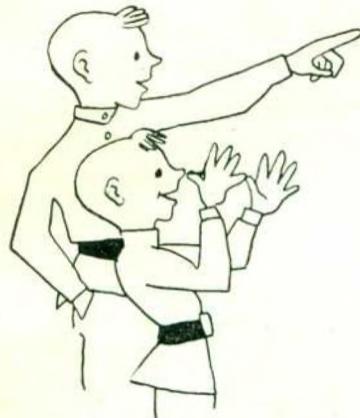
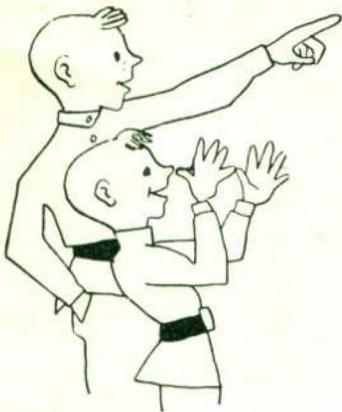
... Мы сидим в редакции, за столом. Мы условились о полном равенстве собравшихся высоких сторон, о полной независимости их мнений. И еще — о предельной откровенности.

— Ладно, — говорит Женька Лупанов. Глаза его из-под очков смотрят ясно и безмятежно. — Начистоту так начистоту! Я думаю, что все началось еще в первом классе. Рассадили тогда мальчиков с мальчиками, девочек с девочками. И пошло разделение полов.

Значит, вот где истоки того, что Черномордик поглумился над князем Игорем! А как исправить теперь стародавнюю ошибку? Нарядить восьмиклассников в коротенькие штанишки и платьица «первашей» и рассадить за партами уже в должном порядке?

Но нас выручает Таня Муляр. Высокая, прямая, гневная, она обрушивается на мальчишек:

— Врете вы все! В пятом классе вы были еще людьми. Помните, как Юрка Ефимов доставал елку под Новый год? Весь город обегал, а добыл! Для всех, понимаете?

Юрка улыбается. Он вообще всегда улыбается, этот Юрка. Даже когда на баскетбольной тренировке ему подставляют подножку. Он слабее остальных мальчишек, играет хуже — ну и достается ему иногда от приятелей. Но он не обижается, потому что и его приняли в «священный мужской союз». Зато девчонкам дверь в этот союз закрыта наглухо. И они возмущаются снова:

— А помните баскетбол?

— Что — баскетбол?

... В тот день они играли с седьмым классом на первенство своей 189-й школы. Когда девочки выбежали на поле, Юрка Костёлов громко захлопал семиклассницам. Нет, это не было хорошее спортивное беспристрастие. Когда некий остряк из седьмого, прозванный «Пёсиком», стал свистеть, подражая судье, и в удобный момент сбивая восьмиклассниц с толку, мальчишки тоже улюлюкали. Таня Муляр прицелилась по кольцу, но в эту минуту «Пёсик» свистнул, она растерянно оглянулась, у нее немедленно выхватили мяч...

Эту встречу восьмиклассницы все же выиграли — с большим трудом. Уже по дороге домой кричали мальчишкам:

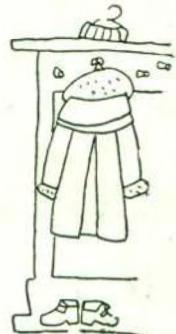
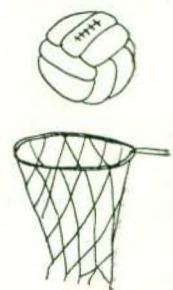
— Трусы! Другие бы этому «Пёсiku» дали как следует. А вы? И это называется болеть за своих?

— А мы и не болели! Очень надо!

Они врали, эти злоречивые члены мужского союза. Им страшно хотелось, чтобы девчата одолели семиклассниц — хотя бы потому, что от этого зависело, выступать ли всему классу дальше, в финале. А почему врали? Да просто так... Чтоб никто не обвинил в пристрастии к одноклассницам.

Что же происходит в восьмом «г»? Обыкновенная история — девочки тянут в одну сторону, мальчишки — в другую. И все они хорошие ребята: и Юрка Костёлов, и Женя Лупанов, и Слава Петров. Они не двоечники и не бузотеры. Но Славка отказался навестить заболевшую однофамилицу Таню Петрову. А во время нашего разговора признался:

— Мальчишки посмеялись бы... И девчата, думаете, смолчали бы?

Он чуть покраснел при этом, парнишка с весьма симпатичной физиономией, рослый и, наверно, не побоявшийся бы любого супротивника. А тут испугался. Чего? Совершить обычный хороший поступок. Навестить заболевшую девочку. Или это и впрямь зазорно?

Но постойте, почему же тогда Тимур, славный гайдаровский Тимур не постеснялся помочь девочке? Помните, как рванулся он вместе с Женей на мотоцикле, во тьму, в непогоду, в неизвестность! Претерпел из-за этого кучу разных неприятностей, но пошел на всё ради товарища. Рыцарский поступок совершил!

Рыцарство? А что, разве старомодно это слово? Нет, не о средневековых преклонении перед дамой идет речь. Благородный сэр Реджинальд, целуя стремя у столь же высокородной дамы и сражаясь за нее на турнирах, посыпал оную даму на съедение псам за малейшую провинность.

Юра Костёлов не сэр Реджинальд. Но как-то в раздевалке он закричал на девочку:

— Пальто подать? Никогда!

Мальчишки стыдятся порой своих благородных чувств. Мужчинами, мол, растем, суровыми и сдержанными. Не потому ли Володя Иванов сказал однажды Рае Стрюковой какую-то гадость?

Володя получил в ответ пощечину. Откровенно говоря, я — за такую пощечину.

* * *

Недавно я снова был в восьмом „г“. Уже провели здесь совместную лыжную вылазку. А Саша Черномордик, кажется, собирается принести в класс свою скрипку — сыграть для всех.

Ну что ж, скрипка, пой, рассказывай о том, как хорошо друзьям, когда шагают они в ногу. Только если это не на час, а всерьез.

ЧТО ДУМАЕТ КЮК

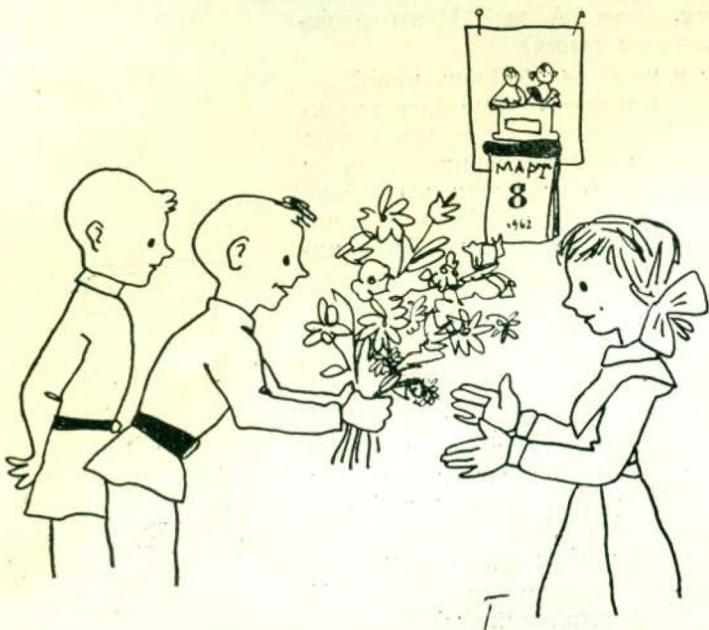
Послушайте, что пишет нам Нина Калинина из Амурской области:

«В нашем классе все ребята — пионеры. Но есть ребята, которые не носят пионерские галстуки. И отрекаются от них. Считают, что выросли из пионерских годов. Это Цыплухин Валерий, Бочаров Вениамин и Долгий Владимир. Они считают себя взрослыми людьми. И ходят в кино на взрослые сеансы, Дорогой КЮК! Ответь, пожалуйста, как нам внушить таким ребятам, чтобы они носили пионерские галстуки».

Если ребят надо заставлять носить галстуки, это, конечно, плохо. Заставите насильно — хороших пионеров из них все равно не получится. Значит, надо браться по-иному. А может быть, этим мальчикам просто скучно в отряде? Может быть, нет в отряде таких дел, которые бы их увлекли? Будь они, эти дела, о галстуках никто бы и не забывал. Носили бы их мальчишки и гордились.

Такие ребята, как Валерий, Веня и Володя, есть почти в каждом отряде. Есть они, конечно, и в том, о котором рассказывает Г. Князев. Последнее слово в нашем разговоре не сказано. Оно за вами, ребята. Напишите, как у вас в школе мальчики относятся к девочкам? И девочки — всегда ли они правы? Ведь бывает и так — то, что они задумают, мальчикам неинтересно. Просидеть целый час в классе, слушая классическую музыку, это для некоторых, может быть, целый подвиг. А посмотрите на них в походе или во время военной игры — молодцы!

Итак, ждем ваших писем!

ЧТОБЫ
ВИТИЯ
УЛЫБАЛСЯ

В одной из частей Ленинградского военного округа служат три товарища.

Валерий Балайшик приехал в Ленинград из Риги. Он самый серьезный из троих: даже в короткие минуты отдыха его можно видеть с книжкой в руках.

Белокурый Николай Вьюгов раньше жил на Урале. Он никогда не прочь пошутить, подурачиться.

А скромный, спокойный Вадим Кислый родился на Черниговщине. От друзей его отличает мягкий украинский говорок.

Подразделение, в котором служат три товарища, — лучшее в части. И потому, когда однажды перед строем появился секретарь комитета комсомола капитан Прохоренко, никто не удивился. Многие даже

подумали, что он пришел вручить грамоту райкома.

Но капитан сказал совсем неожиданное.

— Нужна ваша помощь. Из Нижнего Тагила привезли на самолете мальчика с сильнейшими ожогами. Ему необходимо пересадить здоровую человеческую кожу, иначе ребенок погибнет.

— Есть добровольцы? — оглядел бойцов капитан.

Шагнул вперед один, другой. Сделали шаг вперед обе шеренги солдат. Все сорок шесть готовы были сейчас же, немедленно помочь незнакомому мальчику.

И так уж получилось, что отобрали трех товарищ — сержанта Балайшика, ефрейтора Вьюгова, рядового Кислого.

А четырехлетний Витя Гре-

ков, лежавший в больнице, и не знал, что судьбой его обеспокоены столько людей.

Уже на другой день врачи взяли у добровольцев кожу. Не много, не мало — тысячу квадратных сантиметров!

Им было очень тяжело, этим троим. Ныли после операции раны, кружилась голова, подскочила температура. Три недели пролежали друзья в больнице.

А Витя Греков почувствовал себя лучше и впервые за много дней стал улыбаться.

Теперь он поправился, стал снова шустрым, веселым мальчуганом. А три товарища вернулись к себе в часть. Несут службу, поют походные песни, играют в волейбол. И вспоминают мальчика, чью жизнь спасли они в мирном бою.

Л. Ваганова

БОРЬКА, Я И НЕВИДИМКА

Юрий Томин

Рисунки В. Бескаравайного

ПРО ЛЫЖИ

В воскресенье мне здорово хотелось спать. У меня всегда так: если не нужно, просыпаюсь хоть в пять часов, а если нужно — никак не встать. Зинаида разбудила меня в семь часов. Я сказал «сейчас», на минуточку закрыл глаза и сразу открыл. Но за это время прошло пятнадцать минут. Потом я еще немного поспал сидя, когда надевал ботинки. Потом — в ванной. Я открыл кран, чтобы Зинаида думала, что я умываюсь, и поспал еще минут десять.

— Какой ты счастливый, — сказала Зинаида. — Поедешь на лыжах. А мне нужно зубрить эту проклятую математику.

— Это ты счастливая, — сказал я. — Можешь спать, сколько угодно.

— Не хочешь, не езди, тебя никто не заставляет.

— А ты не зубри, — ответил я. — Если она уж такая проклятая — тебя тоже никто не заставляет. А вообще зубрить вредно. Нужно понимать. Ясно?

С Зинаидой мы поговорили еще минут десять. Но про это я рассказывать не буду. Мы с ней по утрам всегда ругаемся. Мама говорит, что это вместо утренней гимнастики. И правда, мне спать расхотелось.

Когда я зашел к Борьке, они все сидели за столом и пили чай. Я сказал «здравствуйте». А Борькин отец посмотрел на меня и заулыбался.

— А за тобой милиция приходила, — сказал он.

— Откуда вы знаете?

— Да уж знаю. Чего же это ты безобразничашь?

— Чего безобразничаю?

— Да вот сосед жаловался. Смеешься?

— А что, смеяться нельзя?

Продолжение. Смотри «Костёр» №№ 1—2, 1962 г.

— А ты как думал? Сегодня ты смеешься, а завтра, может быть, еще петь будешь?

— Может быть, и петь буду.

— А потом тебе танцевать захочется?

— Захочется, — сказал я, — и буду танцевать. Хоть «Лебединое озеро» или там еще танго какое-нибудь.

Они все засмеялись. А Борька даже чаем подавился. Борькина мать сказала:

— Костя, откуда у тебя язык такой? Ты даже когда правду говоришь, всегда как-то поперек получается.

Я отвечаю:

— Тетя Вера, я всегда правду говорю. Вот им и не нравится.

— Кому это им?

— Всем людям.

— Здорово! — сказал Борькин отец. — Молодец! Вот за это, Костя, ты мне и нравишься. За правду. Для тебя нужно построить башню — высоченную. А ты будешь стоять наверху и говорить правду. Всем людям. Им, конечно, не понравится. Но ведь до тебя не достать. Поневоле придется слушать. И постепенно все станут очень хорошими.

— А что же, врать нужно? — спросил я.

— Зачем врать? Только одних разговоров мало. Делать надо чего-нибудь.

— Чего делать?

— Руками делать. Головой. А не просто разговаривать. Тебе нравится, когда грязь на улице?

— Какая грязь?

— Ну окурки, бумажки... Хлам всякий.

— Почему это мне окурки нравятся?

— Ясно — не нравятся. Но все же их бросают. Ходят и бросают. А ты, наверное, будешь ходить позади таких людей и говорить им правду: нехорошие вы, такие-сякие, зачем мусорите? А они мусорят. Но к утру улица все же чистая.

— Подумаешь, — говорю я, — дворник подмел — и все.

— Верно. Так от чего же пользы больше — от метлы или от твоей правды?

Я говорю:

— Вы это не сравнивайте. И вообще мы на поезд опоздаем. Идем, Борька!

На Финляндский вокзал мы пришли за десять минут до отхода. У четвертого вагона стояли Владимир Иванович и Лина Львовна.

— Давайте скорее полезайте, — сказал Владимир Иванович. — Сидячие места есть. Уже все наши собрались.

Я посмотрел на табличку на вагоне. А там крупными буквами написано: детский. Я говорю:

— Я в детском не поеду. В другом поеду.

— Затолкают. Смотри, народу сколько.

— Пусть толкают.

— Ой, Костя! — сказала Лина Львовна. — Там же все ребята едут. Не можешь ты без выдумки.

Я говорю:

— Лина Львовна, я с ребятами хоть до Владивостока поеду. Только не в детском.

— Ну и хорошо, — сказал Владимир Иванович. — Пусть потолкается. Ему полезно.

Вдруг Борька говорит:

— Я тоже с Костей поеду.

Владимир Иванович посмотрел на него и улыбнулся.

— Молодец, Таланов!

Мы залезли в соседний вагон. Мы стояли на площадке, и я уже думал, что больше никто поместиться не может. Но потом снаружи нажали, и влезло человек двадцать, все с лыжами. Потом еще нажали, и опять влезли человек двадцать. У меня в кармане было два бутерброда с колбасой. Я прямо чувствовал, что они сплющились и стали тонкими, как блин. Я и сам, наверное, стал как блин, только мне не видно было. Но тут снова нажали, и снова влезли двадцать человек. Так до самого отхода все нажимали и влезали, и я никак не мог понять, куда они помещаются.

Мы с Борькой всю дорогу молчали. Попробуйте разговаривать, если у вас все кишкы выдавливают. И я все думал, почему это Борьку Владимир Иванович назвал «молодцом», а меня нет. Мы же ехали в одном вагоне.

В Кавголово мы все вылезли. Наши пришли почти все. Но лыжи были не у всех, и Владимир Иванович повел нас на базу, к своему знакомому. Потом он привел нас на большую гору.

— Эта гора, — сказал Владимир Иванович, — называется «Семейная». Тут могут кататься даже бабушки и дедушки.

Я заглянул вниз. Ничего себе бабушка! Гора крутая, народу много. И все едут как попало.

Первым съехал Владимир Иванович. У него лыжи тяжелые и толстые. Крепления железные. На каблуках большие пружины. На таких лыжах и я бы съехал. Владимир Иванович сказал, что они специально для гор — слаломные. А ехал он ничего, даже красиво — змейкой. Остановился внизу и помахал палкой.

— Теперь вы давайте, ребята! — сказала Лина Львовна.

Я опять посмотрел вниз. Владимир Иванович был маленький, как букашка.

— Лина Львовна, — сказал я, — вы нам покажите пример. Потому что вы — старшая пионервожатая. Вы, наверное, здорово катаетесь.

— Я? — Лина Львовна засмеялась. — Я — здорово?

Лина Львовна оттолкнулась палками и поехала. Она поехала немножко и почему-то начала садиться. Она ехала все быстрее и все-таки садилась. Потом — трах! Будто бомба взорвалась. Снег полетел во все стороны, а Лины Львовны нет. Мы думали, что она провалилась. Но она сразу встала. Оказывается, ее снегом засыпало.

Тут же она поехала дальше и опять начала садиться. Мне даже смешно стало. Чего она садится? Стояла бы прямо. Наконец Лина Львовна спустилась к Владимиру Ивановичу.

Тогда поехал я.

Я здорово разогнался — даже шапка слетела. Но я стоял крепко и только на бугорках приседал. Не то что Лина Львовна. Вдруг сбоку кто-то как заорет:

— Дорогу! Дорогу!

Я посмотрел и вижу: прямо на меня летит какой-то дядька. Летит как реактивный: ноги трепыхаются от ветра. Кажется, будто у него ноги дрожат со страха.

Я кричу:

— Сворачивай! Сворачивай!

А он:

— Не могу!

А я вижу — прямо на меня летит. Сейчас пырнет лыжами в бок. И вдруг у меня колени начали подгибаться. Я их выпрямить хочу, а они подгибаются. Сам не знаю, почему. И я стал садиться — не нарочно, так само получилось. Садился, садился и — трах об снег! А дядька своими лыжами на moi наехал. Закачался, замахал руками, но устоял.

Только ногу одну задрал вместе с лыжей. Помчался дальше, вылетел на бугор, опять задрал ногу и пропал. Куда уж он с бугра делься — не знаю. Может, прямо в Москву помчался.

Подошли ко мне Владимир Иванович и Лина Львовна. Лина Львовна даже лыжи сняла, чтобы быстрее успеть. А я лежу.

— Костя, что с тобой?

— Ничего, — отвечаю. — Тут сумасшедшие ездят. Видели, как я его чуть не сбил?

Лина Львовна сразу повеселела.

— По-моему, наоборот было.

Владimir Иванович помахал ребятам и закричал:

— Стойте, не спускайтесь!

Поднялись мы наверх. А ребята прямо стоять не могут от смеха. Будто им страшно приятно, что меня чуть не убили.

— Пойдем на другую гору, — сказал Владимир Иванович. — А то здесь таких удальцов много: на лыжах — как корова на льду, а на самую крутую гору лезет. Сам разобьется и других покалечит.

Владimir Иванович привел нас на другую горку. Она была поменьше, и мы стали кататься кто как может. Владимир Иванович натыкал на склоне ветки и стал ездить между ними.

Мы с Борькой полезли на самый верх. И Вика полезла с нами. Она вообще всегда за Борькой бегает. А он к ней ходит уроки делать. Ко мне он редко ходит. А в классе все думают, что мы друзья. Мне, может, и на Борьку чихать. Только мне не нравится, что он к ней ходит.

Наверху стояли какие-то ребята. Они были совсем молодые, но с бородами. Они не катались, а просто стояли — палки под мышки и покуривают. Постоят, постоят, перейдут шага на три и опять стоят. Лыжи у них были, как у Владимира Ивановича, с пружинами. Но между ветками они не ездили. Вообще не знаю, зачем они там стояли. Правда, они немного катались, но странно как-то. Выплюнет сигарету, съедет на два шага, шикнет лыжами по снегу и остановится. А потом вернется назад и снова закуривает.

Один увидел Вику и говорит:

— Стильный ребенок.

У Вики были брюки и синий свитер. Она покраснела и ничего не сказала. А Борька насупился. Тогда он опять говорит:

— Дети, не путайтесь под ногами, не мешайте мыслить.

Я говорю:

— Мы не мешаем.

Он посмотрел на меня и выплюнул сигарету.

— Не заставляйте меня снимать мое пенсне, — сказал он. — Я страшен в гневе.

Второй заулыбался и тоже выплюнул сигарету.

Вика потянула меня и шепнула:

— Идем, Костя, не связывайся.

Уже начало темнеть, когда мы пришли на базу. Сняли лыжи, и всем сразу захотелось есть. Владимир Иванович принес ведро кипятку и кружки. Каждому он дал по два бульонных кубика. А всю еду, какая была, сложили на столе в кучу. Любой брал и ел что хотел. Все устали, но было очень весело. Было не так, как в городе. Почему-то все ста-

Но я не хотел уходить. Мне было непонятно, что им нужно. Что это, их гора, что ли? И Борька тоже ничего не понимал. Вообще они были какие-то лунатики, хоть и не пьяные.

Мы взялись за руки и съехали пониже. Только сначала я сказал этому бородатому, чтобы он лучше не стоял, а катался, а то у него борода простудится. А они даже не пошевелились. Так и остались наверху.

Мы катались долго, часа три. Потом Владимир Иванович сделал воротики, и мы стали кататься на другом склоне. На время — кто быстрее. Под конец даже Лина Львовна проехала через воротики и не упала.

ли ужасно вежливые. Говорили: «возьмите, пожалуйста», «передайте, пожалуйста». А когда Лина Львовна скомандовала мыть посуду, бросились как сумасшедшие.

И я тоже побежал и вымыл два стакана. Если бы это увидела Зинаида, она бы, наверное, в обморок упала.

— А вы все-таки ничего ребята, дружные, — сказал Владимир Иванович.

— Почему?

Владимир Иванович показал на стол. Там остался лежать бутерброд с икрой.

— Чей?

— Это я принесла, — сказала Лена Никифорова.

— Чего же ты не съела?

— Не знаю. Он только один был.

— А ты? А ты? — начал спрашивать Владимир Иванович по очереди.

Кто говорил, что не любит икру, кто — потому что только один был, кто — не заметил.

— А ведь я его на самый верх положил, — сказал Владимир Иванович.

Уж не знаю, почему, но всем было очень приятно, что никто не съел этот бутерброд. Мне тоже это понравилось, хотя я не могу объяснить, почему.

По дороге до станции мы пели.

Только нам не повезло. Или, может, повезло. Тут не поймешь. Подошла не электричка, а какой-то старый поезд. У него вагоны маленькие и с печкой. Мы еле забрались на высокие ступеньки.

Народу было не так уж много. И тут нам повезло. То есть сначала опять не повезло, но зато потом было здорово.

Мы сидели посередине. В одном углу была печка, а в другом ехали какие-то ребята. Один из этих ребят — здоровый такой парень — протиснулся к печке и стал греть руки. Я еще, когда он мимо шел, заметил, что у него вид противный: нос маленький, а лицо круглое и жирное, как блин. Даже шел он как-то противно — бочком, приседая, и все извинялся: «пр-р-сс-тите, пр-р-сс-тите».

Он погрел руки и вернулся к своим.

Через минуту у меня защипало в носу, и я чихнул.

— Будь здоров! — сказал Владимир Иванович и вдруг сам чихнул.

— Будьте здоровы! — ответил я и опять чихнул.

Потом начали чихать ребята и остальные, кто ехал в вагоне.

Сначала было смешно, а затем начался кашель. В горле першило страшно. Никак не откашляться. Я так кашлял, что даже пополам согнулся. И круги у меня в глазах забегали.

Рядом с нами ехали студенты с гитарой. Сначала они смеялись, а потом тоже начали кашлять. Весь вагон чихал и кашлял, и никак нельзя было остановиться. Да еще глаза здорово щипало. И никто ничего не понимал.

Вдруг один из студентов подошел к печке и закричал:

— Ребята, он перца насыпал на печку!

Только он это сказал, Лина Львовна сорвалась с места и подбежала к этому парню:

— Мерзавец! — крикнула она. — Ты не видишь, что здесь дети едут?!

Эти ребята сгрудились кучкой. А Лина Львовна стояла перед ними, сжав кулаки, и

кашляла. Владимир Иванович встал и подошел к ним. Мы тоже хотели подойти, но Владимир Иванович сказал, чтобы мы сидели.

— Тихо, детка, пошутить нельзя, — сказал этот, с круглой рожей.

В вагоне сразу все закричали:

— Нашел чем шутить!

— Сдать его в милицию!

— Пятнадцать суток!

Студенты закричали, что его надо из окна выбросить. Они даже подошли, чтобы выбросить. Но Владимир Иванович их остановил:

— Охота вам из-за этой мрази в тюрьму садиться. А что он мразь, это понятно, — сказал Владимир Иванович.

В этот момент подошел какой-то старичок с корзиной. Он все еще не мог откашляться.

— Знаете, граждане... кхе-кхе... Это, конечно, хорошо — пятнадцать суток... кхе... модно. А вот когда я был помоложе... кхе... нас за такие дела пороли. Может, его выпороть, а?

— Ура! — заорали студенты. — Выпороть! Качать деда!

Мне даже издали было видно, как побледнел этот парень.

— Граждане... — прохрипел он. — Граждане... Вы что... За такое дело... Я убивать буду.

Но убивать ему не дали. Там же весь вагон собрался. Его вытащили из угла и разложили на скамейке. Ох и выл этот парень! Он даже скамейку кусал от злости. Он выгибался и дергался как параличный. Но его человек десять держали.

Студент с гитарой взял ремень.

— Девушки, — сказал старичок. — Вы бышли в тот конец. Мы его по голому будем. Давай, студент, по голому.

Парень опять завыл и задергался.

Лина Львовна подошла к нам. У нее даже слезы были на глазах от смеха. Только она зря отворачивалась. Мы на скамейки залезли — нам и то ничего видно не было. Его кругом обступили. Зато было слышно, как ему влепили двадцать пять штук. Старичок сказал, что двадцать пять — норма.

Когда парня отпустили, он опять завыл и бросился на первого попавшегося. Его отшвырнули. Тогда он повернулся и, придерживая штаны, убежал в тамбур. И его дружки тоже выбежали. Больше мы их не видели.

А весь вагон хохотал до самого Ленинграда.

Мы жалели, что нас не пустили. Мы бы его не хуже студентов выпороли.

В тот день нам так не хотелось расходиться, что мы прошли пешком до Невского и только потом сели на девятку.

ЗЕМЛЯ — НЕБО — ЗЕМЛЯ

Ребята шли по Литейному к Невскому. Их было не так уж много — один класс, но издали могло показаться, что идет целая школа. Идущие сзади перекликались с передними. Передние, не рассыпавшись, все же отвечали, потому что сейчас было все равно — говорить, петь или просто орать. Важно, чтобы все видели, что это — они, что они — лыжники и возвращаются оттуда, где прыгают с трамплина и занимают первые места в лыжных гонках.

Ребята шли по проспекту и каждому из них казалось, что прохожие смотрят на них с удивлением и завистью, как на победителей.

А прохожие смотрели по-разному.

Некоторые еще издали обходили шумную ватагу и хмурились. В их взглядах была настороженность, а в движениях — торопливость. Эти боялись хулиганов.

Другие улыбались, но тоже обходили. Эти не хотели мешать. Они понимали, что не каждый день человеку хочется петь и орать, и, значит, на это есть своя причина.

Около улицы Некрасова у Вики развязался ремешок, скрепляющий лыжи. Она остановилась и, присев на ступени подъезда, стала развязывать ремешок. Смерзшийся, окостеневший, он был как проволочный. Вика просидела всего минуты две, но за это время класс ушел далеко. Шестой «г» был равнодушен к отставшим.

Шестой «г» стремился вперед и не заметил еще одной потери. Но Вика заметила. Она заметила и потому еще ниже наклонила голову и некоторое время усердно трудилась над уже завязанным ремешком. Сначала она сделала это просто так — неизвестно почему. Потом ей стало приятно, что Борька топчется возле нее, молчит, но не уходит. Потом ей стало смешно, что он пыхтит, как Дутов, и она подняла голову.

Ей было смешно, а сказала она сердито:

- Чего ты стоишь, помоги.
- Чего помогать?
- Ремешок развязался.
- Давай я завяжу.

— А я и сама завяжу, — сердито ответила Вика и вдруг рассмеялась.

Борька смотрел на нее и не понимал, почему она смеется: ведь он не сказал и не сделал ничего смешного. Он просто хотел помочь, он все делал правильно. А Вика — наоборот: она просила помочь, но лыжи не дала. Она все делала неправильно, но Борька чувствовал себя глупым и маленьким. А это очень неприятно — чувствовать себя глупым. Любой на

его месте шлепнул бы Вику по затылку раза два и ушел бы с победой — в другой раз не засмеется. Но Борька не шлепнул и не ушел. Он потоптался на месте, поправил шапку и тоже засмеялся.

— Ой, не могу! — простонала Вика, вскакивая на ноги.

Вика оглядела Борьку и снова прыснула. А Борька добросовестно улыбнулся в ответ, хотя, пожалуй, лучше всего было бы дать Вику по затылку.

Потом они притихли и пошли рядом вдоль проспекта.

Далеко впереди светился угол Невского и Литейного. Огни карабкались в небо, затем падали вниз и гурьбой, теснясь, обгоняя друг друга, стремились через перекресток и справа и слева. Над крышами плыли красные колеса, голубые буквы. Они вспыхивали и гасли или просто светили, не мигая. Сквозь пелену снегопада не было видно ни домов, ни машин, что несли этот свет. Там были только огни. И машины, обгонявшие ребят, стремились туда, словно для того, чтобы вспыхнуть и сгореть в этом фейерверке.

Всему виной был, конечно, снег. Если бы не снег, то огни карабкались бы по стенам кинотеатра «Титан», прочно стояли бы на крышах и проезжали бы через перекресток не иначе как с автомобилями. Но снег шел. Взбунтовавшиеся огни блуждали сами по себе, без огней. И Вике, когда она подумала об этом, стало вдруг легко и радостно. Вика не сразу поняла, что случилось. Почему и откуда пришла к ней эта радость. Она никак не могла вспомнить какое-то слово — очень красивое и очень знакомое. Это слово было уже на кончике языка, но ей помешал Борька, которому надоело идти молча.

— Вика, — спросил он, — ты есть хочешь? Я хочу.

— Ой, какая я дура, — прошептала Вика.

Борька с удивлением уставился на нее. Сегодня он не понимал Вику, и он, конечно, не мог догадаться, что то важное слово, наконец, вспомнилось. Вика, широко открыв глаза, смотрела вперед вдоль проспекта, где вспыхивали и гасли огни реклам, где шел снег и белые шары фонарей уютно, как кошки; спали на вершинах столбов. Из всего этого почему-то получалось, что она будет актрисой.

Вика подумала об этом впервые неожиданно для себя. Но уже через секунду ей казалось, что она знала это всю жизнь. А еще через секунду Вика, повернув голову, с каким-то но-

вым удивлением разглядывала свое отражение в темной витрине. Там за стеклом, не отставая от нее ни на шаг, шла стройная лыжница в шапке, отороченной пушистым снегом. Она смотрела на Вику внимательно и немного загадочно, и Вика ничуть бы не удивилась, если бы витрина вдруг вспыхнула, как экран, и оттуда донеслась бы музыка.

— Боря, — спросила Вика, — как ты думаешь, я на кого-нибудь похожа?

— Ты?

— Ну конечно я, — нетерпеливо сказала Вика. — Ведь я про себя спрашиваю. На кого я похожа?

— На маму, наверное, — недоуменно ответил Борька. — Ну еще, может быть, на папу. Я его не видел. Сама, что ли, не знаешь, на кого похожа?

— Я тебя про другое спрашиваю!

— Про чего другое?

Господи, какие дураки все мальчишки! Они ничего не понимают — вот настолько не понимают. Даже Борька Таланов — лучший из их класса, который... Который вовсе не лучший! Он, наверное, самый худший. Он самый ненавистный.

Вика презрительно (как актриса) взглянула на Борьку. Другой бы умер на месте от такого взгляда. Но Борька — это Борька. Он не был девочкой по затылку и не умел умирать от взглядов. Просто он был немного растерян и не мог понять Вику.

— Про чего ты спрашиваешь? — повторил он. Вика пнула ногой подвернувшуюся ледышку.

— Ни про чего!

— А на кого ты похожа?

Вика промолчала.

Вот теперь-то и было самое время шлепнуть ее по затылку, потому что есть вещи, которых нельзя терпеть даже от тех, кто тебе нравится. Но Борька не сделал этого. И очень хорошо, что не сделал, ибо на длинном пути до дома Борьку еще ждала награда за его терпение: награда, о которой может только мечтать мальчишка, если ему нравится какая-нибудь девочка.

Но пока что они молча стояли перед витриной «Гастронома», где в холодном голубом свете стыли деревянные колбасы, а деревянные поросы держали подносы с грудами деревянных сосисок. У поросы был такой вид, как будто им было приятно думать, что скоро и они превратятся в колбасу и сосиски.

— Смешные поросы, — сказал Борька.

— На тебя похожи, — отрезала Вика.

И опять Борька не стукнул Вику по затылку. Он стоял и молчал, и пока он соображал, что бы еще сказать, Вика перешла к следующей

витрине. Борька подошел и стал рядом. Ему очень хотелось придумать что-нибудь смешное, но ничего не придумывалось. Правда, он не обязан был говорить, потому что Вика тоже молчала. Но как-то уж так получилось в этот вечер, что кругом виноватым выходил Борька.

За витриной около кассы стояла толстая тетка с лотком. Она беззвучно шевелила губами — наверное, уговаривала покупать пирожки. Пирожки никто не брал. Тогда тетка запустила руку в лоток, достала пирожок и стала есть его, сердито поглядывая на покупателей.

Борька слегка сплюнул слюну и искоса посмотрел на Вику. Лицо Вики было задумчивым и строгим.

— Вика, давай пирожков купим.

— Я не хочу, — сказала Вика голосом Снежной Королевы.

— С мясом!

Вика пожала плечами. У нее был такой вид, словно Борька сказал ужасную глупость. И голос у нее был такой, будто она никогда не ела пирожков с мясом. Борька покраснел неизвестно почему. Может быть, если бы он знал, что Вика — актриса, он предложил бы ей шоколадный торт или килограмм халвы... Но Борька ни о чем не догадывался. Денег у него было только на три пирожка. Ему нравилась Вика и очень хотелось есть. И Борька взбунтовался. Борька закипел. В эту минуту он мог бы взорвать город или даже нагрубить милиционеру. Еще никогда в жизни Борька не чувствовал себя таким злым и решительным. Он сказал:

— Тогда я сам куплю.

И дверь магазина захлопнулась за Борькой. Вика повернулась и пошла к Невскому. Теперь — одинокая и покинутая — она еще больше чувствовала себя актрисой. Снег на ее бровях плавился, таял, по щекам текли снежные слезы, и Вике вдруг захотелось плакать по-настоящему.

Сзади послышался топот. С пирожками в одной руке, с лыжами — в другой догонял Вику раскаявшийся Борька.

— На, ешь.

Спокойствие и презрение. Нет — холодное спокойствие и ледяное презрение! Медленный, плавный поворот головы направо. Взгляд Снежной Королевы. И голос из Страны Вечного Холода.

— Ешь сам.

Но Борька до сих пор не понимает, что он предлагает пирожки актрисе. Он опять добродушный и очень преданный. Его не пугают ледяные взгляды и презрение. Ему нравится Вика. Все, что он делает, очень просто: пирожки нужно есть, пока не остыли.

— Ешь, они теплые.

От пирожков идет пар. Вика ощущает запах промасленного, чуть сырватого теста. Оно должно быть мягкое и теплое. Такие пирожки нужно откусывать половинками.

— Ешь сам, чего пристал, — говорит Вика, чуть не плача.

— Я уже съел.

Ах, вот оно что! Он уже съел! В голосе Вики снова появляются королевские интонации.

— Сколько?

— Три штуки, — нахально врет Борька. — Три тебе, три мне.

— Ладно, — соглашается Вика. — Один я съем.

— Ешь все, чтобы поровну было.

Но Вике хочется еще немного пострадать.

— В крайнем случае — еще один, — строго говорит она. — Пусть тебе будет четыре, а мне два.

— Ладно, пусть четыре, — уступает Борька.

Борькин пирожок исчезает мгновенно. А Вика ест медленно, наслаждаясь своим благородством и королевской щедростью: Борька съел четыре штуки, а она — две. Откуда ей знать, что у Борьки денег было только на три пирожка.

Жуя, они пересекли Невский. И вот уже огни остались позади. Пирожки съедены. Вику снова одолевают прежние мысли. Ей хочется поговорить о своей будущей актерской жизни, но глупый Борька ничего не понимает. Когда-нибудь он пожалеет об этом. Когда-нибудь... Но Вике нужно сейчас. Вика идет и мысленно представляет себе такой разговор.

— Боря, я решила стать актрисой.

— Ой, Вика, правда?!

— Конечно.

— Ой, Вика, здорово!

— Может быть, певицей...

— Ой, Вика!...

— Или лучше — в кино.

— Ой, Вика...

— Или, может быть, в театре.

— Ой, Вика, а как же я?

— Ты? Ты будешь смотреть меня по телевизору, — холодно скажет Вика, и они разойдутся в разные стороны.

Так думала Вика. Наконец, ей надоело разговаривать с собой, и она сообщила Борьке:

— Боря, я, наверное, буду актрисой.

— Актрисой? — спросил бесхитростный Борька. — А примут?

Вика посмотрела на Борьку сузившимися глазами.

— Кого примут?

— Тебя, — пояснил Борька. — Туда ведь только со способностями принимают.

— Уходи лучше отсюда, — сказала Вика.

Борька запыхтел. Он никак не мог сообразить, почему все сегодня оборачивается против него. Что произошло с Викой? Разве он сказал что-нибудь обидное? Или, может быть, в актеры берут теперь и неспособных? Как их понять, девчонок?

Все же Борька не уходит. Он идет рядом с Викой и даже пытается с ней разговаривать.

— Вика, смотри, «Чайка» идет.

— Вика, Владимир Иванович здорово катается. Да?

— Вика...

А Вика молчит, как фонарный столб.

Молчание тяготит Борьку. Ему хочется разозлиться, а он не может, потому что он такой человек. Они идут вдоль забора, и Боря заглядывает в дверку. С груды кирпича смотрят на него, не мигая, два желтых огня.

— Вика! Кошка!

Вика останавливается. Кошка — это не Таланов, на кошку можно взглянуть.

Желтые огни уставились на Вику.

— Киса, — ласково зовет Вика. — Кис-кис-кис... — в ее голосе столько нежности, что трудно не понять, насколько кошка милее для нее, чем Таланов. Но Борька все же не понимает.

— Хочешь, я тебе ее поймаю?

Вика пожимает плечами.

Борька взлетает на груду кирпича. Желтые огни исчезают. Борька осматривается и видит торчащий рядом рельс. Он уходит куда-то в небо. Борька задирает голову. Рельс оказывается ногой крана. Кран такой большой, что вблизи его незаметно.

— На кран полезла, — говорит Борька.

— Не смешно, — отзыается Вика.

Борька думает несколько секунд, и вдруг ему приходит в голову блестящая мысль. Он вспоминает, как они с Викой шли от самого вокзала и как Вика злилась. Как она не хотела с Борькой разговаривать. Она ломалась и вела себя отвратительно. Из всего этого почему-то получалось, что Борька должен был залезть на кран. Можно было бы, конечно, придумать что-нибудь и на земле. Но тут уж ничего не поделаешь. Некоторые, например, если на них смотрят девчонки, могут ходить по гладкой стене, как мухи. А ведь у крана есть лестница.

— Вика, я на кран полезу! — кричит Борька.

— Не смешно, — отзыается Вика.

«Не смешно? Прекрасно.» Борька ставит ногу на лестницу и быстро взбирается на площадку, где расположена кабина. Сейчас он на уровне третьего этажа. Отсюда прекрасно видно, что делается в окнах дома на другой стороне улицы. В одной комнате ужинают под голубым абажуром, во второй — под оранжевым, в

третьей — смотрят телевизор. Они не знают, что их видят. Борьке становится весело.

— Боря, слезай.

Вика стоит уже под краном. Борька смутно видит, как блеет ее лицо. Вика смотрит на него, задрав голову. Сейчас бы самое время плюнуть на нее сверху. Но Борька не любит таких штучек. Ведь уже говорилось, что он человек особенный.

Перебирая руками заснеженные перекладины, он лезет все выше внутри железной решетки. Он старается смотреть только вверх и неожиданно замечает, что улица приподнялась почти вплотную. Она прямо под ногами. Борька стоит на верхней площадке, держась руками за перила, и слышит голоса прохожих. Оказывается, сверху еще лучше слышно. Во всяком случае голос Вики доносится совершенно отчетливо.

— Боря, слезай, пожалуйста.

«Пожалуйста? Прекрасно!» Теперь — на стрелу. Здесь уже нет лестницы. Стрела наклонно уходит в небо. Борька ползет по косым перекладинам. Ему жарко и весело. Ну что, Данилова? Смотри. Любуйся.

Рука Борьки скользит по металлу, из-под нее срываются пласты снега. Снег падает долго, долго. Борька провожает его взглядом и вдруг неожиданно сознает, что от него до земли как раз столько, сколько падал снег. И тут же с ужасом Борька всем телом ощущает, что вокруг ничего нет — ни внизу, ни сбоку, ни сверху. Он уже не может смотреть по сторонам, он боится пошевелиться. Он смотрит только вниз. А внизу, словно маятник, раскачивается маленькое пятно — Вика.

— Боря!

Борьке кажется, что Вика кричит очень громко, так громко, что он может свалиться от одного этого крика.

— Замолчи, — шепчет Борька.

И тут же начинают бить часы на башне в доме напротив. Никогда раньше Борька не слышал, чтобы они били. Бом! Бом! Все сильнее, все громче... Эти удары отдаются в голове. И Борьке кажется, что если часы не умолкнут, то сейчас все дома и кран, все вокруг начнет рушиться и падать.

— Боря, я боюсь...

Это Вика раскачивается на земле. Она плавно ходит: вперед — назад, вперед — назад. Почему она так маячит? Борька смотрит вниз, широко открыв глаза. И вдруг понимает, что Вика раскачивается вместе с землей. И это значит, что качается кран.

— Боря, я позвоню кого-нибудь... Боря...

«Не надо», — хочет сказать Борька и не может. Ему кажется, что если он произнесет хоть

слово, то сейчас же сорвется. Но Вика и сама понимает, что не надо. И вот голос ее уже доносится с первой площадки, где кабина.

— Боря... Боря, не молчи. Почему ты молчишь?..

Голос Вики теперь ближе, и это придает Борьке храбрости. Медленно он передвигает руку вдоль перекладины. Так же медленно вытягивает ногу. Теперь он на несколько сантиметров ниже. Снова рука, снова нога...

Внизу беззаботно шумят улица. Никто не видит Борьку. Никому нет до него дела. У кабины тихонько скучит Вика. Она боится лезть выше. И слезть она теперь тоже боится. Она плачет, задрав голову, и мысленно клянется, что никогда не будет актрисой. Никогда! Лишь бы спустился Борька.

А Борька уже на верхней площадке. Страница не смотреть вниз, он осторожно нащупывает подошвами перекладины лестницы. На Вику сыплется снег. И вот Борька ставит ногу на нижнюю площадку. Ставит осторожно, так же, как делал это наверху.

— Ты чего... — говорит он дрожащим голосом. — Видишь... я же слез.

— Дурак, — всхлипывает Вика. — Идиот не-нормальный... Я маме расскажу. Елизавете Максимовне... Всем...

Борька и Вика спускаются вниз. Борька впереди, Вика — сзади. На твердой земле все кажется проще: часы бьют негромко, дома не раскачиваются, кран — самый обыкновенный, нормальный кран.

Вика уже не плачет. Борька, хотя у него все еще дрожат руки, подбирает свои и Викины лыжи. Они выходят на улицу и идут рядом.

— А тебе страшно было?

Борька снова кивает головой. Такой уж он человек.

— Очень?

— Ага.

— И мне очень.

Они идут по улице, и Вика уже не разглядывает себя в витринах.

Оставим их на время. Пусть идут. Им еще долго идти вместе.

ПРО УРОК ТРУДА

Уроки труда у нас ведет Алексей Иванович. Он не учитель, а просто рабочий. Он давно на пенсии, потому что ему семьдесят два года. Но работает он больше всех — целый день в мастерской. На него, если посмотреть, сразу скажешь, что он не учитель, а рабочий. И даже лучше, что он не учитель. Потому что он никогда не жалуется классному руководителю ни на одного ученика. А если кто плохо себя ведет, он говорит:

— Уходи, пожалуйста. Не хочешь работать — уходи. Казнить я тебя не буду. Даже отметку поставлю — четверку. Только не мешай.

Но из нашего класса еще никто не ушел. Ребята его любят. Потому что он какой-то честный. Если у нас чего-нибудь не получается, он прямо переживает. Будет по два часа показывать и объяснять, пока не получится. А если там напильник сломал нечаянно, или заготовку испортил — ничего не скажет. А вот если кто лодырничает, он обижается, как маленький. Честное слово, просто по лицу видно, что обижается. Как будто, он никогда лодырей не видел.

В шестом «б» он одному тоже сказал про четверку. А тот говорит: «Поставьте!» Алексей Иванович взял и поставил. А тот ушел. И Алексей Иванович никому не жаловался. На

другой день тот ученик снова пришел. Алексей Иванович ему сказал: «За отметкой пришел или работать?» А он говорит: «За отметкой». Алексей Иванович опять поставил четверку. Так Алексей Иванович наставил ему целую кучу четверок. Тот просто не знал, что делать с этими четверками. А ребята перестали с ним разговаривать. Тогда он говорит ребятам: «Исключайте меня из пионеров». А ребята говорят: «Мы тебя нарочно не исключим, чтобы тебе было стыдно галстук носить». Тогда он пошел к Алексею Ивановичу, попросил вычеркнуть четверки. Алексей Иванович сказал, что просто так он не вычеркнет, но может обменять каждую отметку на деталь. И тому ученику пришлось работать в два раза больше — за новые уроки и за старые. А ребята с ним не разговаривали, пока он не обменял последнюю четверку. Они сговорились и не замечали его, как будто он прозрачный и его не видно. А после того, как он обменял последнюю четверку, ребята встретили его у школы и стали по очереди с ним здороваться:

— Здравствуй!

— Привет!

— С добрым утром!

Он обрадовался, что с ним разговаривают, и стал пожимать всем руки. А его спрашивают:

— Как поживаешь?

Он отвечает:

— Ничего.

Ему говорят:

— Что-то тебя давно видно не было.

Он говорит:

— Как не было? Я же каждый день в школу хожу.

А ребята говорят:

— Что-то мы не замечали, — и начали спрашивать друг друга: — Ты видел? А ты видел? И ты не видел?

И сами отвечают:

— Я не видел.

— И я не видела.

— Не было его.

— Совсем не было.

— Начисто!

Так и говорили ему, пока он чуть не заревел. А потом каждый дал ему по одному пендлю за Алексея Ивановича, и его простили. Теперь, когда ему даже за дело четверку ставят, у него коленки дрожат. Наверное, вспоминать неприятно.

Меня Алексей Иванович зовет «форсун» — за разговоры. А Борьку — «трудяга». Он всегда нам Борькины детали показывает — как они хорошо сделаны. Борьку Алексей Иванович очень любит за его приемники. Он говорит, что из Борьки получится настоящий механик высшего разряда. Я спросил Алексея Ивановича, что из меня получится.

— Из тебя пока неизвестно что получится, — сказал Алексей Иванович.

— Вот и хорошо, — ответил я. — Из Борьки — уже всем известно. Механик. А из меня — неизвестно. Может быть, артист или водолаз.

— Артист из тебя уже получился. Язык у тебя хорошо работает. Вот только руки за языкок не спасают.

Мне Алексей Иванович всегда про язык говорит. Но я на него не обижаюсь. Он мне нравится. И очки у него интересные — с двойными стеклами. Одна половинка для ближнего зрения, другая — для дальнего. Наверное, у него специальные очки, чтобы видеть, кто лодырничает.

Вначале по труду мы делали такие угольнички. На них полки подвешивают. Нам давали полоски железа. Их нужно было опилить напильником. Потом наметить керном, где сверлить, и просверлить дырки. А дальше уже и делать нечего — в тиски вставить и загнуть. Нам больше всего нравилось сверлить на станке. Дырочки ровные получались, как по циркулю. Только этот станок очень быстро сверлит. Возишь, возишь напильником — да-

же устанешь, пока заготовку опилишь. А к станку подошел — чик! — и пожалуйста, четыре дырки. И удовольствия всего на полминуты. Мне даже поэтому сверлить жалко. Вот

бы хорошо, если бы мне — одни дырки, а другим — остальное.

Но я и так больше всех насверлил. Десять дырок я выменял у Алика за два малокалиберных патрона. Восемь дырок мне подарили Борька. А шестнадцать дырок я стащил у Вовки Дутова. Мне просто надоело, что он всегда жадничает. Другие сделают заготовку и бегут к станку. А Дутов не бежит. Он весь урок дырки копит. А потом подойдет к станку и наслаждается, и сияет, будто его маслом намазали. Сразу по двадцать дырок сверлит.

Я подговорил Алика, чтобы он отозвал Дутова, а сам взял Вовкины заготовки и пошел к станку. Вот насверлился! А ребята по очереди отвлекали Дутова. Эх, он разозлился тогда. Он сразу сказал, что это я сделал, хоть и не видел. Он обещал меня подкараулиить после школы. Но после школы мы пошли с Борькой. А на двоих Дутов никогда не нападает.

Алику я за это отдал три своих дырки.

А Дутов теперь свои заготовки к тискам проволокой прикручивает, чтобы не украли.

Алексей Иванович нам все время обещал, что скоро шефы привезут токарные станки. На токарных ведь еще интереснее, чем на сверлильном. Алексей Иванович нам объяснял, как резцы устанавливать, как затачивать. На доске чертил. Только это неинтересно — на доске. Это все равно если голодному рассказывать, какая колбаса вкусная. Все равно он голодный будет.

Все ребята этих станков ждали.

Один раз мы пришли на урок, а Алексей Иванович говорит:

— Урока не будет.

А сам очень довольный. И в новой рубашке. Даже галстук надел. Никогда он галстука не носил.

Мы спрашиваем:

— Алексей Иванович! У вас сегодня день рождения?

Он говорит:

— Вроде того. Станки привезли. Пошли встречать.

Девчонки завизжали, будто от радости, и стали прыгать. Много они в станках понимают. Просто обрадовались, что на уроке визжать можно.

Мы вышли во двор, а там — грузовик. И на нем два станка. Ничего станочки, с моторами. Рядом с грузовиком стояли парни, человек десять. И еще один толстый в сапогах с галошами. Когда мы подошли, толстый закричал:

— А вот орлы идут! Токари! А где равнение? Барабан где?

Мы думали, он кому-нибудь другому кричит, сзади нас. Обернулись, а там никого нет. Это он нам кричал. А чего кричать, если мы рядом стоим?

Толстый крикнул Алексею Ивановичу:

— Это ты у них учитель? Здоров, учитель! Принимай подарочек!

— Вот уж спасибо вам, — сказал Алексей Иванович. — Давно ждали.

— Дела, учитель, дела! Без дела не сидим! У меня весь завод вот он где! — и толстый стукнул себя по шее.

Шея у него ничего, тоже толстая. Только завод на ней не поместится.

— Да еще вот эти орлы! — толстый показал на парней. — Они еще с меня за разгрузку на пол-литра требуют.

— С вас дождешься, — сказал один парень. Толстый захохотал.

— Именно! Именно не дождешься! У меня — порядок!

Пока парни сгребали станок, толстый командовал и кричал. Он мне не понравился, хоть он и директор завода. Но вообще-то станки он привез. Значит, он все-таки ничего.

— А станочки-то не на ходу! — весело закричал директор. — Ты, учитель, не обижайся!

— Какая обида? — сказал Алексей Иванович. — Спасибо вам большое. Наладим.

— Точно! Точно, учитель! С такими-то орлами, с барабанщиками! — крикнул директор.

Пока он кричал, парни затащили станки в мастерскую. Она у нас на первом этаже. Алексей Иванович еще заранее катки подготовил, а то бы им ни за что не втащить.

— Расписывайся, учитель! — Директор протянул Алексею Ивановичу какую-то бумагу. — Чтобы все точно, четко. А если неграмотный — ставь крест вместо подписи! — и он захохотал.

Алексей Иванович расписался. Парни сели в кузов, а директор — в кабину. Он еще и в кабине что-то кричал, но мы уже ничего не слышали из-за мотора.

Грузовик уехал.

— Ну, ребятки, пойдем, — сказал Алексей Иванович. — Будете теперь вы токари.

Мы пришли в мастерскую. Алексей Иванович походил вокруг станков, погладил их, будто это не станки, а кошка. Потом он покрутил рукоятки. Чем больше Алексей Иванович крутил, тем больше хмурился. Затем он постелил на пол рогожку, лег на спину и начал высматривать чего-то снизу станков.

— Чего вы смотрите, Алексей Иванович? — спросил Борька.

— Ничего, ничего... Погоди.

— Ой, Алексей Иванович, давайте скорее работать! — завизжала Мила Орловская. — У меня даже ладони чешутся.

— Не визжи! — сказал я Миле. — Не мешай Алексею Ивановичу. Работать еще тебе надо! Сама не знаешь, с какого бока к станку подойти. А если у тебя ладони чешутся, возьми и почеши. Вон, рашиплем.

— А ты знаешь, с какого бока? Ты знаешь? — затараторила Милка.

— Я-то не знаю. Зато я и не визжу.

В это время Алексей Иванович вылез из-под станка.

— Да, ребятки, — сказал он. — Тут не визжать надо, а плакать.

— Почему?

— Этим станкам на свалке место, а не в мастерской.

Алексей Иванович сел на табуретку и закурил. Мы никогда не видели, чтобы он курил в мастерской. И вид у него был очень растерянный. Он даже сразу стал какой-то старый, будто ему не семьдесят два года, а сто или больше.

— Алексей Иванович, как же теперь? — спросил я.

— А никак, — сказал Алексей Иванович. — Будешь сверлить дырки. Ты же любишь дырки сверлить. Это шефы называются! Совестно даже. Тыфу!

— Может, все-таки включить, попробовать?

— Эти станки из-за угла включать надо, — махнул рукой Алексей Иванович. — С ними рядом стоять опасно.

В это время раздался звонок, и мы пошли в свой класс. Ребята просто расстроились. Ведь все думали, что мы первые на этих станках поработаем. А я разозлился на толстого директора. Я шел и думал, что бы я с ним сделал, если бы разрешили. Сначала я подумал бы Борькиного братишку, чтобы тот на него плонул. Потом посадил бы его на пятнадцать суток... Больше я ничего придумать не успел — мы встретили Владимира Ивановича.

— Вот, Владимир Иванович, это шефы называются, — сказал я.

— А что такое?

— Станочки привезли — их только из-за угла запускать.

— Неисправные?

— Им на свалке место! — завизжала Милка Орловская.

— Плохо дело, — сказал Владимир Иванович. — Я помню, вы мне давно про эти станки говорили. И Алексей Иванович их все ждал. Что ж теперь делать будем?

— Про них надо в суд написать, чтобы их всех уволили! — сказал я.

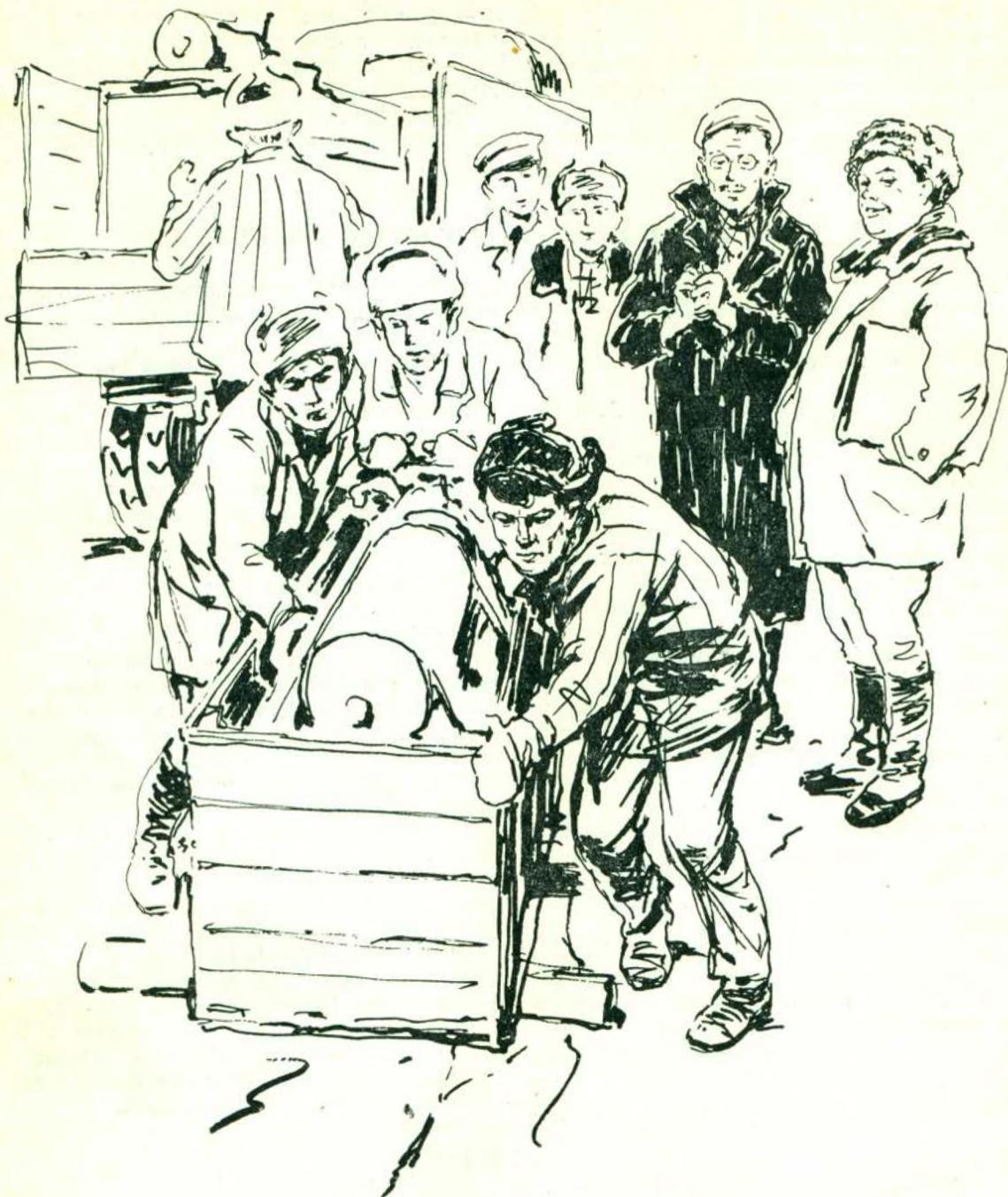
— Кого всех?

— Шефов.

— Так уж и всех, — засмеялся Владимир Иванович.

— А чего они! — сказал я. — Они, может, нарочно. Может, они вредители.

— Эх, Костя, — сказал Владимир Иванович, — тебя бы прокурором поставить.

— А чего? — говорю. — Этот директор точно вредитель. Он кричал все время. И про барабаны чего-то говорил.

— Ладно, ребята, — сказал Владимир Иванович. — Суд, вредители — это все хорошо. Только вам ведь станки нужны. Вот вы и бо-

ритеся за то, чтобы они у вас появились. Попробуйте без суда.

— Владимир Иванович, — сказал Борька, — но ведь мы же сами станки сделать не можем.

— Верно. Зато многое другое можете.

— Что другое?

— Можно, я вам сейчас не скажу? Ладно? Даю вам неделю срока. Подумайте сами. Сами! Вы же большие. Вместе подумайте. Не может быть, чтобы сорок пионеров с таким пустяком не справились. Ведь это же пустяк!

— Ничего себе пустяк, — сказал я. — Вы, наверно, чего-то про этих шефов знаете.

— Обязательно знаю, — сказал Владимир Иванович. — Но вы все же подумайте. Сами.

После уроков мы остались и думали часа два, но в тот день ничего не придумали.

ПРО ЭЛЕКТРИЧЕСКУЮ КОМНАТУ

Утром я сказал Зинаиде:

— А нам вчера два станка привезли.

— Ну и хорошо, — ответила Зинаида. Она одной рукой держала ложку, а другой листала учебник.

— Их только из-за угла включать, — сказал я.

— Ага, — отозвалась Зинаида.

— Ты лучше не агакай, ты лучше придумай, чего делать

— Что делать?

— Чтобы нам их на хорошие обменяли.

Зинаида перелистнула страницу и ничего не ответила. Мне надоело, что она не слушает. Сама же всегда говорит, чтобы я советовался со старшими. А я даже не советовался, очень нужно мне с ней советоваться. Я просто спросил. Потому что сам ничего придумать не мог.

— Я, может, тебя первый раз в жизни спросил. И последний. Это ты учи, — сказал я.

— Отстань, Костя. У меня экзамены на носу.

Я говорю:

— Покажи нос. Никаких экзаменов на нем нет. Очки есть, а экзаменов нет.

— Господи! — простонала Зинаида. — Радио хоть выключить можно. А ты — хуже радио. Когда же мама приедет?!

Я говорю.

— Правильно. Вот мама приедет, я ей все расскажу что ты мне ни разу посоветовать не хотела, и что ты за едой читаешь.

Зинаида перелистнула страницу, а на меня даже не посмотрела.

— От этого еда плохо переваривается, — сказал я. — Ведь ты же сама говорила, что плохо.

Зинаида перелистнула еще страницу.

— К экзаменам надо готовиться в течение всего года, а не в последний день. Ты же сама говорила...

Зинаида ничего не отвечала.

— И не горбись за столом. Будешь ходить с искривленным позвоночником.

В общем, я повторил Зинаиде все, что она мне раньше говорила. Она всегда меня учит, как что делать. А Зинаида молчала. Это она

решила от меня отмолчаться. Она знает, что мне неинтересно, если не отвечают.

Тогда я сказал:

— Все равно будешь со мной разговаривать. А Зинаида — ни слова.

Я надел пальто и говорю:

— У меня вот уроки не выучены, а я гулять пойду.

А Зинаида даже не оборачивается.

Тогда я спустился по лестнице и снизу позвонил из автомата.

— Алло!

— Алло! Я слушаю, — ответила Зинаида.

— Это Костя, — сказал я. — Видишь, вот ты со мной и разговариваешь.

В трубке сразу запищали короткие гудки. Но это уже неважно. Все-таки она сказала мне три слова: «Алло», «я» и «слушаю». Вот, наверное, сейчас злится. Зато в другой раз будет разговаривать. Я ведь ее по делу хотел спросить. А про уроки я нарочно сказал. Я их еще вчера выучил.

Только я вышел на улицу, как около кино увидел Борьку. Он стоял в очереди у телефона. Зачем ему из будки звонить? У нас же в парадной есть автомат. Я хотел подойти и спросить. Но потом я подумал, что спрашивать неинтересно. Борька сразу скажет. Он всегда отвечает, если его спрашивают. Лучше я сам узнаю. Так, чтобы он не заметил.

Я подождал, пока Борька войдет в будку, и незаметно подкрался. Сквозь стекло было плохо слышно. У меня даже в ушах закололо — так я старался слышать.

— Алло! Это редакция газеты? — спросил Борька.

Тут Борька повернулся, и я еле успел отскочить. Больше я ничего не услышал.

А когда Борька вышел из будки, я заметил, что на другом углу его ждет Вика. Они поговорили немного и пошли к Фонтанке.

Борька всегда с Викой ходит. Даже со мной меньше ходит, чем с Викой, хоть мы и живем на одной лестнице. А все думают, что мы с Борькой друзья. Я не знаю, может, это называется — друзья. Только когда он приемники делает, я в хоккей играю. А вместе мы ред-

ко бываем. И все из-за Вики. Староста несчастная! Невеста без места! Я ей даже сказал один раз:

— Данилова, ты что — Борькина невеста? Чего ты за ним бегаешь?

— А ты болтун, — ответила Вика. — Поэтому с тобой никто из девочек дружить не хочет

— Со мной? — сказал я Вике — Со мной хоть тысяча девчонок дружить будет. Я, может, сам не хочу А захочу — будет

— Захоти!

А рядом стояла Мила Орловская. Я ее спросил:

— Мила, будешь со мной дружить?

Мила покраснела и ничего не ответила

Тогда я сказал Вике:

— Пожалуйста! Видишь: молчит. Молчание — знак согласия.

После уроков Мила подошла ко мне и шепотом сказала, что она будет дружить, только чтобы никто не знал.

— Почему это ты шепчешь? — спросил я

— Чтобы не услышали, — прошептала Мила.

— А почему «чтобы не услышали»?

— Так интереснее, — прошептала Мила

— Кому это интереснее? — сказал я — Вот еще! Что я с тобой буду шепотом дружить?

Да я и не собирался с тобой дружить Это я нарочно спросил С тобой дружить — ты еще в газету напишешь.

Мила обиделась и назвала меня грубияном. А сама, правда, в газету писала. Она написала: «Дорогая редакция! У нас в классе все интересуются — можно ли дружить мальчику и девочке. Ответьте, пожалуйста». Ну чего тут ей отвечать? Непонятно, что ли. Дружи, сколько хочешь. Ей что, от редакции специальное разрешение нужно? А если ей ответят «нельзя», так она дружить не будет, что ли?

Пока я думал про Милу, Борька и Вика ушли совсем далеко. Я побежал их догонять. Только я старался, чтобы они меня не заметили. Мне было интересно узнать, куда они идут.

Они перешли через Фонтанку и остановились около большого дома. На дверях была вывеска «Редакция газеты «Ленинские искры». Тут я вспомнил, что Борька по телефону спрашивал редакцию. И у меня внутри все перевернулось от смеха. Я сразу догадался: они пришли спрашивать, можно ли им дружить или нет.

Я подождал, пока они немного пошептались, и подошел.

— Борька, ты чего тут делаешь?

— А ты чего делаешь? — спросил Борька и вдруг обрадовался. — Ты, значит, тоже догадался?

— Конечно, догадался, — сказал я. — Только ты в редакцию не ходи. Все равно тебе разрешат.

— Чего разрешат?

— Дружить с девочкой.

— С какой девочкой?

— С Даниловой. Хоть она и староста — все равно разрешат.

Вика посмотрела на Костя и сказала:

— Боря, может быть, у него температура? Смотри, какой он красный.

— Правда, Костя, может, у тебя грипп? — спросил Борька.

— Это у тебя грипп! И еще бронхит! А то бы ты не спрашивал про мальчика с девочкой.

— Ты сегодня нормальный? — спросил Борька.

— Не притворяйся, — сказал я. — Думаешь, не знаю, зачем ты пришел?

— Зачем?

— Спрашивать: можно или нет дружить мальчику и девочке?

Борька и Вика переглянулись и вдруг захотели. У Вики даже шея покраснела от смеха. А Борька стал кашлять. Они так смеялись, что на них прохожие оборачивались.

Я говорю Вике:

— Смейся, смейся. Только учти — у меня был один знакомый. Он от смеха лопнул.

Они еще сильнее захотели. Я отвернулся, как будто мне до них никакого дела. Они видят, что я не смотрю, и перестали смеяться. Борька и говорит:

— Хочешь, пойдем с нами. Сам увидишь, зачем пришли.

— Нужно мне с вами идти!

— Зачем же ты за нами шел?

— Я не за вами шел, а по улице.

— Идем, Боря, — сказала Вика — Все равно его не переговоришь. Он как долгонграющая пластинка.

— Чего? — сказал я. — Какая пластинка?

— Долгонграющая. Тридцать три оборота. До-олгонграющая...

Я говорю:

— Борька, дать ей за пластинку?

— Попробуй, дай.

— Может, заступишься?

— А ты попробуй, дай.

— За невесту заступишься?

— Дурак, — сказал Борька. — Идем, Вика! И они вошли в дверь, где висела доска: «Ленинские искры». А я стоял и думал: идти мне за ними или нет? Ведь если я пойду, то получится, что я за ними бегаю. А если не идти, то значит, я Вики испугался. И потом мне очень хотелось узнать, зачем они пришли.

Все-таки я пошел. Поднялся по лестнице.

А там длинный коридор. И на всех дверях написано: «Ленинские искры».

Я открыл одну дверь. У нее пружина очень тугая. Меня как поддало, я сразу в комнату

влетел. А там никого нет. Я повернулся, чтобы уйти, и вдруг мне страшно стало. На двери висела табличка. На ней был нарисован череп, а внизу надпись: «Смертельно». У меня даже лоб вспотел. Я думал, что попал в электрическую комнату. Мне выйти надо, а я боюсь до двери дотронуться — вдруг током ударит. А как же выйти, если не дотрагиваться? Но дотрагиваться тоже страшно — убьет, наверное. Я стою и думаю: если выйду из этой комнаты, то Вика все косы оборвут. Ведь я из-за нее сюда попал. Не комната, а ловушка какая-то. Снаружи написано: «Ленинские искры», а внутри током бьет. Я сначала даже шевельнуться боялся — вдруг задену какой-нибудь провод. Потом я посмотрел и вижу, что проводов все-таки нет. Может быть, они в двери спрятаны? Стою и не знаю, что делать. Да еще вспомнил, как меня в школе в физическом кабинете током дернуло. Там есть такая машина: два стеклянных круга и щеточки. Я эту машину раскрутил, а потом нечаянно дотронулся. Меня так дернуло, будто поленом стукнули. А здесь вообще — «смертельно».

И вдруг я вспомнил, что говорил учитель физики. Он говорил, что по металлу электрический ток хорошо проходит, а по стеклу нет. И по резине не проходит. И по дереву. Значит, деревом дверь можно открыть. Как я сразу не догадался? Хорошо, что я был на том уроке.

Я взял стул и нажал на дверь. Она немного открылась. Тогда я втиснул стул еще больше, чтобы его зажало дверью. Получилась широкая щель. В эту щель я и пролез.

Рядом по коридору была еще одна дверь. На ней тоже написано «Ленинские искры». Но открывать ее я не стал — может, она тоже электрическая.

Вдруг дверь открылась, и оттуда вышел какой-то человек. Пока он выходил, я увидел, что в комнате сидят Борька и Вика. Я заглянул. Они сидели на диване, а рядом с ними сидел молодой парень в зеленом пиджаке. Он меня увидел.

— Ну заходи, — сказал парень. — Не бойся.

— Я и не боюсь.

— У тебя дело есть?

— Может быть, и есть, — говорю я. — Еще не знаю.

— Ну тогда посиди. Я с ребятами закончу.

А Борька и Вика посмотрели на меня и ничего не сказали, будто меня не знают.

— Так значит, вы ждали, ждали... — сказал парень Вике.

— Ага, — ответила Вика. — Не только мы, все ребята ждали. И Алексей Иванович тоже. А потом посмотрели — они совсем сломанные.

— Алексей Иванович сказал, что им на свалке место, — добавил Борька.

У меня сразу лоб вспотел, как там, в электрической комнате. Значит, они не про мальчика и девочку, они про станки пришли разговаривать. А Борька мне ничего не сказал. Ну ладно, я ему припомню.

— Так что же вы теперь думаете делать? — спросил парень.

— Не знаем.

Тут я уже не мог вытерпеть. Если не знаешь, так и не ходи в редакцию. Лучше письма пиши. Про мальчика и девочку.

— Их засудить надо — вот что делать, — сказал я.

Парень повернулся ко мне.

— Кого засудить?

— Шефов.

— А ты здесь причем? — спросил парень.

— Он из нашего класса, — сказала Вика.

— Вот оно что, — парень засмеялся. — Значит, тебе тоже без станков плохо?

— Очень плохо, — сказал я. — Просто жить невозможно.

— Значит — засудить?

— Конечно, — сказал я. — Пятнадцать суток — и все.

— Да еще в газете про них напечатать, — сказал парень.

— Правильно, — говорю я. — Чтобы знали.

— А по-моему, пятнадцать суток даже мало. Посадить их лет на пять.

Я сначала думал, он серьезно говорит. Но, когда он сказал про пять лет, понял, что шутит. Я посмотрел на Борьку, а он сидит и улыбается, будто он один понимает.

Парень встал и заходил по комнате.

— Да чего там пять лет, — сказал он. — Десять...

— Правильно, — говорю я.

— Или расстрелять!

— Правильно.

— И от этого у вас сразу станки появятся. Новенькие.

— Правильно... — сказал я. — То есть нет, станков все равно не будет.

Они все трое засмеялись. И я тоже засмеялся, хотя мне и не хотелось с Викой смеяться. Но я просто удержаться не мог.

— Ну ладно, — сказал парень. — Пошутили мы с вами, но от этого станки не появятся. Надо делать чего-то. Тут по-разному можно. Можно, например, пожаловаться. Можно в газете напечатать...

— Вы же сами говорите, что от этого станки не появятся, — сказал я.

— Верно, — согласился парень. — Это я так — соображал. Можно... Постойте... А ведь можно для начала на завод сходить. Поговорить с директором.

— С ним поговоришь, — сказал я. — Он кричит все время. Да нас и не пустят на завод.

— А вы пробовали?

— Мы не пробовали, — сказал Борька. — Мы сразу к вам пришли.

— И молодцы, что пришли. Только вот станков у нас нет. Они ведь на заводе?

— На заводе.

— Так давайте, на завод сходите. Может быть, и получится что-нибудь.

— С нами никто разговаривать не будет, — сказал я.

— Почему ты так думаешь?

— А с ребятами никогда не разговаривают.

— Какие же вы ребята, — сказал парень. — Вы уже взрослые — шестой класс. И потом мы с вами сейчас только рассуждаем: будут-не будут, пустят-не пустят. Надо попробовать. Соберитесь всем классом и идите.

— У нас весь класс не пойдет, — сказала Вика.

— Почему?

— Наш класс неактивный.

— Это что значит — неактивный?

И мы ему все рассказали. Про альбомы, про Владика и про то, что мы пузырьков собрали меньше всех. И еще рассказали про выборы и про то, как Дутова засунули под парту.

Тогда он сказал:

— Знаете, ребята, я с вами пойду. Ладно? Только вы никому не говорите, что я из газеты. В классе, конечно, скажите, а на заводе пусть я буду вожатым.

— А вы можете вместо Владика пойти, — сказал я. — Он все равно не пойдет. У него соревнования. Или тренировка.

— Можно вместо Владика, — согласился парень. — Вы мне позвоните, когда пойдете. Вот телефон. Зовут меня Игорь Владимирович.

Игорь Владимирович мне понравился. Если мне кто-нибудь нравится, я совсем не боюсь. Я могу спросить его что хочешь. Потому что это очень интересно — если неожиданно спросишь. И я спросил:

— Игорь Владимирович, я про одно дело узнать хочу.

— Давай!

— Можно дружить мальчику и девочке?

Борька и Вика переглянулись и зашептались. Они думали, я про них спрашиваю. А я спрашивал просто потому, что мне Игорь Владимирович понравился.

Игорь Владимирович удивился.

— Что?!

— Можно девочкам дружить с мальчиками?

— А с кем же им дружить — с крокодилами? — засмеялся Игорь Владимирович.

— Да я-то знаю, — сказал я. — Вы не думайте. Это я не для себя спрашиваю, а для других.

— Другим нельзя, — сказал Игорь Владимирович. — Только тебе можно.

Потом Игорь Владимирович проводил нас до лестницы. Когда мы проходили мимо первой двери, я спросил:

— А там что?

— Там наши художники работают, — сказал Игорь Владимирович.

Я думал, он шутит.

— Ну да, в электрической комнате — художники, — сказал я. — Они у вас тоже электрические?

— Какая комната?

— Электрическая.

— А ты там был?

— Был. Там на двери череп и написано «смертельно». Меня чуть током не стукнуло.

Игорь Владимирович остановился и захотел.

— Током?! Череп, говоришь? Так это же художники повесили. Ты разве не видел: в зубах у черепа папироса? Художники, когда работают, курят много. Вот они и нарисовали, чтобы не забывать, что курить вредно.

— Какая папироса? — спросил я. — Не было папирос.

Игорь Владимирович распахнул дверь. Череп висел на месте. Веселый такой череп. Улыбается, и в зубах — папироса. Я ее, наверное, со страху не заметил.

— Ну, друг, — сказал Игорь Владимирович. — Это ты здорово придумал про электрическую комнату. Я художникам обязательно расскажу.

— Да я нарочно.

— Да я понимаю, что нарочно. — Игорь Владимирович снова засмеялся. — Только не понимаю, как ты дверь открывал, когда выходил.

— Стулом, — сказал я.

На улицу мы вышли вместе с Борькой и Викой. Ругаться с ними больше не стал. У меня настроение было хорошее. А они меня всю дорогу спрашивали про череп.

Окончание следует

ГАЗПАЛВАН

Пулат Мумин

В горелках газовой плиты
горят лиловые цветы...

Прислушайся: огонь горит —
как будто кто-то говорит.
Как будто бы огонь — бутыль
и там запрятан богатырь.
И вот сейчас, средь бела дня,
он нам вещает из огня:
«Я здесь, но я рожден вдали.
Я долго шел из-под земли.
Я стар, но я могуч и рьян.
Людьми я назван Газпальван.*
Садись скорее у огня
и слушай сказку про меня.
Я стар... Но много-много лет
никто не знал: я есть иль нет.
Меня всю жизнь душил гранит.
Песком пустынь я был покрыт.
Темно вокруг: земля, земля...
Вот так я жил и думал я:
— Приди, волшебник,
землю тронь —

я весь отдаю тебе огонь,
все, что копил за веком век!

Пришел волшебник —
Человек!

Как нити кровеносных жил,
ко мне он трубы проложил.

И вот, силен, хотя и сед,
я гордо вырвался на свет.

Я стал сильнее, чем вулкан —
недаром назван Газпальван!

Я стал гореть. С охотой жить.
Я Человеку стал служить.

Я химикам открыл секрет,
как превратить в любой предмет,
подобно хлопку или льну,
мою густую седину.

Я непоседлив, я горяч,
я — краска, кукла, платье, мяч.

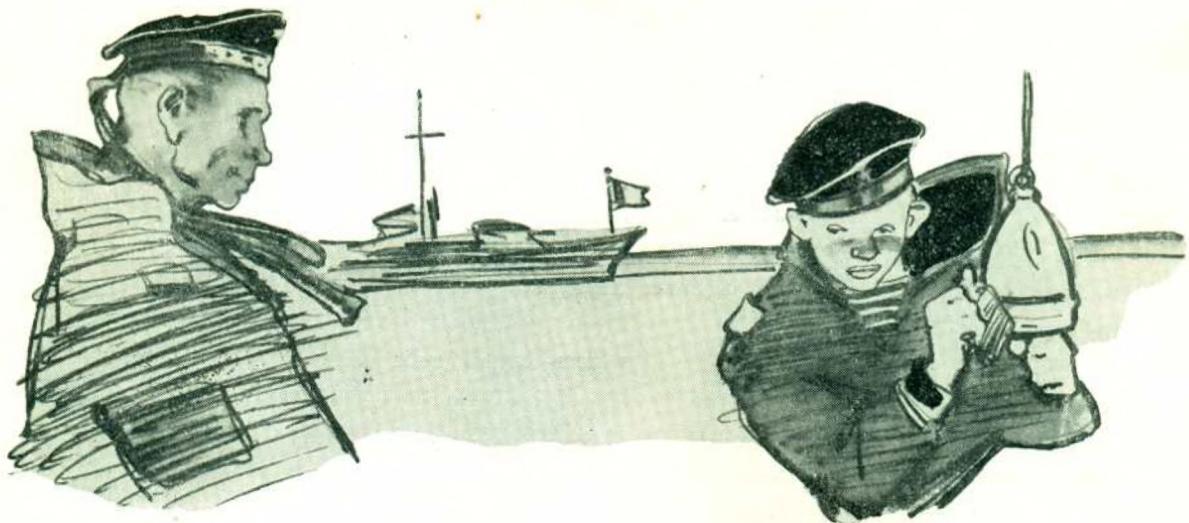
Мне долго жить — не сосчитать,
чем я еще сумею стать.

Из Бухары лежит мой путь.
Неправды в сказке ни чуть-чуть...»

* Газ-богатырь.

Перевел с узбекского В. Торопыгин

Рисунок А. Скалоузбова

ГВАРДИЙ ЮНГА

Евг. Николин

Рассказ

Рисунки Н. Лямина

Альке снится сон.

Будто дядя Коля, моторист с бронекатера, спрашивает его, Альку:

— А ну, скажи, юнга, почему моряки носят тельняшки?

Алька вчера впервые в жизни надел новеньющую матросскую рубаху. Синие полосы на ней — ярко-ярко-синие, а белые — совсем белоснежные. И ткань плотная, приятная наощущение. Он даже во сне ощущает это.

— Не знаю, дядя Коля, — отвечает Алька. Он хотя и спит, но хорошо помнит, что дядя Коля — никакой и не дядя, а гвардии старший матрос Потапов. Дядей Колей его зовут потому, что он старше всех на катере. Но «на службе» — Альке очень нравится это слово: «на службе» — к нему так обращаться нельзя. Надо по уставу: товарищ гвардии старший матрос. Это Алька уже освоил.

Еще он помнит, хотя и спит, что теперь тоже служит на бронекатере юнгой. Служит вместе с отцом. Это такое счастье, что Алька даже улыбается во сне.

Вообще Алька многое узнал за первый день, который провел на бронекатере. Знает Алька и почему моряки носят тельняшки. Дядя Коля ему сам — не во сне, а на самом деле — все объяснил. Но в снах всегда все бывает как-то

странны. Хочешь руку поднять, а она не поднимается. И тут Алька тоже отвечает:

— Не знаю, дядя Коля.

— Тогда слушай и запоминай. Каждый юнга это должен знать.

И рассказывает, что давным-давно, когда не было ни паровых машин, ни моторов, ни дизелей, все корабли плавали под парусами. Паруса на высокие мачты с реями крепили матросы. Залезут матросы высоко-высоко. И не видно их, в белых рубахах, на фоне белых парусов. Не видно, сколько их, как у них работа идет, какая им опасность грозит. Тогда и решили: носить всем морякам полосатые тельняшки. В таких матросы не потеряются из виду.

— Юнга, подъем! — слышит он совсем над ухом и не может понять, кому принадлежит этот голос.

Перед рундучком, на котором постель Альки, стоит матрос Алексей Куликов. С ним только вчера познакомился Алька. Куликов показывал Альке весь корабль «от киля до клотика», а потом привел его в кубрик, — так называется жилое помещение для матросов, — подвел к рундуку и сказал:

— Здесь спать будешь. Ясно?

— Ясно, — мотнул Алька головой.

— Комсомолец?
— Нет еще, — смущаясь Алька. — Пионер.
— А чего ты смущаешься? — устыдил его Куликов. — Пионер — всем ребятам пример. Так, что ли? Значит, придется тебе быть образцовым юнгой на нашем корабле. Ясно?

— Ясно, товарищ гвардии матрос, — ответил Алька, вытягивая руки по швам.

— Хорошо, юнга, хорошо, — оценил Куликов Алькину выправку, и Алька подумал, что с ним он подружится. Ведь Куликов почти такой же молодой. Ну лет на пять-шесть старше.

И вот теперь Алеша Куликов стоял перед Алькиным рундуком, а юнга вытаращил на него глаза и от удивления не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Вчерашний матрос Куликов в серой брезентовой робе, конечно, отличался от сегодняшнего — в синей форменке и черных брюках с тщательно отглаженным рубчиком. Но не это удивило Альку. На груди матроса, на маленькой алоей планочке висела золотая звездочка Героя, а рядом — орден Ленина.

— Ну, что глаза вытаращил, будто иллюминаторы? — потерял терпение Куликов. Потом вдруг стал сразу серьезным и скомандовал: — На зарядку становись!

Алька выскочил из-под одеяла и начал быстро одеваться. Он никак не мог оторвать глаз от груди Куликова.

— Так, значит, вы — герой?..

— Герой, герой! — весело закричал Куликов. — И ты станешь героем, если не будешь долго под одеялом нежиться. Марш на зарядку!..

Алька, оглядываясь на Куликова, заторопился к трапу...

После зарядки вся команда построилась вдоль борта корабля. И на соседних катерах, которые стояли далеко один от другого, команды тоже построились. Алька стоял «на левом фланге» и не сводил глаз с героя.

На палубу вышел командир бронекатера лейтенант Чернозубов. Вахтенный Куликов подошел к нему четким шагом и доложил:

— Товарищ лейтенант, команда бронекатера 92 построена к подъему флага.

Лейтенант поздоровался с командой и, выйдя на середину, скомандовал:

— На флаг смирно! Флаг поднять!

Алеша Куликов уже стоял у мачты и, как только раздалась команда, стал поднимать флаг. Замер весь экипаж.

С реки налетел ветер, распахнул бело-голубое полотнище флага, и Алька увидел на нем красную звезду, серп и молот и гвардейскую ленточку. Флаг развернулся и заполоскался на ветру. У Альки защипало что-то в горле. Но

он только крепче сжал кулаки и зубы. И дал клятву. Сам себе. Так воевать, чтобы сгинула с советской земли вся фашистская нечисть.

* * *

В крошечной кают-компании с узеньким столиком, привинченным к полу, и такими же узенькими диванчиками вдоль стен — страшно тесно. Сидеть за столом приходится, плотно прижавшись друг к другу. Но никто из команды на тесноту не в обиде. Даже как-то дружнее и веселее за столом, будто собралась здесь одна семья.

Алька сидит тихо-тихо, зажатый между старшиной разведчиков Канареевым и старшиной комендоров Насыровым. У Насырова очень трудное имя-отчество: Набиула Насибулинович. Алька для тренировки произносит его про себя по слогам.

Насыров очень хороший человек. Это видно по глазам. Они у него добрые и внимательные. Насыров — не только командир отделения, он еще парторг катера. Все его очень уважают, и даже лейтенант Чернозубов с ним советуется, как проводить ремонт, кого поплатить принимать боекомплект.

Катер только вчера, перед тем как Алька попал на него, вернулся с боевого задания. Бражеским снарядом была повреждена носовая башня, пулями и осколками изрыта вся надстройка. Алька сам видел пробоины. Теперь взрослые говорят о том, как заделать их, и Алька сидит тихо-тихо, чтобы вдруг его не попросили покинуть кают-компанию, где идет такой серьезный разговор об автогенной сварке, о металле, снарядах...

Потолок низко навис над беседующими, и, что не было душно, дверь на палубу оставили открытой. Альке не везет: в самом интересном месте разговора, когда взрослые стали вспоминать подробности последнего боя, с палубы доносится голос Куликова:

— Юнга Ольховский, ко мне!

Альке смерть как не хочется уходить из кают-компании, и он секунду медлит. Но лейтенант Чернозубов вдруг умолкает и лезет в карман за портсигаром. Разговор прерывается. Никто не смотрит на Альку, даже отец, который сидит напротив. Но Алька вдруг понимает, что все ждут, как он поступит. Алька мучительно краснеет и говорит Канарееву:

— Разрешите выйти, товарищ гвардии старшина второй статьи.

— Пожалуйста, юнга, — отвечает равнодушно Канареев и встает, чтобы выпустить Альку из-за стола.

— Позавтракал? — встречает его Кули-

ков. — Ну, тогда начнем нашу боевую подготовку. Будем морскую науку изучать. — Куликов протягивает Альке кусок кирпича. — Хорошенько растолки его и продрай рынду. — Он показывает на колокол, висящий на самом носу катера.

— Ясно?

— Ясно, — вздохнул Алька.

Чего уж тут неясного. Натолок Алька кирпичного порошку. Трет рынду, придерживая рукой ее язык, чтобы не бухнула ненароком раскатистым звоном на всю реку, а самому ох как тошно.

И правда, чего ради он стремился на катер? Чтобы воевать, чтобы мстить проклятым фашистам, а тут чисти позеленевшую медяшку...

Горько Альке. Ожесточенно трет он круглые бока рынды.

И почему он родился так поздно? Все его считают маленьким. Даже Куликов. А сам-то давно, что ли, маленьким был?

Альке почему-то вспоминается Ленинград. Вспоминается таким, каким он оставил его, уезжая вместе с матерью, братом и сестрой в эвакуацию. Отец ушел на фронт добровольцем. Город был притихший, настороженный, ощетинившийся надолбами. Укрепления вокруг Ленинграда строили все горожане. Строила их и мать Альки. Далеко теперь мать с братом и сестрой — в Костромской области. Далеко и родной дом, школа на Курляндской улице. Может, и в нее угодил фашистский снаряд или бомба?..

Нет, все-таки это несправедливо, что ему, Альке, не доверяют настоящего мужского дела.

— Юнга, хватит, хватит! Так ты в рынде дырку протрешь! Смотри, как сияет!

Алька поворачивается к Куликову и угрюмо смотрит себе под ноги, молчит.

Некоторое время молчит и Куликов. Потом с притворным сочувствием спрашивает:

— Ты чем расстроен, юнга? Может, мозоль натер? Так мы сейчас тебя в лазарет.

Ну, уж это слишком! Алька мозолей не боится. Он не маменькин сыночек. В эвакуации в интернате и пахать приходилось, и дрова заготовлять, да и мало ли что еще.

— Мне мозоли натирать не надо, — говорит Алька сдавленным голосом. — У меня уже есть.

Куликов берет его ладони в свои, внимательно рассматривает Алькины рабочие мозоли, а потом говорит уже серьезно и так задушевно, что у Альки внутри что-то вздрагивает:

— Так что же ты загрустил, Олег-Олежка?

Алька молчит, потом говорит, совсем поте-рянnyй:

— Это что ж, я всегда буду, выходит, дра-гать медяшки? А к пулемету меня и на вы-стрел не подпустят?

— Ах, вот ты о чем, — сочувственно тянет Куликов, кивая головой. — Так ведь командир с твоим батькой порешили сделать тебя сигнальщиком.

— Знаю, — пренебрежительно говорит Алька.

— Ну, это ты брось, — возмущается Куликов. — Знаешь, да не все. Сигнальщик в бою — правая рука командира. Неправильно примет приказ — и пиши пропало. А если сигнальщик хорошо свое дело знает, четко связь держит — значит, половина победы уже наша. Ясно?

— Ясно, — мрачно отвечает Алька.

— То-то же, — наставительно говорит Куликов. Потом наклоняется к Альке и заговорщическим шепотом продолжает: — Ну, а с пулеметом мы так оборудуем дело. Если у тебя семафорная азбука пойдет на лад, то потихоньку и пулемет осваивать начнем. Но семафор должен знать на отлично. Ясно?

Алька не смеет поверить своему счастью. Он готов броситься на шею Куликову.

— Ясно, товарищ гвардии матрос! — выпа-ливает он во всю силу легких. — Учите меня семафору.

Вместе они идут в рулевую рубку. Там Алькин шеф вручает ему пару красных флаг-ков и таблицу. На таблице краснофлотец с двумя флагками в руках. Его руки в раз-ных положениях, и каждое такое положение означает букву алфавита и всякие специаль-ные знаки.

С таблицей и флагками Алька отпра-вляется на бак.

Изучать флагшной семафор и просто и слож-но одновременно. Например, буква «т» в се-мафоре очень похожа на обычновенную букву «т». Краснофлотец раскинул обе руки с флаг-ками в стороны на уровне плеч — и все тут сразу ясно.

Это даже интересно.

Буквы «а», «т», «у» Алька сразу запомнил, а с остальными дело хуже. «Б», «в» — совсем ни на что не похожи.

Посмотрит Алька в таблицу и сам изобра-зит знак флагжками. Прошепчет:

— Жэ.

Постоит немного, запоминая букву, и опять в таблицу заглядывает.

— Зэ.

Наладилось дело.

До того наладилось, что к вечеру Алька слова стал составлять из букв, а потом даже целые предложения.

«Я буду изучать пулемет»

«Я буду комендором»

«Смерть фашистским захватчикам».

Так жить можно.

* * *

С утра у Альки полон рот забот. То почи-стить медяшки, то подкрасить надстройку, то сплести из обрывков старых тросов коврик под ноги.

На палубе работы нет — можно к дяде Коле в моторный отсек спуститься. Там еще инте-реснее. Алька помогает старому мотористу чистить и смазывать моторы, присматривается, как их надо готовить к пуску, запускать. В другое время Алька с удовольствием пошел бы в мотористы. Но не теперь. Теперь надо изучать пулемет.

И каждый вечер Алька пропадает в носовой башне, где стоит крупнокалиберный пулемет Алексея Куликова. Вместе они его то разбирают, то собирают, то заряжают, то разря-жают. Комендор учит Альку прицеливанию, приговаривает:

— Ты, главное, не волнуйся. Спокойно так подводи мушку вровень с прорезью прицела и на гашетку жми тоже спокойно. Успех гаран-тирую.

Алька старается. И не зря. На последних учебных стрельбах у него были отличные ре-зультаты. Лейтенант Чернозубов благодар-ность объявил.

— Служу Советскому Союзу! — ответил то-гда Алька.

...Алька несет вахту по катеру. Все, что надо было, он уже сделал. Теперь сидит и наблю-

дает за соседним катером. Оттуда может прийти вызов.

Хорошее у Альки настроение.

За последний год наши войска здорово подняли на гитлеровцев. Блокада с Ленинграда окончательно снята, и фашистов далеко погнали на всех фронтах. Флотилию, на которой служит Алька, перевели с Волги на Днепр. Это что-нибудь да значит. Скоро конец Гитлеру. Конец войне.

Кончится война. Соберется вся семья в Ленинграде. В родном доме. Геннадий и Лида, наверно, выросли, не узнать. А мама постарела...

Первым делом надо будет сходить на Курляндскую, в свою 288-ую школу. Пока Алька от своих не отстал. Старшине Насырову спасибо. Он не только посоветовал Альке продолжать занятия на катере, но и достал где-то нужные учебники. Когда в Киеве были, Алька за седьмой класс все экзамены сдал. Теперь за восьмой приниматься надо.

На соседнем катере, стоящем за излучиной и совсем скрытом деревьями, так, что из-за них торчат только верхушка надстройки да мачта, крохотными красными язычками вспыхнули огоньки флагов. Вызывают.

Алька взял бинокль, флаги. Одной рукой, как заправский сигнальщик, дал отмашку: «Вижу, понял».

«Командира девяносто второго к флагману», — разобрал по буквам и снова ответил: «Вижу, понял».

...Лейтенант Чернозубов вернулся с флагманского катера через полчаса и отдал приказ готовиться к походу.

Прошло еще полчаса, и катер с разведчиками на борту, глухо урча моторами, отвалил от берега.

На реку уже спускались сумерки. Мешаясь вдали с туманом, они густели, превращались в ночь. В эту ночь шел катер. Без единого огонька на борту, с приглушенными двигателями, медленно двигался он к намеченной точке, и только командир в рубке знал, где она, эта точка.

Несколько раз машину глушали совсем. Тогда тишина кругом стояла такая глухая, что Алька слышал даже собственное дыхание и сдерживал его.

Он стоял по боевому расписанию около рубки, чтобы быть под рукой у командира. Когда двигатели замолчали еще раз, командир притянул Альку к себе.

— Передай разведчикам: пусть приготовятся к высадке. Подходим. Тихо.

Едва Алька успел передать приказ старшине Канарееву, как под днищем катера что-то

заскрежетало, и нос его ткнулся в берег. Разведчики сразу исчезли в прибрежных кустах, словно и не было их на катере.

Как фокусники. Такие не пропадут.

Казалось, все обошлось как нельзя лучше. Разведчики высажены и высажены скрытно. Катер не спеша задним ходом выбирается на середину реки. Сейчас он ляжет на обратный курс и — все в порядке. Но в это время откуда-то вылетела шальная ракета и, повиснув высоко в небе, залила ярким светом реку, катер, все кругом.

С берега сразу же отозвались пулеметы, взлетели ракеты. Стало светло как днем. Только свет был неприятный, какой-то колеблющийся, призрачный.

— Эх, не повезло, — сказал уже в полный голос командир и скомандовал: — Полный вперед! Пулеметам подавить вражеские огневые точки!

Пулеметы бронекатера будто только и ждали этой команды, заработали торопливо и громко, направив пучки трассирующих пуль туда, где вспыхивали выстрелы гитлеровцев.

«На себя внимание отвлекает, — понял Алька. — Разведчикам помогает. Молодец командир».

Маневр удался. Весь вражеский огонь сосредоточен на катере. А там, где с него высажились разведчики, все тихо и спокойно.

Задача выполнена. Потерь на катере нет. Пули гитлеровцев свистят где-то над головой. Теперь самое время уходить.

Но не тут-то было. На вражьем берегу вспыхнул прожектор, нашупал катер, и сразу фашистские пулеметы стали бить точнее, над поверхностью воды хлюпнула одна мина, вторая. По надстройке забарабанили пули и осколки.

Становилось жарко. И тут в носовой башне замолк пулемет.

Алька в два прыжка оказался рядом с ним. Алеша Куликов сполз на палубу. Алька наклонился к нему и услышал:

— Прожектор... Дави... Быстрее...

Будто живой, забился в руках у Альки пулемет, но Алька сразу смирил его, смирил и себя.

Спокойно, спокойно.

И стал старательно ловить в прорезь прицела слепящий глаз прожектора. Раз — неудачно. Два — неудачно. На третий раз — потухло проклятое око. Ослепли гитлеровцы. И сразу сталотише кругом.

Катер выходил из боя...

На следующий день к подъему флага вышли не все. Алешу Куликова, тяжело ранен-

ногого, еще ночью, сразу после возвращения на базу, отправили в госпиталь.

Правая рука командира катера висела на перевязи, и он не отдавал, как всегда, чести поднимающемуся флагу, а просто стоял, вытянувшись по стойке «смирно», и держал равнение на флаг.

Когда флаг был поднят, лейтенант Чернозубов сделал шаг вперед.

— Гвардии юнга Ольховский!

Алька вышел из строя.

— За отличную стрельбу в ночной операции представляю вас к правительенной награде.

Алька хотел было ответить, как полагается по уставу: «Служу Советскому Союзу», но командир еще не кончил.

— Примите пулемет временно выбывшего из строя Героя Советского Союза Куликова.

Что-то перевернулось в душе у Альки. Забыл Алька все уставные слова и вместо них сказал дрогнувшим голосом:

— Товарищи, клянусь... всегда мой пулемет будет в полной боевой готовности, всегда будет разить врага. Я отомщу фашистам за Куликова... за все...

После обеда на «92-м» появился Петр Ефимович Ольховский, отец Альки. Он был флагманским механиком и постоянно кочевал с одного катера на другой: всегда требовалось что-то отремонтировать, устранить повреждения после очередного боя. В последнее время они редко виделись с Алькой и то все урывками.

— Мать волнуется, что мы редко пишем, — сказал отец. — Я тут небольшую цидулю сочинил, так ты добавь от себя несколько слов.

Алька взял листок, пробежал глазами и вдруг покраснел. Ни слова не говоря, он вынул карандаш и стал что-то вычеркивать из письма. Потом поднял глаза на отца:

— Не надо, пап, писать, что меня представили к награде. Во-первых, только представили пока. И потом я еще так мало сделал...

Петр Ефимович внимательно посмотрел на Альку:

— Повзросел ты, сын. Ну, смотри сам, тебе виднее. Не надо, так не надо.

* * *

— По местам стоять! — послышалась команда. Алька бросился к своему пулемету.

Командир проверял готовность катера к походу. Строго, но справедливо проверял. Такой уж был лейтенант Чернозубов.

В Алькиной башне все было в порядке. Да и как не быть, коли весь дивизион тщательно готовился к походу целых три дня. Намечалась ответственная операция. И хотя еще никто на катере, кроме командира, ничего не знал, это чувствовалось в самом воздухе.

Когда на реку спустились сумерки, командир собрал всех в кают-компанию и рассказал о боевой задаче.

Обстановка сложилась такая.

Под Пинском гитлеровцы создали прочную оборонительную систему. Они, как кроты, зарылись глубоко в землю и мертвый хваткой

цепляются за каждый ее вершок, за каждую выбоину.

Командование решило для овладения городом использовать речную военную флотилию. Замысел прост: нанести удар с той стороны, откуда враг не ждет его, — с реки. Ошеломить, отвлечь гитлеровцев десантом и тем временем начать наступление с суши.

— Теперь вы понимаете, товарищи, что от наших действий зависит успех крупной операции, — сказал командир. — Не подкачаем?

— Не подкачаем, — ответил за всех Насыров и оглядел собравшихся в кают-компании. — Верно, юнга?

— Верно, товарищ гвардии старшина, — громко ответил Алька, и все засмеялись.

...Небо будто обтянули черным бархатом —

такой темной была июльская ночь. Катера по-одному запускали двигатели и выходили на фарватер. «92-й» шел одним из первых.

Алька стоял у носовой башни, в любую минуту готовый открыть огонь. Тишина залегла кругом, будто все это происходило не на войне. Будто ровный, мягкий гул не от двигателей боевого корабля, а от прогулочного речного трамвайчика.

Корабли незаметно подошли к берегу. Началась высадка.

Первыми на берег сошли разведчики. Они должны были проделать проходы в минных полях. За ними двинулись бойцы-десантники.

Медленно тянулись минуты. Сейчас разведчики должны уже подходить к первым траншеям гитлеровцев.

Сейчас... вот-вот...

И вдруг оглушительный взрыв разорвал тишину.

Кто-то нарывался на мину.

Взрыв, пожалуй, и не был так силен, просто он показался оглушительным в той тишине, какая залегла на берегу. Вслед за взрывом длинно затрещал пулемет, ему вторил другой, и началось...

И все-таки фашисты были застигнуты врасплох.

После двухчасового боя десантники закрепились на берегу. Можно было считать, что операция проведена успешно. Катера отошли за излучину реки.

Однако гитлеровцы не хотели мириться с потерей важного для их обороны плацдарма. С утра они пошли в контратаку.

Десантники отбили ее. Но гитлеровцы лезли на наши позиции не переставая. Двенадцать атак следовали одна за другой. Двенадцать атак не принесли врагу успеха. Против горстки советских бойцов уже действовали минометы, самоходные орудия. Туго приходилось десантникам.

В это время и вышел из-за поворота реки «92-й». Шквал огня обрушился на воду. Справа и слева от катера вырастали прозрачные столбы, с треском лопались огромные пузыри. Вода в реке закипела от пуль, снарядов, мин.

«92-й» шел полным ходом, поливая из пулеметов гитлеровцев. Алька, яростно сжав ручки своего пулемета, старательно, как его учили, сажал на мушку неровные ряды наступавших врагов и давил на гашетку.

— За Куликова, — шептал он. — За Родину! За Ленинград! Вот вам за все, гады!

Бил Алька метко. Он не знал, сколько времени прошло: минута или десять. Но вот ряды гитлеровцев сломались, покатились назад. Атака захлебнулась.

Алька перевел дух, разжал уставшие руки. Неожиданно под самым бортом раздался взрыв. Катер сильно кинуло в сторону. Алька едва удержался на ногах. Он обернулся и увидел, что командир лежит на палубе. А у штурвала стоит отец. Из-за грохота не слышно было, что он крикнул, но Алька понял по движению губ:

— Давай, сынок, давай!

И в это время новый взрыв — прямое попадание в катер. Отец упал. Алька бросился к нему, рванул бушлат на его груди, припал ухом — и ничего не услышал...

Гитлеровцы снова пошли в атаку.

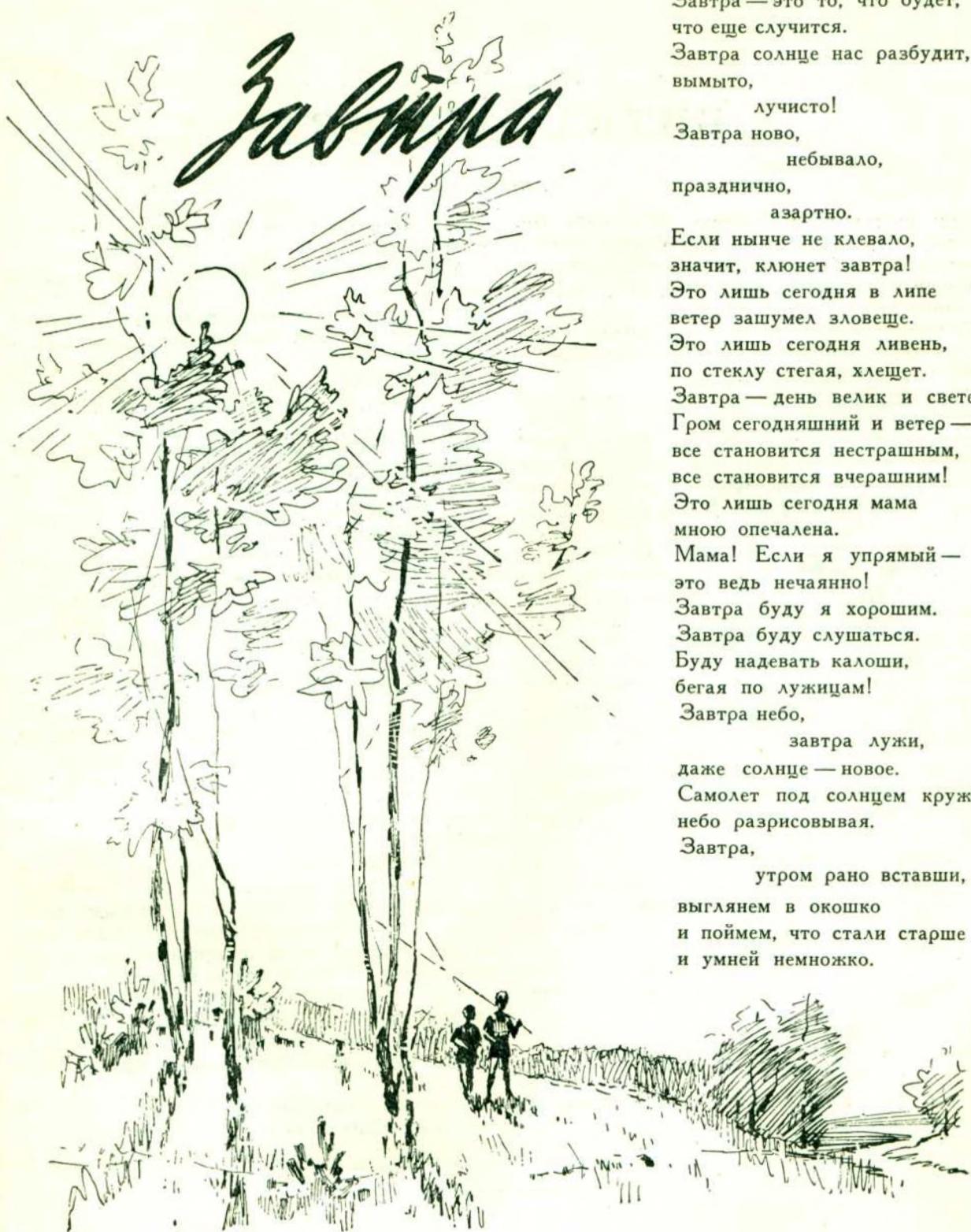
Не управляемый никем катер, накренившись на правый борт, описывал круги по реке, а Олег стоял у своего пулемета и, приоравливаясь к крутым петлям катера, все бил и бил по врагу.

Бил, сколько себя помнил.

Он не расстался с пулеметом и после смерти.

Упал возле него. А пальцы будто все еще сжимали теплые рукоятки пулемета.

Завтра

Завтра — это то, что будет,
что еще случится.

Завтра солнце нас разбудит,
вымыто,

лучисто!

Завтра ново,

небывало,

празднично,

азартно.

Если нынче не клевало,
значит, клюнет завтра!

Это лишь сегодня в липе
ветер зашумел зловеще.

Это лишь сегодня ливень,
по стеклу стегая, хлещет.

Завтра — день великий и светел.
Гром сегодняшний и ветер —

все становится нестрашным,
все становится вчерашним!

Это лишь сегодня мама
мною опечалена.

Мама! Если я упрямый —
это ведь нечаянно!

Завтра буду я хорошим.

Завтра буду слушаться.

Буду надевать калоши,
бегая по лужицам!

Завтра небо,

завтра лужи,
даже солнце — новое.

Самолет под солнцем кружит,
небо разрисовывая.

Завтра,

утром рано вставши,
выглянем в окошко
и поймем, что стали старше
и умней немножко.

БИТВА ЗА ЭРИКА

М. Яхонтова

Эрик поступил на фабрику «Рабочий» ми-
нувшей весной. Наталья Григорьевна знала о
его прошлом, но думала: «Перевоспитаем». Времени на перевоспитание не оказалось: Эри-
ка снова арестовали за кражу.

Коллектив — не ответчик за новичка. Мож-
но бы даже порадоваться: вовремя освобо-
дили от лишних хлопот...

Наталья Григорьевна пошла в суд, узнала о
подробности. Встретилась с матерью Эрика.
Седая женщина в поношенном платье долго
зажигала сигарету. Говорила медленно и все
повторяла: «Потеряла мужа в тридцать вось-
мом году, Эрик родился без него. Муж мог бы
его воспитать».

Терпеливо слушать ее было трудно. Скольз-
ко, в конце концов, хороших ребят выросло
без отцов! И все-таки... Легко ли расти, сты-
дясь и скрывая, что твой отец — враг, и вдруг,
через семнадцать лет, узнать, что он честен?

Эрик «сидел». Товарищи с фабрики — люди,
с которыми он был едва знаком, — носили ему
в тюрьму передачи, посыпали учебники, кон-
спекты: не теряй, парень, года, кончай свой
десятый класс.

Десятый класс Эрик кончил. Вышел из
тюрьмы через два месяца. А дальше? Что
дальше — пусть себе живет, как хочет. Никто
с ним не обязан возиться.

— Эрик, зайди ко мне в кабинет.
— Слушаюсь, Наталья Григорьевна.
— Эрик, как ты теперь думаешь жить?
— Как прикажете, Наталья Григорьевна.
— Учиться в институте хочешь?
— А зачем, Наталья Григорьевна?
Смотрит прямо в глаза, а тон — безразлич-
нее не бывает.
— Что у тебя на уме?
— Старое, Наталья Григорьевна.
— Как ты смеешь!
— Вот вы и поверили. Все только об этом и
думают.

— Иди в цех, Эрик. Не хочется мне так раз-
говаривать.

А на следующий день Эрик снова в каби-
нете.

— В старой газетной подшивке я нашла
статью твоего отца. Если хочешь, зайди в би-
блиотеку.

— Спасибо.

— Может, ты бы взял какое-нибудь поруче-
ние?

— Я думаю, самый блеск — вступить в на-
родную дружину. Что у вас за книжка? Да-
дите почитать?

— А я думаю, в дружине пока тебе делать
ничего. Книжку вернешь в понедельник.

С каждым разом длиннее становится раз-
говор. Свободнее. Но полной откровенности
еще нет. Что-то есть у него на душе... Что?

— Наталья Григорьевна, я от вас скрывал.
Я все это время продолжал их видеть.

— Знаю.

— Наталья Григорьевна, вы были правы, —
они не друзья. Они просто решили дать мне
передышку. Они сами спросили меня: «Ну, ты
уже отдохнул?» Понимаете?

— Что ты ответил?

— Ничего. Я сразу ушел. Наталья Григорь-
евна, вы мне поможете подготовиться в уни-
верситет?

— Хорошо.

Рабочий день у Натальи Григорьевны не
укладывается не то что в семь — в двенадцать
часов. Надо побывать и в цехах, и у директо-
ра фабрики, и в райкоме, провести совещание
агитаторов, обсудить итоги соревнования, со
многими людьми встретиться и поговорить. И
дома у нее семья — два сына, Дима и Саша.
О них тоже надо позаботиться. Кое-кто удив-
ляется: «И чего ты еще на этого Эрика время
тратишь?»

Наталья Григорьевна Елисеева отвечает
спокойно: «Это моя обязанность — я парторг».

З Н А М Я

Дмитрий Холендро

Рисунки Г. Праксейна

Эту историю рассказали мне в Греции, в Афинах, на кривой улочке, где дома стояли такие низкие, что тени от них не хватало даже ослику, чтобы укрыться от жары...

Ослик возил тележку с овощами. Пока торговец созывал по дворам хозяек, он понуро опускал голову и ждал.

А солнце нестерпимо палило над городом, над черепичными крышами, над каменной россыпью Акрополя.

Акрополь — высокий холм в центре Афин. На плоской вершине его, как на ровном столе, уже много веков кремово желтеет древний храм...

Он виден отовсюду.

Он стоит большим прямоугольником, со всех сторон окруженным колоннами. Камни его впитали солнечный свет и, кажется, сами светятся.

Знаменитый храм Парфенон...

Со всей земли приезжают любоваться его гордой и спокойной красотой, поражаясь мастерству древних строителей! Стены Парфенона полуразрушены, колонны выщерблены, но красота его угадывается и звучит, как звучит в сердце мелодия песни, слова которой наполовину забылись.

Но не одна торжественная красота делает этот храм гордым.

В пору жарких сражений греков за свою свободу Акрополь не раз становился местом схваток с врагами. Стены Парфенона дробили чужие ядра, их окутывал облачный дым разрывов, но они не упали. И теперь стоят, как памятник народной твердости и святыни народа...

В последнюю войну, когда греческую столицу в страхе и голоде держали под своей пятой фашисты, над Акрополем однажды заряял родной флаг...

Он ряял высоко и всем говорил: боритесь! Ведь Акрополь виден с любого угла любой улицы.

Но кто поднял гордый флаг?

Это сделал коммунист-партизан Манолис Глезос. Он сорвал с Акрополя фашистский флаг и повесил свой.

Фашистов давно прогнали. А Манолис томится в неволе. Народ в Греции живет плохо, а Манолис борется за народ. И королевские правители бросили его в тюрьму. Но люди по всей Греции помнят Глезоса и рассказывают о нем детям.

В одной из школ, на кривой улочке, молодой учитель рассказал о герое своим ученикам.

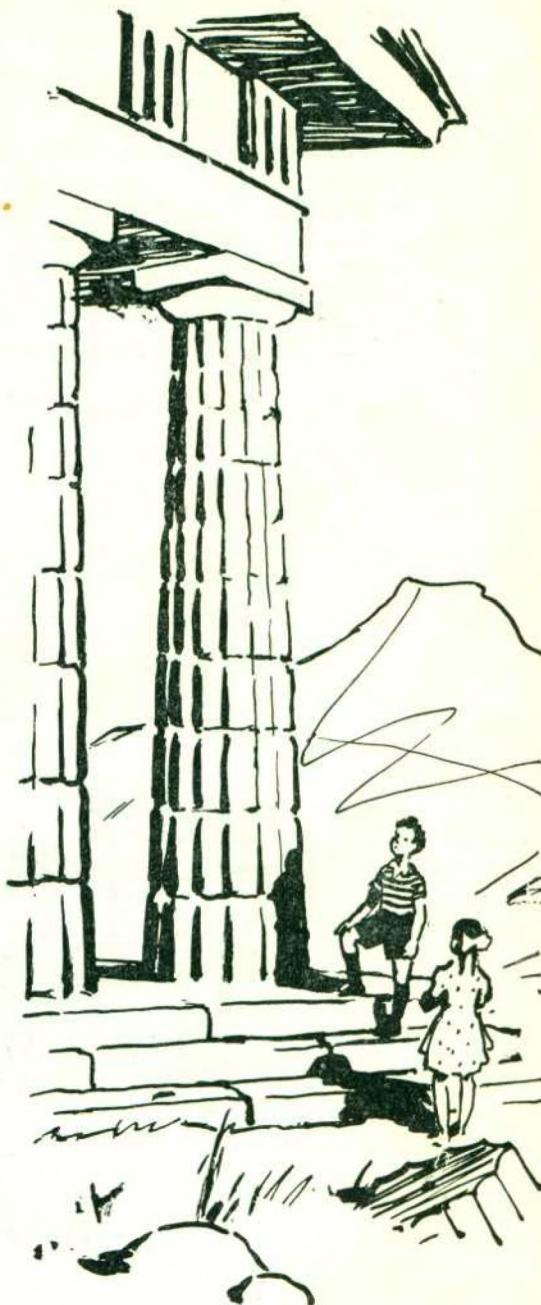
После занятий черноглазый Никос спросил свою подружку Веру:

— Хочешь, я покажу, как он залез? Пойдем...

Каменные ступени привели их на вершину холма. Внизу, со всех сторон, к Акрополю лепились черепичные крыши. Как лодки у причала.

Больших улиц с богатыми магазинами и блестящими автомобилями отсюда видно не было, а маленьких крыш... Ого, сколько их! В глазах рябит.

Ветер трепал жесткую, словно из проволоки, траву на каменных плитах древнего храма. Возле колонн тоненькая девочка и мальчуган показались себе такими маленькими, как му-

равы у больших деревьев...

Но Никос не сдавался...

Он несколько раз обошел длинное здание храма, глядываясь в каменных бородатых жрецов и быстроногих коней на стенах, долго стоял перед дырой, выбитой в одной стене

взрывом турецкого порохового склада, и снова возвращался к тем колоннам, с которых начал.

Он искал, за что бы зацепиться.

Наконец, он сказал:

— Это неправда.

И сквозь каменные арки, под которыми когда-то проходили древние в дни празднеств, ушел с Верой домой, на свою улочку.

— Это неправда, — повторил он наутро учителю в школе. — Туда нельзя залезть. Туда никто не мог залезть. И Манолис тоже.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что он пробовал, — ответила за

него Вера. — А он лучше всех лазит по скалам и деревьям. Это все знают.

— Но Манолис залез, — с улыбкой сказал учитель. — Это тоже знают все.

Никос нахмурился и опустил черную голову. Может быть, ему стало стыдно перед товарищами и Верой.

— Но как он это сделал?

— У него было то, — сказал учитель, — чего не было у тебя, Никос.

Тогда Никос поднял голову и спросил:

— Что же у него было?

— Знамя.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ—СОБАКИ

Евгений Воеводин

Мой друг — советский журналист — уже несколько лет живет и работает на Кипре, в столице республики — Никозии. Но когда он узнал, что советский теплоход приходит в Фамагусту, то сел в машину и приехал в порт. Он не ожидал, что с этим теплоходом на Кипр приеду и я; тем радостнее была наша встреча.

Друг возил меня по дорогам острова — удивительным дорогам, вдоль которых стоят де-

ревья, густо усыпанные апельсинами. Апельсины снимают и складывают в горы, как картошку. Друг читал мне свои стихи:

Апельсины высыпали густо —
Сотни солнц на кончиках ветвей.
Вот такой, наверно, Фамагуста,
Ты и будешь в памяти моей.

— Но временами мы с ним хмурились. Вдоль дорог вдруг начинали тянуться изгороди из колючей проволоки. Английские солдаты-часовые вышагивали вдоль них. На щитах то здесь, то там виднелись надписи: «Охраняется полицейскими собаками».

— Да, — сказал мне друг. — Многострадальная земля! Англичане еще остаются здесь — это их базы. Сколько кипriotов погибло от их рук, прежде чем остров завоевал свободу. Но базы еще остались...

Мы ехали из Салами — города, засыпанного песком много веков назад, — в Никозию. Машина шла то мимо апельсиновых рощ, то мимо заборов из колючей проволоки. Уже смеркалось; в сумерках далеко на горизонте поднимались горы.

Вдруг мне показалось, что какая-то тень метнулась на дорогу; мой друг резко затормозил — он тоже увидел эту тень. И тут же, словно игрушечный чертенок, выскакивающий из коробки, на дороге оказался мальчуган, черный от густого загара. Откуда он появился — я так и не понял. Но, обернувшись, я увидел щит, на котором было написано знакомое: «Охраняется полицейскими собаками». Что-то показалось мне необычным, я пригляделся внимательнее. Вот оно что! Чья-то рука поставила между двумя словами тире, и получилось — «полицейскими — собаками».

А мальчуган уже шел по дороге, размахивая руками и на свистывая какую-то песню. Мой друг догнал его, и вот какой разговор у них произошел.

— Ты куда идешь?

— В Никозию.

— А откуда?

— Из Салами.

— А что ты делал в Салами?

— У меня на раскопках работает сестра, я ее не видел целую неделю. Вот и пошел.

— Пешком?

— Конечно.

Представьте себе: наша машина тихонько едет, а рядом с ней идет чем-то очень довольный, веселый мальчишка, который прошагал семьдесят километров в один конец и уже двадцать — в другой.

— Тебя как зовут?

— Михаил.

— Вот как здорово — меня тоже зовут Михаил. Давай договоримся так: ты будешь Михаил-маленький, а я — Михаил-большой. И, если хочешь, забирайся в машину, и мы мигом доберемся до Никозии.

Михаила-маленького не надо было просить дважды. Он буквально вскочил в машину и несколько раз подпрыгнул на кожаном кресле.

— Какой ты храбрый, — сказал Михаил-большой. — А вдруг мы тебя куда-нибудь увезем?

— Вы же не англичане, — ответил Михаил-маленький. — У вас красный флаг на машине. Я знаю: вы — советские.

— Советские, — подтвердили мы.

— Хочешь, мы довезем тебя до самого дома?

— Правда? — у него заблестели глаза. — И мама увидит, что меня привезли на машине?

— Конечно, увидит.

— Но тогда вы должны будете зайти к нам и попробовать наших апельсинов. Так полагается.

Мы согласились.

Мы довезли его до самого дома на окраине Никозии. Возле забора разгуливала волосатая рыжая овца, такая волосатая и рыжая, как овчарка-колли. «Это наша», — сказал Михаил-маленький.

Седая женщина с печальными черными глазами стояла возле забора. Когда Михаил-маленький вылез из машины и бросился к ней, она протянула к нему руки...

Потом мы сидели в комнате, где до головокружения пахло апельсинами, и Михаил-маленький рассказывал, что Деметра прислала немного денег. Вот они — завернуты в платок.

— Ты не вымыл руки, — сказала мать, — и испачкал платок. Разве можно принимать гостей с грязными руками?

Он посмотрел на свои руки: левая была чистая, а правая выпачкана углем...

Михаил-маленький убежал. Его мать, грустно улыбнувшись, сказала:

— Это мой последний сын.

— А где старшие?

Она подняла глаза, и мы увидели две фотографии, увитые ветками цветущего тамариска. Двое юношей улыбались, открывая ровные крупные зубы. Михаил-маленький был похож на них.

— Они были партизанами, — тихо сказала кипriotка. — Их поймали и расстреляли англичане.

* * *

О Михаиле-маленьком я, наверно, ничего и не написал бы, если бы не письмо, полученное недавно от моего друга Михаила-большого.

«... Ты, должно быть, знаешь из газет, что англичане устроили на Кипре маневры, топчут посевы крестьян. Но помнишь ли ты Мишку, того самого, которого мы подобрали по дороге

из Салами в Никозию? Вместе с двадцатью такими же школьниками он лег на дороге, по которой должны были проехать английские солдаты. И они задержали солдат! Избитых мальчишек растаскивали, а они возвращались

и ложились на дорогу снова, и снова их били...

Это уже не тире, поставленное угольком (ты, конечно, помнишь и понимаешь, о чём я говорю). Это — кровь старших братьев».

СЛУШАЙ, ЮНМОР!

Дорогие ребята, любители морского дела! Яхта «Костер» отдала якорь на родном рейде. За кормой остались тысячи морских миль. Иеписаны сотни тетрадок и блокнотов, заполнено множество рисовальных альбомов. От юных морских умельцев 58 областей, краев и республик нашей Родины получено свыше 3000 писем-рапортов.

Лучшими знатоками рек и океанов, штормов и туманов, яхт и теплоходов оказались: Люда Нейман, Геня Кононов и Томислав Ястребов из г. Нарва, Валерий Дерега и Женя Коваленко из Полтавы, Дина Исакова со станции Даховская, Саша Корчак, Ира Нафтульева и Миша Крупинов из Ленинграда, Витя Колпачев из Липецкой области, Валерий Кучеренко из Ярославля, Коля Кирьяков из села Абазаново, Леня Петухин из Архангельска, Володя Плотников из Ни-

кольска, Алла Эфрос из Павловска, Станислав Буйновский из г. Осинники, Люда Ковтун из поселка Нижне-Ивановское, Таня Салопова из Иркутска и Толя Смолин из Улан-Удэ.

Все они награждаются дипломами морского клуба «Костра» и подарками.

В экипаж яхты «Костер» первым был зачислен Юра Лысенко — юнмор из Кривого Рога. Юра, а также Саша Мыльников из Златоуста, Толя Мартынов из г. Раздельная, Виталий Костенко из Ростова-на-Дону, Таня Смирнова из Ленинграда, Володя Макушкин из Алтайского края, Коля Петров из поселка Октябрьское, Игорь Орден из Нарвы и другие ребята, успешно выполнившие не менее четырех заданий, награждаются дипломами.

Кроме того, поощрительные премии вручаются Саше Спешеву из села Лешуконское, Люсе Джакуповой из Псковской области, Саше Ляховцу из г. Вильнюс и другим юнмарам, которые участвуют в морских конкурсах и играх несколько лет подряд.

Почетные знаки морского клуба решено послать также еще 120-ти читателям нашего журнала, принявшим активное участие в морской игре и добившимся неплохих результатов.

Все награжденные сдали экзамены на «хорошо» и «отлично» и достойны звания МОРСКОГО ВОЛКА.

До следующих встреч на страницах журнала, друзья!

До следующей летней навигации!

Боцман РУМПЕЛЬ

Эрнест Томпсон Сетон

„Следы зверей

и знаки охотников“

Так называется одна из книг канадского писателя Эрнеста Томпсона Сетона (1860—1946), известного всему миру рассказами о животных. Сетон хорошо рисовал, он сам иллюстрировал свои книги.

Помещаем три небольших отрывка из книги писателя, впервые переведенной на русский язык. Рисунки автора.

ОХОТНИК ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Полезно сравнить следы Собаки и Волка. Я сделал десятки рисунков, слепков, оттисков, фотографий и измерений следов Волков и Собак и не обнаружил ни одного заметного различия.

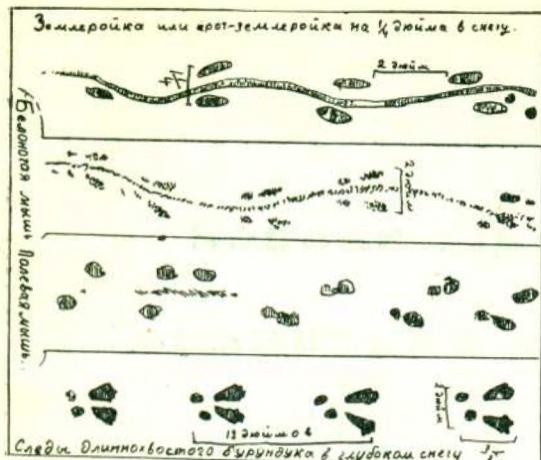
Один охотник говорил, что крайние пальцы волчьей лапы меньше средних, и в этом отличие следов Волка. Верно, но не всегда. Если сравнить лапу Волка с лапой Колли, то разницы не будет. Другой охотник утверждал, что волчий след длиннее. Но и это не так, если сравнить следы Волка со следами Борзой, Гончей или Овчарки-Ищейки. Третий охотник объявил во всеуслышание, что след Волка шире. Но тут волчьему следу далеко до следов Сенбернара или собак Датской Породы. Волк поднимает лапу, почти не волоча пальцы по земле. Но так делают многие собаки, особенно деревенские.

Все эти предполагаемые отличия подводят охотника на каждом шагу. Волк, вообще, лучший ходок, чем Собака. Его задние лапы точно попадают в сле-ры передних, — правда, не каждому Волку это всегда удается, а некоторым Волкам — очень редко.

Если пройти после снегопада по волчьему следу одну-две мили, можно увидеть, как осторожно под-бирается след ко всему необычному или заманчи-

Следы Волка и Собаки

Следы зверей на снегу

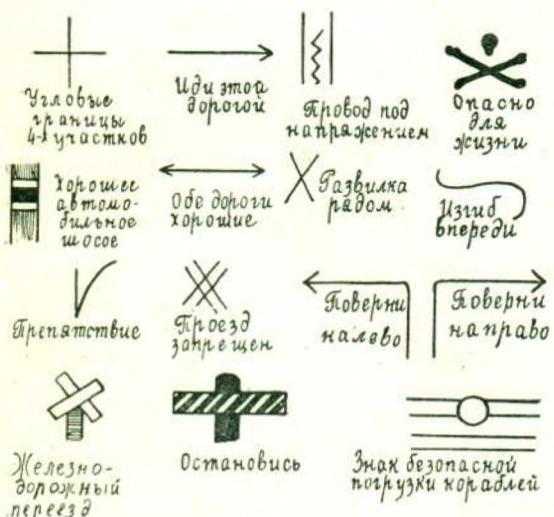
охотники обычно говорят: «Ни один человек на свете не различит их наверняка».

О КОПИРОВАНИИ СЛЕДОВ

Зарисовывать следы лучше всего в натуральную величину. Ведь только по величине отличишь, например, следы Волка от следов Собаки, Койота и Лисы. Другие отличия есть, но они очень незначительны и открыты только самому острому зрению, да и то если след достаточно отчетлив.

ЛЕСНЫЕ ЗНАКИ В ГОРОДЕ

Зарубка на дереве — простой знак, который передает сообщение без помощи букв и слов. Можно было бы думать, что

вому. Совершенно ясно, что перед нами след недоверчивого, трусивого зверя. Собака, в отличие от Волка, прокладывает след по прямой и, как правило, без боязни (смотри рисунок).

...Я часто слышал, как неопытные охотники брались отличить волчьи следы от собачьих «столько раз, сколько встречаются». Но старые

лебеди прилетели! Лебеди! — восторженно кричит Юра, чуть свет вырываешься в нашу комнатушку, именуемую рубкой.

Юра, студент — геофизик, — на практике. Он впервые на севере, и все ему кажется здесь необычным, загадочным.

Но весть о появлении лебедей волнует и меня. Значит — конец зиме, конец холодам и буранам.

Поспешно одеваюсь, снимаю со стены бинокль и выскакиваю вслед за Юрай на крыльцо. Щеки обжигает мороз. Вот тебе и аррель! Как пить дать, пятнадцать ниже нуля...

Мы становимся на лыжи и по твердой накатанной лыжне спускаемся к озеру. Сквозь пелену тумана пробивается заря. Сначала мы видим лишь узкую оранжевую полоску. Она как бы растворяется в морозном воздухе и вот уже полнеба залито ярким розовым светом.

У прибрежных сопок останавливаются. Я прижимаю к глазам бинокль и метр за метром старательно обшариваю прибрежный участок озера. Я четко вижу каждый бугорок, каждую выбоину на льду. Где же лебеди?

— Да здесь же они, здесь! — волнуется Юра. — Сам видел, как на лед опускались...

Я снова подымаю бинокль и вдруг совсем рядом, буквально в нескольких шагах, вижу больших белых птиц.

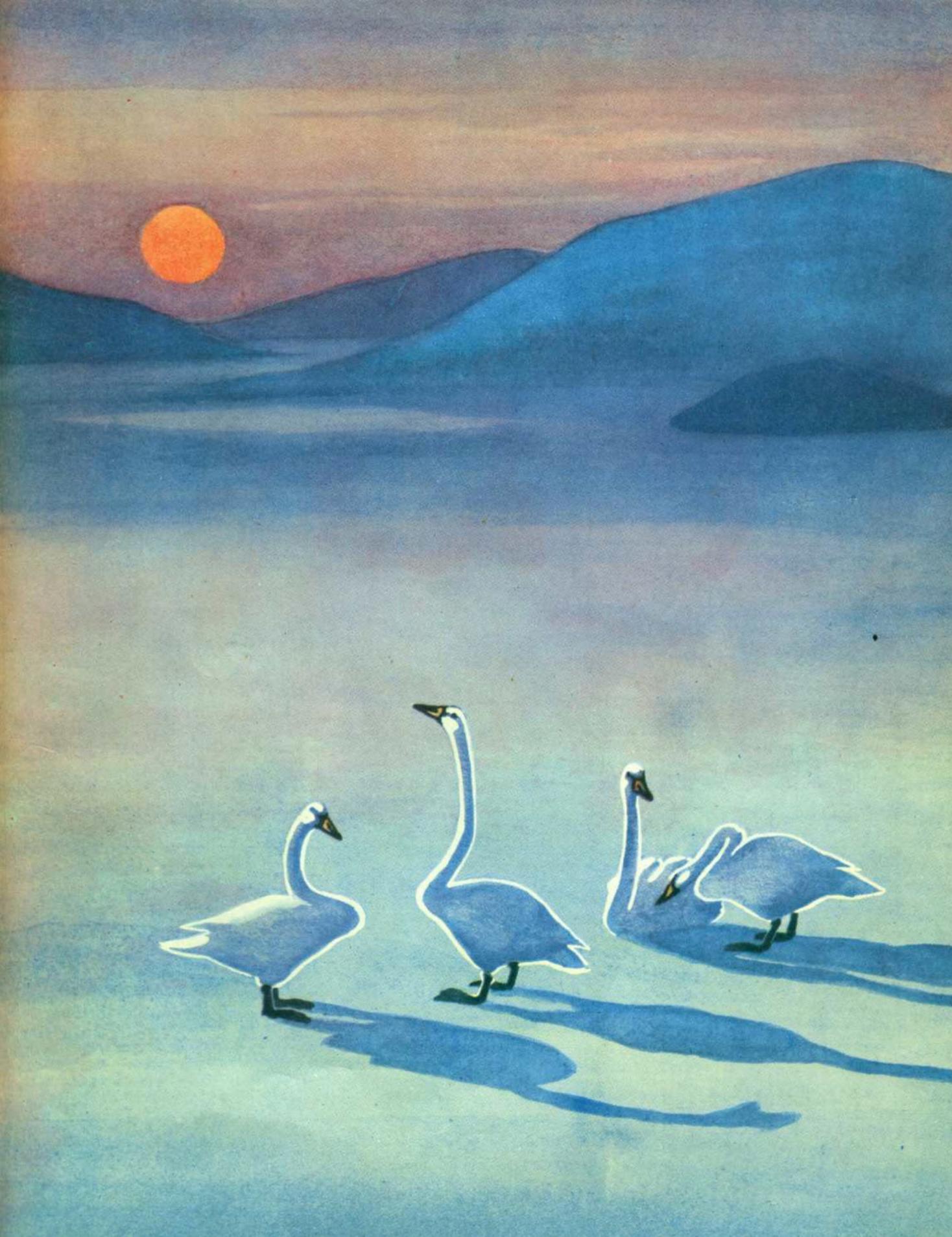
Вчера еще здесь были лужицы талой воды. За ночь они покрылись прочной ледяной коркой. Свежий прозрачный лед блестит и сверху, наверно, кажется чистой водой. Вот почему именно здесь и опустились лебеди.

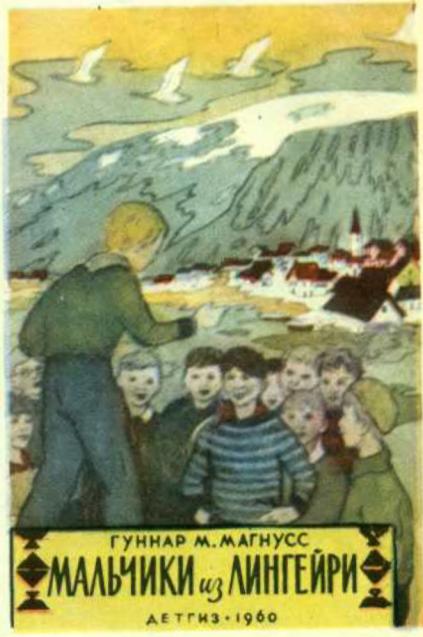
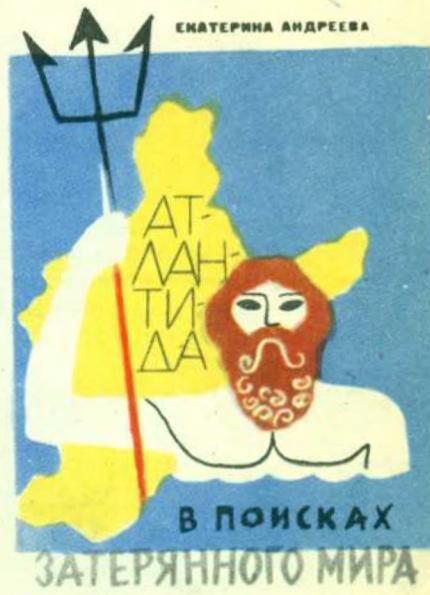
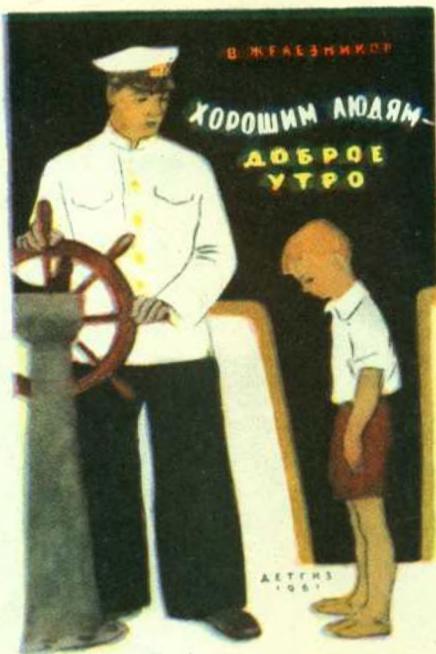
Не найдя воды, они стоят, усталые и разочарованные, но горделивые и величественные. Они знают: вода все равно будет. Главное, что они вернулись домой. Самыми первыми.

Рисунок И. Ризнича

ЛЕБЕДИ ПРИЛЕТЕЛИ

М. Смирнов

ПРОЧТИ
ЭТИ
КНИГИ

Скромность — ?

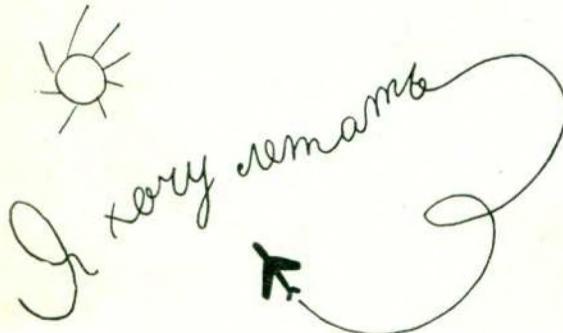
— что же это такое

Один раз мы писали сочинение: «Скромность в нашем классе». Анастасия Петровна сказала, что я скромная. А мне кажется, что я просто тихая и несмелая. Разве это скромность?

В нашем классе есть девочка Платонова Света. Она очень смелая, она на все пойдет. Но наша учительница говорит, что Света нескромная. Что же такое скромность?

Валя Сысоева, г. Шатура

РАЕ ОТВЕЧАЕТ МАСТЕР ФАБРИКИ «КРАСНЫЙ ШВЕЙНИК»
НИНА АЛЕКСЕЕВНА ВОРОНИНА

Да, Рае, летчицей ты не станешь. В авиационное училище девушек не принимают — слишком тяжелая работа у современного гражданина летчика. Но если у тебя хорошее здоровье, крепкие нервы и упорство — ты станешь заниматься летным спортом и осуществишь свою мечту о полетах.

Мне 29 лет. Я работаю мастером на ленинградской фабрике «Красный швейник», а все свободное время посвящаю планерному спорту. Подруги меня часто спрашивают: «Ты все еще летаешь? Надо же!»

Да, летаю! И с каждым годом все больше люблю этот вид спорта.

Когда меня зачислили в группу планеристов, мне было 18 лет. Мы рвались в воздух, а вместо этого — теория, тренажер в двух мет-

рах от земли, опять теория, опять тренажер... Потом отрабатывали взлет, посадку, равновесие... Высоту осваивали по-черепашьи: два метра, три, пять, семь, десять, пятнадцать... Кое-кто, нетерпеливый, походил-походил и бросил. А я только тогда поняла значение тренировок, когда начала летать. Выдержка, сосредоточенность, внимание, быстрая реакция — все это дается не сразу. Когда планерист впервые выходит на свободное парение, у него очень много искушений. И вниз хочется поглядеть, и вправо, и влево, и назад, а инструктор твердит: «Держи ручку! Смотри на приборы!» Летишь и думаешь: «Что за сухарь этот инструктор!» А он прав — в небе зевать нельзя. Теперь я сама инструктор и говорю это другим. Посадили однажды впереди меня здоро-

КАК ДЛЯ АНДРЮША

Я, когда буду летчиком, буду испытывать новые самолеты, как мой дядя Андрюша Манучаров.

Я люблю играть с самолетами. У меня много всяких самолетов — и больших, и маленьких. Потом люблю играть в летчика. Для этого у меня есть шлем, очки и кислородная маска. Мы делаем так: из табуреток и стульев делаем самолет. Один с аэродрома командует самолетом, как в кинокартинах «Голубая стрела» и «Дело пилота Мареша». Остальные сидят в самолете и выполняют приказания. Мы хотим из досок и фанеры сделать большой самолет на 5 человек. Только для этого много всего надо и чтобы взрослые нам помогли. А они о нас не думают.

Женя Манучаров. Белгородская область, Шебекино.

Здравствуй, дорогая редакция!
Прошу ответить на мой вопрос — может ли быть женщина летчицей? Я ученица 7-го класса. Мечтаю стать летчицей. Многие говорят, что женщина не может стать пилотом, а только может совершать учебно-тренировочные полеты.

Рая Шоева
Ташкентская обл., г. Янги-Абад, пос. Дукент, п/о № 2, Нагорная, 13.

венного парня — я за его спиной ничего не вижу. Высота небольшая — метров десять. Он зазевался по сторонам, а потом резко взял ручку на себя и не отпускает. Вижу — планер заваливается. У инструктора те же рули, что и у планериста — управление дублировано. Пытаюсь отжать ручку — никак! Сил не хватает. Я руками, коленками толкаю, а он не отпускает. Кричу — а он хоть бы что. С сперегу, должно быть... Так и врезались в землю. Планер, конечно, вдребезги, нас помяло здорово. У меня на всю жизнь воспоминание осталось — шрам на лице.

Больше всего я люблю в полете свободное парение. Это самое интересное. Не зависишь от самолета, не чувствуешь себя иждивенцем. Самолет затаскивает твой планер на высоту, туда, где есть восходящие течения воздуха, потом машет крыльями и сообщает по радио: «Планер номер четыре, вам отцепка!» Ты отцепляешь трос и отвечаешь: «Отцепку произвел!» Самолет уходит в одну сторону, а ты в другую, чтоб не попасть в струю отхода — иначе тряханет! Смотришь на приборы — высота двести метров. Начинаешь искать восходящие течения, ползти вверх. Подходишь к облаку, смотришь — какое. Если облако белое, клубится, растет на глазах — значит, есть восходящий поток. Ныряешь туда, чувствуешь — тепло! Потом тебя прижимает к сиденью. Ага! Есть подъем! Закладываешь спираль и уходишь, уходишь, уходишь вверх. Пока поток не кончится.

А если облако серое, разваливается — лучше не подходи. Мало того, что высоту потеряешь, еще и приборы заледенеют. Откажут приборы — и не знаешь, куда и как идешь: то ли прямо, то ли на боку... Сам себя не чувствуешь. Бывает так, что из облака на спине вываливаешься. Но это не страшно. Вывалившись из облака, смотришь — высота хорошая. Выправишь машину, приборы отогреются, она опять пойдет... Помню, когда я первый разряд получала, с 200 метров поднялась до 3300. Долго карабкалась. А сейчас у меня такая задача — выполнить норму мастера спорта — триста километров свободного парения по заданному маршруту. Трудно? Очень. Но постараюсь своего добиться.

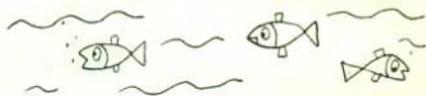
СЛУЧАЙ С ЗАВУЧЕМ
или
ПРИЧЛЮЧЕНИЕ С ВЕНИКОМ

Мальчишеск-первоклассников с нашей улицы часто били мальчики с другой улицы. И мы решили их проучить. А первоклассники учились во 2-ю смену. И мы после школы пошли домой. Дома сделали уроки. Поиграли в снежки и пошли в школу. Нас было трое: я, Сашка Зимин и Сашка Зайчиков. Первоклассникам надо было сидеть еще один урок. Мы вышли на школьное крыльце и стали там озоровать. Кто-то додумался положить веник на дверь. Кончился урок. Первоклассники стали выходить из школы. Несколько из них угостились веником. А наших мальчишеск все еще не было. Мы опять положили веник на дверь. Ждать пришлось недолго. Послышались чьи-то шаги. Мы насторожились. Дверь открылась. Мы обомлели: это был... завуч. Мы закричали, что на двери лежит веник. Но было поздно. Веник упал прямо завучу на голову. Бежать мы не успели. Завуч записал наши фамилии в книжку записную. На другой день нас как следует прорвали.

Валера Головнов, Горьковская обл.,
с. Воротынец

Почему в ракушках слышен шум моря?

С таким вопросом обратились в КЮК ребята из Вербиловского детского дома Псковской области. Им отвечает палеонтолог Татьяна Несторовна Кулик.

Не только вы, ребята, очень многие взрослые думают, что в раковинах слышен шум моря. Но это неправильно. Гул, который мы слышим, приложив раковину к уху, ничего общего с морем не имеет. Шумит не всякая ракушка. Бывают раковины двустворчатые — из двух половинок — створок. Такая раковина нема, сколько бы вы не слушали ее. А вот другие раковины, закрученные словно раковинки прудовой улитки, только побольше размером, зазвучат, как только вы их приложите к уху. Этот ритмичный шум — многократно усиленное в завитках раковины отражение звуков, порой даже незаметных для невооруженного уха, например, отражение движения воздуха или вашего собственного дыхания. Раковина собирает, накапливает, усиливает эти шумы, наподобие рупора. И чем крупнее раковина, чем больше у нее завитков, тем громче и отчетливее «шум моря».

У Корнея Ивановича

От Москвы до Переделкино — пол-часа на электричке. Затем километра два — и я у цели. Иду по узкой тропинке между снежных гор. Наконец выхожу на дорогу. Кругом — никого. Мост, замерзшая речка, поезд спешит к Москве.

А вон мальчишки. Визжат, бросают снежки, толкают друг друга в сугробы.

— Ребята, — зову я, — ребята! Как пройти к Корнею Ивановичу?

Мигом подбежали. Не спрашивают, к какому Корнею Ивановичу, уверены: на свете есть только один Корней Иванович. Чуковский.

Толя Кирюшкин, старший из всей компании, показывает дорогу, Вова и Сережа едва поспевают за нами. Конечно, они все хорошо знают Корнея Ивановича. И очень любят его стихи: и про Мойдодыра, и про Муху-Цокотуху, и про Федорино горе. Толя даже читает стихи на ходу.

— Видите, вот это дом Корнея Ивановича, а за домом, за теми соснами — его любимая полянка. Там по праздникам он разжигает костры. Все переделкинские ребята приходят. И из Москвы приезжают... Один кoster назывался «Прощай, лето!»...

На соседнем доме разноцветными буквами — каждая с полметра — написано: БИБЛИОТЕКА

— А это наша библиотека! — Сережа особенно напирает на слово НАША. Ее подарили ребятам Корней Иванович...

На дверях библиотеки объявление: «Внимание! Завтра во вторник, в час дня состоится чтение сказок». Так вот почему сюда ходят и Толя Кирюшкин, читающий по складам, и Вова, и Сережа, еще незнакомые с азбукой.

В библиотеке несколько уютных комнат. Полки с книгами. Рядом с фотографиями детских писателей портреты первых космонавтов, рядом с фигуркой Буратино — самодельный корабль «Восток-3».

Переделкинские ребята любят сказки, любят своих друзей-писателей. Вот книги, подаренные Маршаком, а вот книга с надписью Пантелеева. Нет, совсем не случайно здесь, под одной крышей уместились веселые сказки и мечты о космических полетах...

У Корнея Ивановича я должен быть ровно в три. Прямо из библиотеки повернулся к дому Чуковского. Но что это? Там появился какой-то

Дорогим читателям
Костре" сердечный
привет от Корнея Чуков-
ского. Желаю им счастья!"

Корней Чуковский

его впервые, хотя он знаком мне давно, с детства.

Корней Иванович сел, усадил и меня возле стола и с улыбкой смотрит: мол, что скажете, с чем пришли. Незаметно начинается разговор.

— Вот видите, это уже напечатанная книга о языке. Называется она «Живой как жизнь». Я очень хочу, чтобы все наши люди — и взрослые, и дети — не коверкали язык, чтобы не было в нашей речи унылых канцелярских оборотов, нелепых сокращений.

— «Росглостранкоинструментснаб-
сбыт?» — спрашиваю я

Корней Иванович улыбается.

Потом разговор заходит о сказках писателя. Оказывается, их знают не только советские дети, но и англичане, и американцы, и чехи... Правда, в их книжках доктор Айбо-

лит, и даже Бармалей выглядят совсем не так, как в детгизовских изданиях, но всюду доктор Айболит делает доброе дело, а Бармалей... Все знают, что делают Бармалеи.

Как-то внезапно Корней Иванович встает и, взяв с полки маленькую книжку, начинает ходить по комнате и читать стихи. Он не декламирует, а именно читает, перелистывая страницы. «А не то как налечу, говорит, как ногами застучу, говорит..» Лицо его выражает крайнее негодование, он все ходит по комнате, как бы пританцовывая, и я жалею, что никого больше нет, что никто не видит, как он рубит своей рукой сверху вниз, сверху вниз. Но вот идут иные строчки, и Корней Иванович уже улыбается, ставит книжку на место, где-то рядом с другими, может быть, рядом с «Робинзоном Крузо» и «Томом Сойером», — ведь это он перевел их для наших ребят

Здесь на полках десятки книг Корнея Ивановича. Книги эти написаны, конечно, не только для детей. Чуковский — автор замечательно интересных работ о творчестве русских писателей: Некрасова, Чехова, Блока. И переводит он тоже не только для детей. Но так уж получилось, что больше всего полюбили Корнея

Ивановича те, кому от двух до пяти и чуть старше. И ваши папы, и мамы, и братья, и сестры, и вы сами начинали свое знакомство с литературой по книжкам Чуковского и Маршака.

Я поздравляю Корнея Ивановича с восьмидесятилетием, спрашиваю, что передать от него читателям «Костра».

— Что передать? Скажите им спа-

сибо за поздравление. И мое пожелание — пусть их жизнь будет такой же долгой, как моя, пусть они долго живут при коммунизме и не только встретят двадцать первый век, но и увидят столетний Октябрь. Нет, постойте, нынешним пионерам в 2017 году будет 67—68 лет. Только-то. Ну, это совсем юный возраст.

А. Рубашкин

СИГНАЛ

Корней Чуковский

В 1905 году Корней Иванович Чуковский, в то время молодой человек, редактировал в Петербурге сатирический журнал «Сигнал». Журнал имел шумный успех. Но после четвертого номера Чуковский был арестован «за оскорбление его величества».

Мы печатаем воспоминания Корнея Ивановича об этом судебном процессе.

Сладкоречивый суд

Третий номер «Сигнала» разошелся весь, без остатка, и мы сдали в типографию четвертый. Он должен был выйти на днях. Чувствовал я себя превосходно. Правда, у меня по-прежнему не было ни стола, ни кровати, но кто же в молодости думает о таких пустяках. Издатель оказался прижимистым и очень неохотно платил гонорары. Все же какие-то рубли перепадали мне изредка.

В четверг 1 декабря (поутру) я собрался, как обычно, в редакцию, чтобы взяться за изготовление пятого номера, но столкнулся в дверях с околоточным, вручившим мне небольшую

бумажку. На бумажке было частью напечатано, частью написано следующее:

«Судебный Следователь по важнейшим делам округа Санкт-Петербургского Окружного Суда на основании 435 ст. Устава Уголовного Судопроизводства приглашает Вас 2 декабря 1905 г. в 12 ч. дня в камеру свою, находящуюся в здании Судебных Установлений».

Далее мелькали какие-то цифры, а внизу красовалась в высшей степени изящная подпись: «Судебный следователь Ц. Обух-Вощатынский».

Пробежав повестку беглым взглядом, я не придал ей большого значения. «Зайду, так и быть, на минутку к этому «важнейшему» Обуху — и скорее на работу, в редакцию. Нужно мне готовить пятый номер».

Вначале все шло хорошо.

Следователь по важнейшим делам Цезарь Иванович Обух-Вощатынский встретил меня как своего лучшего друга. Был он экспансивен, плешил и вертляв. Лицо подвижное, приятное, как будто совсем не чиновничье. Пожав обеими руками мою руку и усадив в монументальное кресло, он долго с умилением глядел на меня, словно не мог наглядеться.

Потом выдвинул ящик стола и достал оттуда глянцевитую папку, в которой я увидел мой «Сигнал», весь испещренный какими-то красными черточками, значками, завитками, пометками, образовавшими на каждой странице затейливый и красивый узор.

Обух-Вощатынский отозвался о «Сигнале» с такой похвалой, что казалось, он и сам был бы счастлив сотрудничать в этом превосходном издании.

По его словам, больше всего ему полюбились стишки Ольги Чюминой, шельмовавшие тетку царя, великую княгиню Марию Павловну, знаменитую своим распутством и хищничеством.

— Или вот это... на первой странице... портрет государя... не правда ли...? И вот это... о шпионе Рачковском?

— Простите! — прервал я его. — Но нельзя ли мне зайти послезавтра? Сегодня я ужасно тороплюсь...

— Минутку! — сказал он, приятно осклабившись. — Проклятая должность... уж вы не сердитесь... вынуждает меня предъявить вам обвинение в оскорблении величества (сто третья статья), в оскорблении членов императорской августейшей семьи (сто шестая статья), в потрясении основ государства (сто двадцать восьмая статья).

— До свидания, — сказал я как можно учтивее. — Очень рад познакомиться, но мне нужно спешить. Ведь четвертый номер в типографии.

Он посмотрел на меня, как любящая мать на ребенка, который по детскому своему неразумию требует, чтобы ему дали луну.

— Ваши преступления, — сказал он задушевным и вкрадчивым голосом, совершенно не соответствовавшим смыслу его неласковых слов, — ваши преступления так тяжелы и серьезны, что для обеспечения вашей явки к суду, прокурор Камышанский — извините, пожалуйста, — приказал взять вас под стражу... если, впрочем, вы не согласитесь представить залог в размере десяти тысяч рублей.

— Десяти тысяч?

Я показал ему свой кошелек, где ютилась одна трехрублевка.

— В таком случае... — и мой новый приятель нажал (как я позднее догадался: коленом) невидимую кнопку звонка приложенную где-то под столом.

Вошел служитель в мундире с зелеными кантами:

— Пожалуйте!

— В сто седьмую! — сказал с грустной улыбкой Обух и приветливо помахал мне рукой, как делают великосветские люди, прощаюсь на перроне вокзала с друзьями, уезжающими на Кавказ или в Ниццу.

Я пошел за служителем по бархатным мягким коврам коридора. Потом ковры сменились простыми дорожками. Потом кончились совсем, и мы зашагали по голым доскам. Потом на пути у нас, загораживая весь коридор, встала стеною решетка. В решетке была проделана узкая дверь. По ту сторону, у двери, стоял стол. Там, в полутиме, поджидали меня какие-то молчаливые люди, которым и сдал меня зеленый служитель. Покуда один из них расписывался в принесенной служителем книге, другой, щеголеватый и юный, с холеным, скучающим, красивым лицом Бонапарта, негромко произнес:

— Руки вверх!

Я оглянулся, не зная, что он обращается с этой командой ко мне. Он повторил ее снова с прибавлением нескольких крепких ругательств, произнесенных без злобы, даже с какой-то тоской. Видно было, что он очень устал и что мы, арестанты, смертельно надоели ему.

Я поднял руки. Бонапарт обшарил меня, как мошенника, и, не найдя ничего, кроме бутерброда, карандаша и кошелька с трехрублевкой, брезгливо уложил все это добро в мою шапку, принесенную кем-то снизу (вместе с моим пальто и галошами) и крикнул в гулкую коридорную темень:

— Сто седьмая!

— А-а-я! — откликнулось эхо.

И вот я сижу в тюрьме, в знаменитой Предварилке на Шпалерной, в сто седьмой одиночной камере.

Сижу и не знаю, что в газете «Русское слово» от 5-го декабря 1905 года напечатана такая заметка:

«2-го декабря вечером (на самом деле днем. — К. Ч.) был арестован издатель иллюстрированного сатирического журнала «Сигнал» К. Чуковский; для освобождения от ареста от него потребовали залог в сумме 10 тысяч рублей. Привлечена к уголовной ответственности О. Н. Чюмина, поместившая в «Сигнале» свое стихотворение» и т. д.

О том же сообщали и другие газеты.

Черный день господина прокурора

Наконец наступил день суда. Как важного преступника (оскорбление величества!) меня ввели на скамью подсудимых два солдата с обнаженными шашками да так иостояли до конца заседания. В зале суда ни одного человека, лишь жена моя Мария Борисовна: она только что приехала в Питер, чтобы присутствовать на страшном судилище; сидит одиноко в далеких рядах.

Зато за судейским столом скопилось человек сорок, а пожалуй, и больше: отовсюду сбежались сенаторы и прочие судебные вельможи, которым любопытно поглядеть, как схватится адвокат Груzenберг с прокурором Камышанским. Здесь для них спортивный интерес: хотя у Груzenberга нет ни малейшего шанса выиграть такое безнадежное дело, все же он не сдастся без боя, и разве не занятно следить, как, обреченный на бесславную гибель, он будет отбиваться от смертельных ударов?

Речь Камышанского спокойнее, чем я ожидал. Он начинает с того, что революционное брожение кончилось, и красные потерпели позорнейший крах. Здоровые элементы страны отпрынули от них с омерзением. Все увидели, что пресловутая свобода печати есть свобода наглости и разнузданной лжи. Среди оголтелых литературных подонков нашлись даже такие писаки, которые подняли преступную руку на священную особу государя. И так далее, и так далее, и так далее...

С величайшей брезгливостью, словно прикасаясь к чему-то отвратительно грязному, Камышанский перелистывает мой бедный «Сигнал» и демонстрирует — один за другим — его «преступные» выпады против «священной особы» царя.

Я всеми нервами чувствую, что мое дело — пропавшее. Груzenберг кажется мне совершенно подавленным. Он поник головой, мертвенно бледный и тихий. Но вот он встает, словно нехотя, и негромким мечтательным голосом говорит, обращаясь к судье:

— Представьте себе, что я... ну хотя бы вот на этой стене... рисую... предположим, осла. А какой-нибудь прохожий ни с того, ни с сего

возмущается: «Как ты смеешь рисовать прокурора?» (Неистовый звонок председателя). Кто оскорбляет прокурора? Я ли, рисуя осла, или тот беспардонный прохожий, который позволяет себе утверждать, будто в моем простодушном рисунке он видит почему-то черты уважаемого нами судебного деятеля? Дело ясное: конечно, прохожий. То же происходит и здесь. Что делает мой подзащитный? Он рисует какого-то дегенерата, пигмей и выродка, а Петр Константинович Камышанский имеет смелость утверждать всенародно, будто это (тут он передразнивает голос своего оппонента) — священная особа его императорского величества, ныне благополучно царствующего государя императора Николая II. Пусть он повторит эти слова, и мы будем вынуждены привлечь его, прокурора, к ответственности, применить к нему, прокурору, грозную сто третью статью, карающую за оскорбление величества!

Вот когда пригодилась Груzenbergu его импозантная, сановитая внешность! Выпятив львиную грудь и глядя сверху вниз на прокурора, он допрашивает его как подсудимого:

— Итак, вы утверждаете, что здесь, на этой карикатуре изображен государь император? И что в этих издевательских стишках говорится о нем? И вот в этой заметке тоже?

Вопросы сыплются один за другим. И происходит чудо: прокурор Камышанский растерянно мигает подслеповатыми глазками — и не отвечает ни слова.

Победа Оскару Осиповичу вполне обеспечена. Сенаторы пересмеиваются: «Молодец Груzenberг!» Но он еще долго доказывает (уже другим голосом, деловитым и матовым), что в таких государственно важных делах, как оскорбление величества, требуются не субъективные догадки и домыслы, а веские — и притом объективные данные.

Дальше я не слушаю и что было дальше — не помню. Не помню даже, поблагодарил ли я своего друга защитника, спасшего меня от каземата. Впоследствии я посвятил ему свою книгу «О современных писателях», напечатав на ее первой странице: «Оскару Осиповичу Груzenberгу, защитнику книг и писателей».

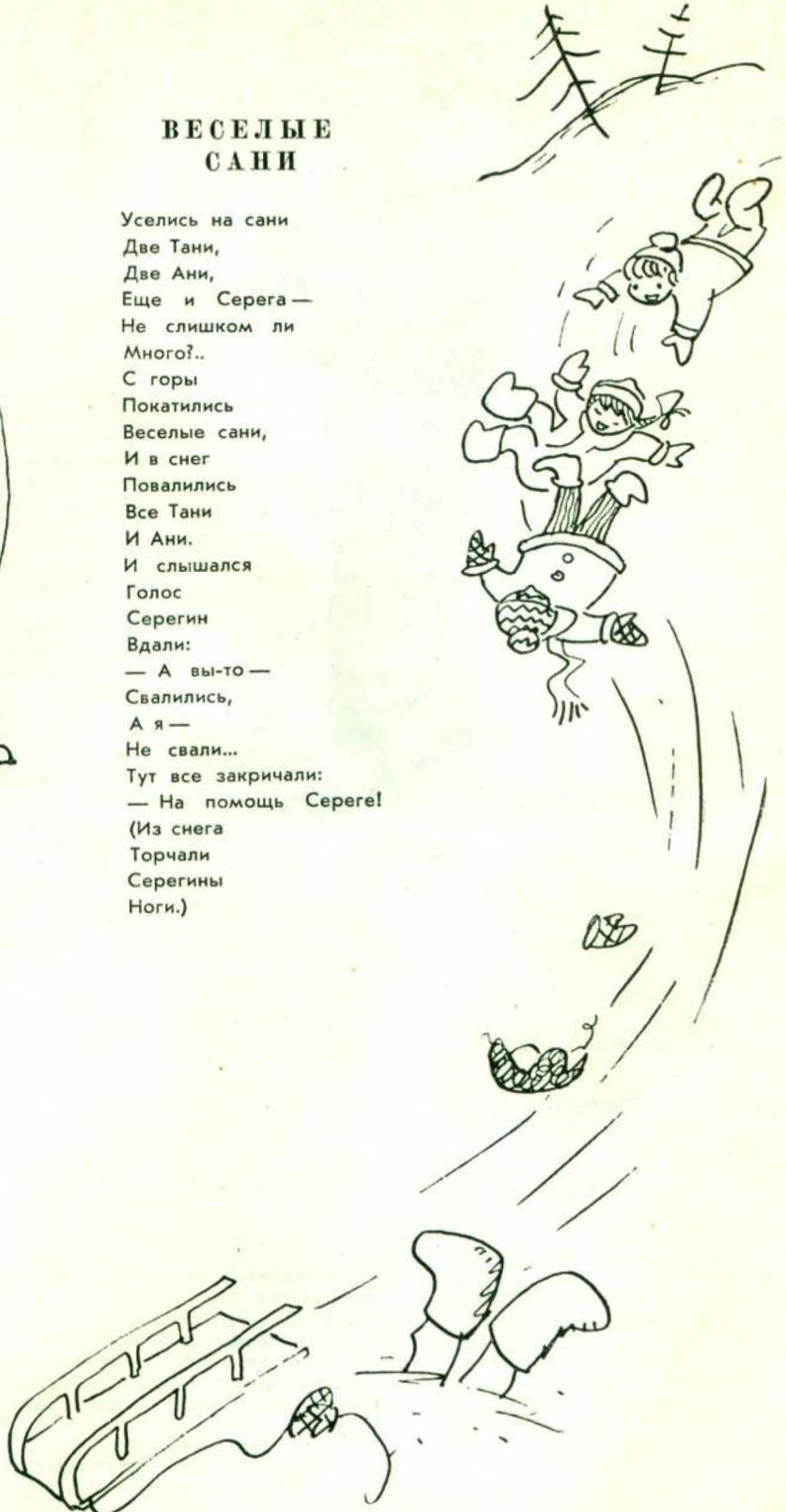
ВЕСЕЛЫЕ САНИ

Уселись на сани
Две Тани,
Две Ани,
Еще и Серега—
Не слишком ли
Много?..
С горы
Покатились
Веселые сани,
И в снег
Повалились
Все Тани
И Ани.
И слышался
Голос
Серегин
Вдали:
— А вы-то—
Свалились,
А я—
Не свали...
Тут все закричали:
— На помощь Серега!
(Из снега
Торчали
Серегины
Ноги.)

В ШКОЛЬНОМ КОСТЮМЕ

У зеркала, довольный,
Стою я в форме школьной...
— Дай мне примерить,—
просит брат.
— Нельзя, братишка, я бы рад..
— Дай!
— Не могу: ты очень мал.
— Дай!
— Отвяжись. Чего пристал?
— Дай! Дай!
— Ты скоро замолчишь?
— Дай! Дай! Дай! Дай!
— Ну, погоди ж..
Вдруг — старший брат:
— Что тут за шум?
Снимай сейчас же мой костюм!

Ромка и его товарищи

Рассказ

Арк. Минчковский

Рисунки Б. Семенова

Все из-за Игорехи. Ему было больше трех. С лета в заводских яслях держать не стали, и Ромка заделался нянькой. Кончилась гульба с приятелями. А тут каникулы. Ромка все-таки перевалил в пятый. Жить бы да жить... На радостях он даже написал отцу. Намекал на обещанный велосипед. Хотя, честно сказать, не особенно-то в этот велосипед и верил. Приезжал к ним отец редко. Да и то, пообещает на месяц, а проживет неделю, не больше. Порасспрашивает о том, о сем Ромку, позабавится с Игорьком, а там уже и заскучает. И опять куда-то на свой Север, где давно шоферил на стройках. Вот и жди, когда объявится. Мать проводит его до станции, потом поплачет в платок и снова ждет писем. Письма от отца бывали редко. Приходили в мятых конвертах, написанные чернильным карандашом, и пахли бензином.

Конечно, в Ромкиной беде отец был не при чем. Живи он и дома — Ромке от этого не легче. Мать все равно спозаранку уходила на кирпичный. Она там работала крановщицей. Возвращалась поздно. По пути

зайдет в магазин или еще куда. В общем, день уже кончен. А вечер — что?! К девяти — все по домам.

И вот сидит Ромка целый день с Игорехой. То его кормит, то спать укладывает, то, наверное в сотый раз, ему одну и ту же книжку читает. Или гулять идут. Но какая радость — гулять с Игорьком! Если в футбол или клюшкой «чижика» погонять — парни кричат: «Уведи ты, ради бога, своего Игореху... Всем только мешает...» Что поделаешь! Ромка берет братишку за руку и тянет куда-нибудь подальше. Так и ходят вдвоем. Скука! А тот еще недоволен и ноет. Ромку обида берет... И кто это только придумал лето! Скорей бы кончалось, что ли!..

Иногда Ромка так рассердится, смотрит на своего братишку и думает: с удовольствием бы треснул его по голове, будь он побольше. А случается, что и, действительно, слегка стукнет. Когда тот спать не хочет или еще что-нибудь. Но только Ромка Игорьку слегка подаст — он сразу воръ поднимет, чтобы все соседи знали, что Ромка его бьет. Ревет и повторяет:

— Скажу маме... Вот увидишь, скажу... Она тебе да-а-аст!..

— Ну и говори! — кричит в ответ Ромка. — Все равно мне с тобой не жизнь. Вот уеду к отцу, тогда съешьшь...

Игореха и того громче:

— Скажу маме!.. Ска-ажу-у!..

Воет, хоть сам плачь.

— Поори еще! Я тебе не так стукну...

Но грозится Ромка зря. Никого он больше не стукнет и к отцу не уедет. Во-первых, он толком и не знает, где тот живет, во-вторых, как же мать без него?

В конце концов Игореха выревется и заснет. А спит он хорошо. Щеки сразу станут розовыми, а на губах пузыри, и в них отражаются крошечные окошечки. Теперь братишка даже нравится Ромке. Такой тихий и маленький. И Ромка уже забывает о том, как еще совсем недавно его ненавидел. Ромка прикроет марлей брата от мух и сядет у открытого окна. Уйти нельзя. Если Игореха проснется — весь дом сбежится. Достанется тогда от матери. И Ромка вздыхает и сидит у окна, смотрит на улицу Юных пионеров. А день такой удивительный! Солнце поднялось в самую высоту, но возле дома нежарко, потому что здесь лежат тени разросшихся тополей. Ромке тополя — старые, хорошие знакомые. Вот этот напротив, что наклонился к дороге... Когда-то в него попал осколок от снаряда и так в нем и остался. Теперь и не видно, а на ветвях тополя, как на качелях, покачиваются вертлявые воробы, которые и знать не знают, что в городе когда-то проходил фронт.

По улице, закрутив клубы песку, дребезжит запыленный автобус. Райцентровский. Оттуда — в двенадцать

дцать тридцать. Клюя передком, пробегает двухдверный газик. За баранкой директор овощного совхоза. Ясно, на молочную поехал. Потом, воя так, что дрожит весь дом, проползает грузовик с двумя прицепами. Везет белые кирпичи. Тоже дело привычное. Их возят целый день. Почти всех, кто ни проходит по улице, Ромка знает. Это вот — соседская бабка Фрося. Тащится с базара. Ого! Набрала в корзину! Пенсионер Вавилин пошел к почте, газету читать. Каждый день ходит. По той стороне, в белой курточке, неторопливо идет Нюся из хлебного ларька. С обеда, значит...

Хорошо на улице! А ты сиди тут, будто арестованый! Ромка опять вздыхает и печалится о своей судьбе. И вдруг он видит — посреди мостовой шагают его товарищи. В руках у Гути и Лешки поскрипывают ведерки, на плечах — удилища. Третьим, насыщаясь, шествует Семен. Он налегке, руки в карманы. Опять будет проезжаться на Гутин счет. Но Гутя протестовать не станет. Он знает, что Сеньку все равно не переучишь.

Достигнув Ромкиного дома, они задерживаются.

— Нянька, пошли на рыбалку! Делать все равно нечего! — кричит Семен. Он отлично знает, что Ромке сейчас уйти нельзя, но зовет нарочно, по вредности характера.

— Идем, — неуверенно кивает Гутя.

— Говорят, сегодня клев мировой, — добавляет Леха. Ромке до слез хочется схватить свое удилище и бежать к ребятам, но — какое тут!.. Он косится на кривать, где спит Игорек, и независимо произносит:

— Нет сегодня никакого клева. Жарко сейчас. К вечеру подлещик пойдет.

— Много ты знаешь, чудак-рыбак, — говорит Лешка.

— Скажи лучше — Игореху не на кого оставить. Нянька несчастная, — прервав свист, бросает Семен.

— Я и с Игорем, что мне... — храбрится Ромка.

— Пошли! — зовет Гутя.

— Неохота. — Ромка мотает головой. — Какая сейчас рыбалка!

— Да ну его! — Сеньке становится скучно. — Пока, нянька.

— Сам ты... — зло отвечает Ромка и замолкает.

Поскрипывая ведерками, рыбаки идут своей дорогой. Ромка чувствует себя самым разнесчастным человеком на свете. Конечно, сейчас раздольно на озере. И клев, наверное, есть. Но что поделаешь? Можно было пойти и с Игорьком. Но разве с ним рыбалка? Только и гляди, как бы не потонул...

Как-то незаметно пришел август, и в лесах за Кирпичной — а вокруг Кирпичных лесов довольно — появились грибы. Лето было знойное и богатое мелкими теплыми дождями. Говорили, что грибов в иных местах — спину не разогнуть. По субботам, с ночи, грибники уезжали на грузовиках в дальние леса. Возвращались в воскресенье к вечеру. С машины снимали тяжелые, обвязанные белым, корзины и ведра.

До чего же любил собирать грибы Ромка! Идешь по лесу, будто разведчик. Сердце стучит. Будет ли тебе удача? Сбиваешь надоедливые поганки и вдруг нате... Настоящий белый. Ножка толстенькая. Даешь щелочко — звенит! А там, глядишь, целое семейство моховичков или темнеют скользкие маслята. Ромка грибник опытный. Бывает, с ним и мать советуется. Покажет Ромке гриб и спрашивает — хороший ли... Ромка деловито подрежет ножку, надломит шляпку и небрежно бросит:

— Не-е, поганый...

И мать не спорит. Верит — Ромка знает.

А тут — в этакое лето и без грибов! Ромке дома не сидится.

— Пора, мам. Грибов не останется, — торопит он.

А та «погоди» да «погоди... «Успеется...» — Все ей недосуг. В воскресенье то стирка, то стяпня. Или еще по дому уборка. И Ромка снова до полдня нянчится с Игорем.

А тут, мать только на работу ушла — опять появляются его товарищи. В руках у всех и даже у Сеньки корзины. У Гути в плетенку нож воткнут, а по дну ее бутылка с водой перекатывается.

— Поехали, нянька, в Ручьев лес. Нынче среда — народу мало будет, и дождик грибной шел.

До Ручьев леса от них километра четыре, и всегда можно попутной на кирпичах доехать. А грибы там хватает. А Ромки даже дыханье сперло. До чего же везет некоторым людям! Что захотят, то и делают! А он? И за что на него такое? Но тут вдруг Игореха:

— Идем с ними по грибы. Я тоже собирать умею. Ромка с сомнением поглядел на него, а Гутя спрашивал:

— Иходить будешь, не устанешь?

— Нет, — мотает головой Игорек. — Не устану. Я еще как ходить могу.

— И реветь не будешь? — допытывается Ромка.

— А с чего ему реветь? Маленький, что ли он... — рассудительно говорит Гутя.

— Маленький, что ли я? — соглашается Игореха.

Но Семен протестует:

— Да ну его... Куда с ним... Всем, что ли, няньками становиться?

Леха Завалихин молчит.

Ромка с молчаливой просьбой в глазах посматривает то на одного, то на другого товарища. Весь небрежный вид Семена говорит: «Не дело это вы придумали... Я не одобряю». Но Гутя, как известно, человек покладистый.

— Да ладно, — говорит он. — Возьмем... Что тут такого... Мы еще до обеда вернемся. Не устанет.

И Леха вздыхает. Это значит: «Что попишишь, раз у товарища такое положение!»

Семен предпочитает не спорить с большинством. Как хотят — их дело. Он вообще не особенный любитель собирать грибы. Куда бы лучше — в кино. Он ходил бы в кино каждый день, да в клубе не хватает картин, и денег у Семена тоже в обрез. Игореха уже догадался, что товарищи брата согласились взять его в лес и торопливо напяливает на голову свою большую кепку, без которой не чувствует себя достойным серьезного общества. Ромка поскорее — не раздумали бы! — опоражнивает материну базарную кошельку. Сует туда хлеб и соль в бумажном пакетике. Плотно затыкает пробкой начатую Игорехой бутылку молока — тоже с собой. Нож он предпочитает взять сапожный. (Откуда-то у них в доме есть такой нож). Весь из стали, вместо ручки намотана изоляционная лента. Без ножа Ромка по грибы не ходит, считает несолидным.

С машиной повезло. На перекрестке тормозит первый же пустой самосвал. В окно кабины высовывается незнакомый длинношерстий дядька в черной кепочке, приплюснутой почти к самому загорелому носу.

— Что, бригада?

— Дяденька, до Ручьева леса подвезите, — не по росту жалобным голоском канючит Сенька. Выпрашивает он большой мастер.

— Садитесь в коробку, — коротко кивает черная кепочка. Потом шофер глядит на Ромку и добавляет: — А с малым давай сюда!

Гремят ноги друзей по дну самосвала. Игореха, не без труда, с важностью влезает в кабину и придвигается поближе к водителю. Ромка усаживается с краю. Крякнула коробка скоростей, и машина, громыхая цепью, что бьется на ходу о заднюю стенку кузова, побежала к лесу.

Качаются и вздрагивают стрелочки на циферблатах

щитка, тепло светятся контрольные огоньки. Вот уж, действительно, неизвестно, где тебя ждет удача. Ромка косится в сторону братишки. Игорека сидит серьезный. Очень ему хочется нажать какую-нибудь кнопку или коснуться красной светящейся пуговки, но он знает, что делать этого не разрешается и, не доверяя сам себе, прячет руки за спину. А Ромка смотрит на брата и думает, что зря порой обижает Игореху. В конце концов, скоро ему четыре и с ним можно иметь дело. Его вдруг даже охватывает какая-то внезапная гордость за маленького братишку, и Ромка старательно поправляет Игорьку кепку, которая почти съехала на глаза.

— Отец кем работает? — неожиданно спрашивает водитель.

— Тоже шофером, — говорит Ромка.

Длинношерстий водитель на секунду поворачивает голову в их сторону.

— Верно? Где же?

— Далеко. На стройке. В северных землях.

— Вот как? А вы тут, в Кирпичихе?

— Ага.

Ромке хочется сказать о том, как редко приезжает к нему отец, но что до того чужим...

Некоторое время шофер молчит. Молчат и братья. Виляя пустыми прицепами, проезжают два встречных грузовика. Потом вдруг Игорек говорит:

— У нашего папы большая машина.

— Да что ты? Какая же?

— Так это он зря, — поясняет Ромка. — Не знает он, какая у нашего отца машина. Он на разных работал.

И опять все молчат. Затем шофер спрашивает:

— Значит, с матерью живете?

— Ага.

— Понятно.

— Она на большом кране в заводе ездит, — говорит Игорек.

— Ясно, — кивает кепочка.

Так, с интересным разговором, незаметно пролетают четыре километра. И вот уже опушка Ручьева леса. В крышу кабины барабанят. Шофер останавливает машину, и в дорожную пыль, один за другим, мягко спрыгивают недолгие пассажиры.

— Спасибо, дяденька!

— Ничего, бывайте!

Водитель в кепочке сильно хлопает дверцей, и самосвал сразу набирает скорость. Шофер, хотя, видно, и торопился, а все же не отказался, подбросил друзей, и теперь каждый из них считает необходимым вспомянуть его добрым словом.

— Хороший дядька, — отмечает Леха.

— На самосвал плохого не посадят, — говорит Ромка.

— А я в кабине ехал, — сообщает Игорек.

Приятели сворачивают с дороги и углубляются в лес. Их встречают спасительная тень чащи и влажная прохлада, которой веет от пружинящего под ногами мха.

— Р-р-р-а-а-ссредоточиться! Прочесать лес! — командует Леха.

— Далеко друг от друга не уходить! Р-ра-а-зались!

Но расходиться сразу не хочется, и первое время друзья движутся кучкой, один вблизи другого.

Проходят волнующие минуты, и вдруг Леха кричит:

— Есть подберезовик. И еще один... И еще...

Завидуя счастливчику, все приближаются к нему. Но на трех грибах Лешкин успех заканчивается, и приятели снова бродят по одиночке.

Ромка не спускает глаз с братишки.

— Ты от меня никуда! Слышишь, Игорека?

В ответ Игорек небрежно кивает головой. Он занят. Он старается отыскать хоть какой-нибудь гриб. Но,

несмотря на то, что глаза Игорька ближе других к земле, грибы к нему не идут. И вдруг перед ним вырастает раскрасавец в бурой бархатной шляпе. Игорек срывает его двумя руками и, переполненный гордостью, спешит к брату:

— Смотри — какой!

Ромка неторопливо забирает находку из рук Игорька. Безжалостно ломает коричневую шляпу, нюхает ее и говорит:

— Поганый. Не бери таких.

Игорек печально смотрит на остатки красавца, вдребезги разбитого о пень, и не очень-то верит, что его гриб поганый. Но спорить не приходится. Он слегка вздыхает и отправляется снова на поиски.

Хорошо в лесу дневной августовской порой. Тихо и свежо. Золотые полосы солнца пробиваются сквозь чащу и тоненькой радугой переливаются на протянутой меж стволов паутине. Еле слышно о чем-то шушукаются ветви берез, стайкой жмущихся на полянке. Здесь еще изрядно пригревает. Но и в тени хвойных великанов нет-нет да и заиграет на земле солнечный зайчик, и весело блеснет мокрая шапочка свинухи, или вспыхнет пурпурным огоньком дырявяя шляпка сыророжки.

— Алё, парни! Как у вас там? — кричит Ромка.

— В поря-а-а-д-ке-е-е, — откуда-то уже издали откликается Леха.

— У меня дно покрыто, — сообщает Гутя. Он держится поближе к постставшему с малышом товарищу.

— Вы где? А у меня тут всё кончилось.... — подает сигнал бедствия Семен.

Лесное эхо разносит резкие ребяческие голоса, удаляется о стволы и замолкает. Вспугнутые дрозды и овсянки на миг поднимают тревожную перекличку. А затем опять наступает блаженная тишина. Только лесные шорохи да сухой треск хвороста под ногами сопровождают грибников.

Гриб, еще два! А вот и целый выводок лисичек... Время в лесу идет незаметно. Часов ни у кого из приятелей нет. День уже перевалил за вторую половину, но никто не замечает. Каждому хочется набрать грибов побольше.

У Ромки дела идут отлично.

Вот и еще легли в кошелку несколько крепких длинноногих подберезовиков. Ромка горд. Он поднимает голову и хочет позвать Игореху, чтобы показать, какие нужно искать грибы. Но Игорька нет. Ромка оглядывается. Братишки не видать. Где-нибудь рядом, — решает Ромка и окликает его. Однако, ответа нет, и Ромка кричит громче:

— Игорек, Игорека-а!.. Куда ушел? Давай ко мне! Но ему снова никто не отвечает, и Ромку охватывает беспокойство. Он опускает на землю отяжелевшую кошелку и складывает ладони рупором.

— Ал-о-о!.. Гутя!.. Игорека с тобой?

Проходят тревожные секунды, и издали следует ответ:

— Не-ет. Тут его не-ту-у...

— Се-е-н-ка-а! — кричит Ромка. — Игореки не видел, Се-е-м-е-н-?

— Видел. Давно, — неожиданно отвечает тот откуда-

то сзади. Ромке становится не по себе. Он напрягает глотку и зовет Леху. Голос Ромки по-петушиному срывается. Он сплевывает и кричит изо всех сил:

— Ле-ша-а, Ле-е-ха! Алё-о!.. Игоре-е-к с то-о-бо-ой?
Леха оказывается очень далеко и не сразу понимает, чего от него хотят. Потом, услышав, отвечает:

— Не-ет, не-е-ту-у... Сейчас иду-у-у!

Ромка кличет Игорька во все стороны леса. Издали ему помогают Гутя и Семен. Они зовут Игорька и свистят, заложив по четыре пальца в рот. И от этого свиста и от того, что Игорек не откликается, Ромке становится жутковато.

Первым к нему, с почти полной корзиной, спешит Гутя.

— Давно пропал?

— Да нет. Вот, ну, самую малость... Я тут на горькушки наткнулся, тьма...

Ромке хочется думать, что он все время видел братишку перед собой.

— Здесь, где-нибудь. Давай, вместе крикнем.

Подтягивается и Семен. Добыча у него небогатая, и другой бы раз Ромка посчитался бы с ним за «нянью», но сейчас ему не до того.

— Говорил я вам. Вот теперь и будем все искать... — лениво заявляет Семен.

Ему никто не отвечает. Наконец появляется Леха. Еще издали он заметил, что малыша среди товарищей нет и, подойдя, хочет подбодрить Ромку шуткой:

— Никто его не съест. Волка здесь и за премию не найдешь. А медведей всех в кино играть забрали.

Ромка молчит. Гутя видит, что дело приобретает дурной оборот.

— Давайте, пошли в разные стороны. А ты... — Гутя, с неожиданной для него требовательностью, обращается к Семену. — А ты оставайся тут. Как свистнем — отвечай. Чтобы нам самим не растеряться.

Ромка благодарно смотрит на товарища. Леха согласно кивает головой. Семен устал и посидеть на месте не отказывается. Он составляет в ряд корзины и опускается на мягкий мох.

Ромка, Гутя и Леха расходятся в разные стороны по лесу. Условлено — кто найдет — свистеть другим. Но

пока все только зовут Игореху. Вскоре они уже плохо слышат друг друга, и каждому становится понятно, что так далеко малыш не мог уйти. Перекликаясь с Семеном, мальчики по-одному возвращаются на прежнее место. Последним приходит Ромка. Гутя и Леха молчат и неловко пожимают плечами, словно считают себя виноватыми в том, что не нашли Игореху.

День клонится к концу, и всем изрядно хочется есть. Припасенное из дома давно уничтожено. Но об еде никто не говорит. Присев на землю, друзья не глядят друг на друга.

Молчание нарушает Гутя:

— Некуда ему запропаститься.

— Все ты! — злится Семен. — Я говорил, не надо с пацанами связываться!

— Ничего ты не говорил, засохни! — зло огрызается Леха.

— Говорил... Что теперь будет Ромке?

— Я домой без Игорька все равно не пойду.

— Найдем.

Это заявляет Гутя.

— А домой когда попадем? Мне от батьки будет, — тянет свое Семен.

И тут Леша не выдерживает. Он хватает Сенькину корзину и, тряхнув ее так, что едва не посыпались грибы, сует в руки Семену.

— Иди, дрефило!.. Никто не держит... Иди один. Но только чтобы дома ни звука! Понял?

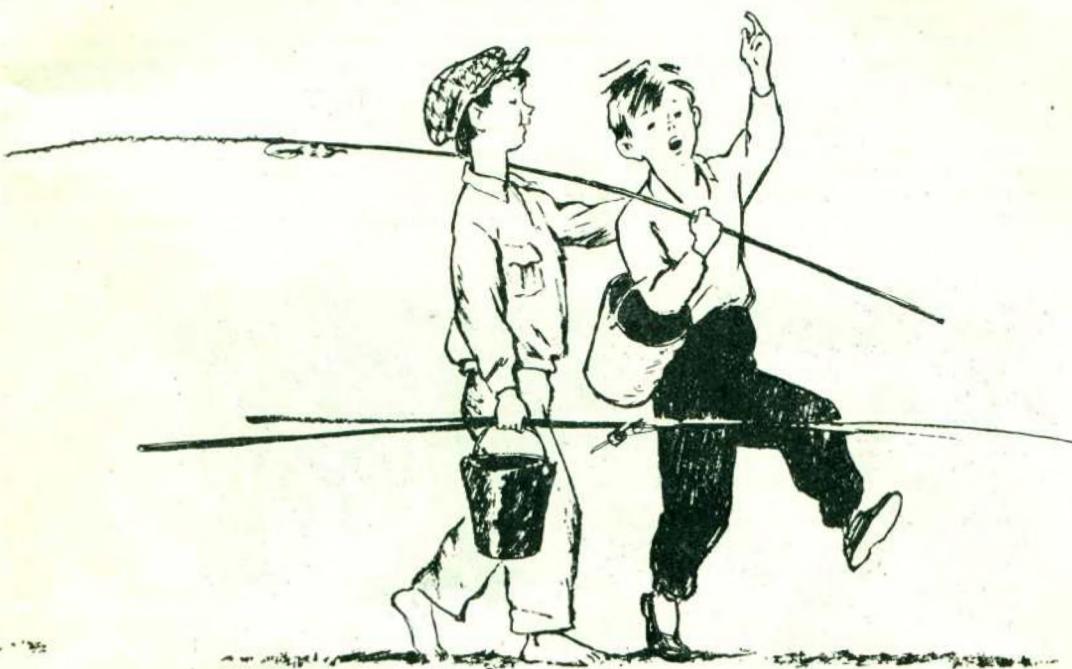
Для убедительности Леха подносит к Сенькиному носу кулак. Но тот уже и сам понял, что оказался в одиночестве, и пытается вывернуться.

— Да я не про то!.. Чего ты? Может, он давно дома... Может, Игореха на дорогу вышел, и взрослые его домой привели.

— А если нет? А, ну, заблудится? — сверлит его глазами Гутя.

Ромка молчит. Он не может вмешиваться. Во всей истории больше всего виноват он.

— Пошли. Пока светло. Нечего время терять, — говорит Леха. На Сеньку он больше не смотрит, и тогда тот уже вдогонку кричит:

— Я домой не уйду. Я тут буду... Только вы поскорее.

— Ро-ом, ты не бойся. Мы тебя одного не оставим, — бросает по пути Леха.

Они снова расходятся. И опять в чащме леса слышится перекличка, вторимая эхом. Ромка старается заглянуть за каждую осину, раздвигает поблекшие малинники. Он ласково, на разные лады зовет брата. И Ромка рисуются самые страшные картины: Игореху затянула трясина... Его утащил стервятник, придавило деревом... Ромка хорошо знает, что у них в лесу нет никакого болота и что орлы тоже водятся только в степях. Но разве сейчас ему до рассуждений?! Ромка поднимает голову и замечает, что небо уже побледнело и верхушки елей начали розоветь. И вдруг он припоминает, словно видит перед собой лицо матери. Страшное, с большими, открытыми глазами. Такое лицо у нее было, когда он, Ромка, пять лет назад провалился в старый колодец. Там оказалось совсем не глубоко, и его вытащили в ведре. Мать не била, а только так скимала, что ему сделалось больно. Но лицо ее Ромка запомнил навсегда. Неужели ему опять, когда он придет к ночи и скажет, что потерял Игореху, видеть, как ахнет мать?! И Ромка твердо решает умереть, но не возвращаться домой.

И вдруг он слышит, будто кто-то свистит из глубины леса. Ромка настораживается. Наверное, ему кажется. Он знает — так бывает. Но нет. Кто-то свистит. И вот уже доносится:

— Р-о-о-ма, Р-о-о-о-м-ка-а-а-а!.. Сю-у-д-а-а!..

Кто это кричит? Ромка кидается на зов. Вот он слышен все ближе. Это кричит Гутя. Конечно, он. Ромка стремится к нему напрямик. Сердце так екает, что даже самому слышно. Колючие, сухие ветки царапают лицо и руки, но Ромка ничего не замечает. Вскоре он уже видит небольшую полянку. Огненной россыпью горят на ней подожженные заходящим солнцем султаны конского щавеля. На краю поляны, тоже весь красный, стоит Гутя. Он один. Но вот Гутя поворачивает лицо, улыбается и подзывает рукой Ромку.

Короткий миг — и тот возле товарища.

— Гляди, — таинственно произносит Гутя. Он показывает в траву. — Спит, а, видал?!

Ромка смотрит вниз и видит — в траве лежит Игорек. Ромка кидается на колени. Игорек мерно дышит и спит так, будто бы Ромка дома уложил его в постель. Щеки пунцовые, а на губах пузырьки. В сжатом поцарапанном кулачке он держит сорванную ветку малины с тремя спелыми ягодами. Он, наверное, нес их ему, Ромке. Старший брат склоняется ниже над Игорехой. С козырька у мальчика сбегает толстозадый муравей и деловито бежит по лбу. Легким щелчком Ромка скидывает муравья.

— Не буди. Пусть спит. Понесем так, — говорит Гутя.

Из леса появляется Леха. Вид у него встревоженный.

— Нашли? — И сразу становится таким, как всегда.

Будто ему все нипочем. — Ну, и порядок!..

Ромка осторожно поднимает Игорька. Берет его на руки. Они снова идут по лесу. Идут так, словно усталости и не бывало, только есть хочется пуще прежнего. Семен выходит навстречу. Узнав о том, что произошло, он тоже заулыбался, но предпочитает помалкивать. Чтобы хоть как-то загладить свое недавнее малодушие, суетится, поднимает сразу две корзины.

К дороге Игорька несут по очереди. Ромка, Гутя и Леха. Потом опять Ромка. Но вдруг Сенька не выдерживает, почти насиливо сует свою полупустую корзину Гуте и догоняет Ромку.

— Дай, я его немного понесу... Ну, дай, пожалуйста...

Ромка недоверчиво косится в его сторону. Но что-то заставляет его уступить, и он бережно передает товарищу спящего братишку.

И вот Семен тоже несет Игорька. Стараясь осторожней ступать по земле, он несет его дальше других и, когда ему предлагают смену, упорно мотает головой. И, глядя на Семкину спину, Ромка думает о том, что тот стал бы нянькой не хуже его, будь у Семена такое положение.

Ни в лесу, ни на попутной машине Игореха так и не проснулся. Кирпичики достигли, когда лучи солнца оставались лишь на верхушках заводских труб. На поблекшем небе матово багровели иглы громоотводов. От перекрестка до дому спящего взялся нести Ромка. Он принял Игорька на правую руку и уложил к себе на плечо. Левой подхватил кошельку с грибами. От дальнейшей помощи друзей твердо отказался. Отвечать за все перед матерью он решил один. Нечего путать товарищей. Ромка знал, что ему крепко достанется. Возможно, мать и вздует. Но он не боялся. Пусть и вздует — пройдет. Чего стоит гнев матери теперь в сравнении с тем, что с ней было бы — вернись он без Игорехи?! И Ромка даже улыбается и думает о том, что хорошо бы послать письмо отцу. Написать, как он хотел навсегда остаться в лесу, и как ему помогли друзья. Интересно, что бы тот сказал, если бы у него пропали сразу два сына?! Впрочем, писем от отца давно нет. По ночам Ромка слышит, как, уткнувшись в подушку, тихо всхлипывает мать. И чего она об нем убивается? Ну, не едет и не надо, обойдемся... Ведь есть же дома он, Ромка. С ним мать еще как проживет.

Ромка делает короткую передышку, поудобнее, повыше поднимает сонного братишку и решает, что ничего такого, особенно печального нив чем нет. Осенью Игорю станет четыре, и его возьмут в детский сад.

Под редакцией международного гроссмейстера

ВИКТОРА КОРЧНОГО

Теоретическое продолжение. Сейчас чаще играют 6. f2 — f3. Этим ходом белые укрепляют пешку e4, затем выводят слона на e3, ферзя на d2, делают рокировку в длинную сторону и начинают движение пешек на королевском фланге.

6. ... Cc8 — g4?!

Теория предполагает 6. ... Kс6 и не без оснований.

7. Cf1 — b5 + Kb8 — d7 8. Cb5 : d7 + ...

Проще было сразу 8. Fd3.

8. ... Fd8 : d7

Осторожность требовала вернуть слона на d7.

9. Fd1 — d3 e7 — e5

Вынуждено — ввиду опасной угрозы начать ловлю слона ходом 10. h3 или 10. f5

Этот последний ход черных ослабляет пешку d6 и дает в руки белых на длительное время поле d5, так что теперь положение белых явно лучше.

10. Kd4 — f3 Cg4 : f3?

За доской белым казалось, что они вынудили черных к этому ходу, но, конечно, черные могли бы не отдавать слона, который им еще пригодился бы (один из способов сохранить слона: 10. ... ef)

11. Fd3 : f3 Fd7 — g4?

Правильно было 11. ... Cg7

12. Kc3 — d5

Продумав с минуту, черные сдались.

Действительно, белые грозят с шахом взять коня, а защитить его как будто невозможно.

Однако, у черных был способ спасти фигуру, а, значит, надолго отложить решение партии.

Предлагаю читателям «Костра» найти этот способ.

Итак, кто может спасти черного коня?

Приближалось первенство страны среди юношей. Мы готовились к нему, играя в тренировочном турнире.

Это был 1948 год, мне было семнадцать лет. В одной из партий моим противником был одиннадцатилетний шахматист. Разряд у нас был одинаковый — первый. Мой противник играл черными.

1. e2 — e4 c7 — c5

Первый ход черных определяет дебют — сицилианскую партию. Этот дебют играется уже десятки лет, потому что ведет к сложной борьбе с большими возможностями у каждой из сторон.

2. Kg1 — f3 d7 — d6 3. d2 — d4 c5 : d4

4. Kf3 : d4 Kg8 — f6 5. Kb1 — c3 g7 — g6

Французский гроссмейстер Савелий Тартаковер, увидев, как этот ход был сделан в крупном соревновании, предложил назвать весь вариант «вариант дракона» (с последующим часто встречающимся положением пешек на ab и b5). Расположение черных пешек напомнило Тартаковеру крылья сказочного чудовища.

6. f2 — f4...

МИНУТКА

Репортаж

1.

Есть такая комната в доме на улице Калиева.

Три стола, шесть стульев. На стенке, задернутый шторой, план Ленинграда.

И телефоны.

Телефонов — двенадцать. С дискаами, с кнопками, с клавишами. У каждого свой голос: городской трезвонит, внутренний жужжит, циркулярный коротко звякает.

Люди снимают трубки. Говорят вполголоса:

— Дежурный Тихонов слушает.

— Дежурный Иванов.

— Дежурный Софронов.

Пока что звонки — по пустякам. Кто-то кому-то напоминает о сводке. Кто-то с кем-то договаривается о культоходе в кино.

А за окошками летит мокрый лохматый снег.

— Будет сегодня работки... — вздыхают, глядя на снег, люди.

Эти люди не лодыри, не бездельники. Но лучше бы они всегда бездельничали, как сейчас.

Они пьют чай. Забивают «козла». Чинят карандаши. Просто сидят и рассказывают разные разности.

А сами все косятся на телефоны.

— Часто у вас так спокойно? — спрашиваю.

И, будто в ответ, брякнул молчавший до того аппарат. Еще не сняв трубки, дежурный чертыхнулся и определил:

— Началось.

— Стачек, 67, — сказали в трубке. Эти слова для того, кто в комнате, — как сигнал тревоги.

Накинута шинель. Уже на ходу надета фуражка. Локтем сбиты на доске шахматные фигуры.

Идем со старшим лейтенантом Голубевым по двору, а навстречу нам, из гаража, выползает синяя «Волга» с красной полосой на борту.

— Стачек, 67, — говорит Голубев шоферу.

3.

Летим по набережной.

У Дворцового моста — вереница автомобилей: красный свет.

Шофер тянет на себя ручку с белой головкой. Потянет и отпустит — словно звонит в старинный звонок.

Взвыает сирена.

Сирена приказывает: «Дорогу! Скорей дорогу на проспект Стачек!»

И красный свет сменяется зеленым.

Проносимся.

В стеклянной будочке козырнул старшина-регулировщик.

Голубев включает радио.

— Орел! Орел! Я ноль три. Как слышите? Прием.

В репродукторе зашуршало.

— Ноль три! Я Орел. Слышу Вас. Прием.

— Орел! Я ноль три! Дайте срочно Находку! Срочно Находку! Прием!

Шуршание.

Голос в репродукторе басит:

— Ноль три! Ноль три! Уточняю обстановку. На проспекте Стасек сбит ребенок.

4.

Мелькают номера домов: «61», «63», «65»...

Где-то здесь.

Это можно было бы определить и не следя за номерами: издалека видна на мостовой группа — дворник, милиционер, свидетели.

— Давай прямо к постовому, — приказывает Голубев и открывает дверцу.

Холодно, мокро. Под ногами снежная каша. Постовой, встречающий нас, совсем окоченел.

Он докладывает:

— Три девочки перебегали дорогу перед самосвалом. Одну грузовик сшиб. Пострадавшая отправлена в больницу.

— Где водитель?

Водитель — молодой, симпатичный парень — выступает вперед. У него тоже зуб на зуб не попадает — промерз и переволновался. Сходу пускается он в объяснения.

— Подождите, — говорит Голубев. И достает из кармана рулетку.

5.

Меряют улицу.

Останавливаются автобусы. Зами-

Светофор —
не для красоты.

Стрелка «переход» —
не для красоты.

У водителя
не тысяча глаз,
а пара, и они —
не на затылке.

Тормоза не срабатывают
мгновенно.

ДЕЛАЙТЕ ВЫВОДЫ САМИ!

рают, дрожа от нетерпения, такси. А мы ходим у них перед носом с рулеткой и меряем.

От одного тротуара до другого тротуара. От тротуара до места происшествия. От места происшествия до указателя «переход».

Негнущимися пальцами Голубев заносит в тетрадь цифры. Чертит схему. Стрелками обозначает движение транспорта и жертвы. Допытывается: чем ударила машина девочку? Задней частью борта? А вы уверены, что именно задней частью?

Он идет к злополучному самосвалу. Пинает шины: нормальное ли давление.

— Тронась и затормози, — приказывает шоферу.

Тот лезет в машину. Жмет на стартер.

— Погуди! — просит Голубев.

Клаксон рявкнул, как полагается, мощно и басовито.

— Дай свет! Ближний. Дальний.

Фары мигнули.

Самосвал тронулся, вышел на вторую скорость. Тормозит. Все четыре колеса, намертво схваченные, заскользили юзом по заснеженному асфальту.

И это в порядке.

Тормоза в порядке. Протекторы не изношены. На сторону встречного движения шофер не выезжал. Скорости не превышал. До границы перехода — сорок метров.

А Людмила П., ученица седьмого класса 389 школы, — в больнице. С переломом бедра.

Кто в этом виноват?

6.

— Типичный несчастный случай, — сказал Голубев, вернувшись в комнату с телефонами.

Он сказал это не для протокола. Аварийная служба ГАИ не определяет виновных. Она лишь точно устанавливает обстановку происшествия. Остальным займется следователь.

Но здесь почти все ясно заранее. Видимо, не будут судить шофера. Несчастный случай! Случайность!

Из-за одной случайной минутки, которую хотела сэкономить Люся, трещал телефон «Скорой помощи», неслась по городу наша «Волга», мерз постовой, нервничал без вины виноватый, до слез расстроенный водитель.

Все из-за минутки!

Дорого обошлась она и Люсе и людям.

За окошком по-прежнему идет мокрый снег. Голубев уехал на следующий вызов.

А я сижу и думаю: придет же, наконец, время, когда здесь, в этой комнате, перестанут тревожно коситься на телефоны!

Ф. Нафтульев

Рисунки А. Овсянникова

Бандероль

Александр Власов, Аркадий Младик

В сибирском городке жили три подружки-пионерки. Вьюжным февралем 1943 года одно за другим пришли три извещения с фронта. Девочки остались без отцов.

Были слезы. Были дни, когда все казалось потерянным. Но жизнь шла вперед. Горе не забылось. Оно только отступило перед суровыми военными буднями.

После уроков все девочки оставались в школе — вязали для воинов теплые носки и варежки. Потом подарки упаковывали в ящик, и школьный сторож нес посылку на почту. Такие бандероли и посылки приходили тогда на фронт тысячами.

Девочки работали по четыре часа в день. Три подружки — Лида, Маша и Саша — сидели бы за вязаньем до ночи, но грубоватый и добродушный сторож-старик, когда темнело, включал звонок, и дребезжащая трель не умолкала до тех пор, пока девочки не прекращали работу.

— Война — войной, — философски говорил сторож, провожая их до выхода. — А уроки — уроками... Домой — и за книжки...

— Девочки! — сказала как-то Маша. — Иногда я вяжу и думаю — может, папка из-за такой вот варежки и погиб. Была рваная перчатка, отморозил палец, а тут атака — фашисты лезут. Стрелять надо, а палец не работает! Ну, и...

Она судорожно вздохнула.

— Вот так и сейчас. Мы ушли. Нам уроки, видите ли, готовить надо. А кому-нибудь на фронте не хватает теплых варежек...

— Кто нам мешает вязать дома? — горячо подхватила Саша. — Засядем хоть на всю ночь.

— А шерсть? — спросила Лида. — Где шерсть возьмешь?

— У нас коза есть, — ответила Маша. — Острижем — вот тебе и шерсть будет!..

Из шерсти козы много не свяжешь. Всего получилась пара варежек.

Подружки подумали, поспорили и решили послать на фронт бандероль.

— А кому? Раз бандероль — на почте обязательно спросят, кому... — сказала Лида. — И адрес нужен точный. А у нас нет.

— Нет — так будет! — возразила Маша. — В любой части найдется Сидоров! А номер части поставим такой: пять один пять девятнадцать... Сидорову Михаилу Алексеевичу...

И отправилась бандероль с выдуманным адресом на фронт...

* * *

Угрюмый он был и замкнутый. Никто не видел на его лице ни улыбки, ни проблеска радости, ни даже мимолетного оживления. Все в роте звали его Сидором, хотя настоящее имя солдата было Михаил, а фамилия Сидоров. Знали, что в первые дни войны его семья погибла, и он остался совсем один. За три года не пришло ему на фронт ни письма, ни открытки. Он и не ждал никаких вестей, даже головы не поворачивал, когда старшина или писарь заходили в землянку и начинали выкрикивать фамилии солдат, которых осчастливила плавая почта.

Впрочем, он вообще редко поворачивал голову. И в атаку он ходил, хмуро глядя только вперед. И тут уж хоть с противотанкового ружья бей в него — он не повернется, а будет все так же идти и глядеть вперед.

Про него говорили:

— Сидор смерти ищет...

Однажды на рассвете выбивали гитлеровцев из деревушки. Трудный был бой. Особенно тяжело пришлось взводу, который наступал на левом фланге. Здесь из-за развалин, из-за потемневших от копоти камней, торопясь и захлебываясь, били два пулемета, прижимая людей к талому снегу.

— Вперед-е-ед! — надрывно кричал командир взвода. Бойцы пололзли, но пули так густо ложились вокруг, что движение сразу же приостановилось. Только Сидоров полз прямо, как по линейке, и смотрел не мигая на желтые огоньки, плясавшие у дула пулемета. Замерев, вжавшись в снег, следили за ним бойцы. А он полз. Оба фашистских пулеметчика перенесли огонь на него. А он полз.

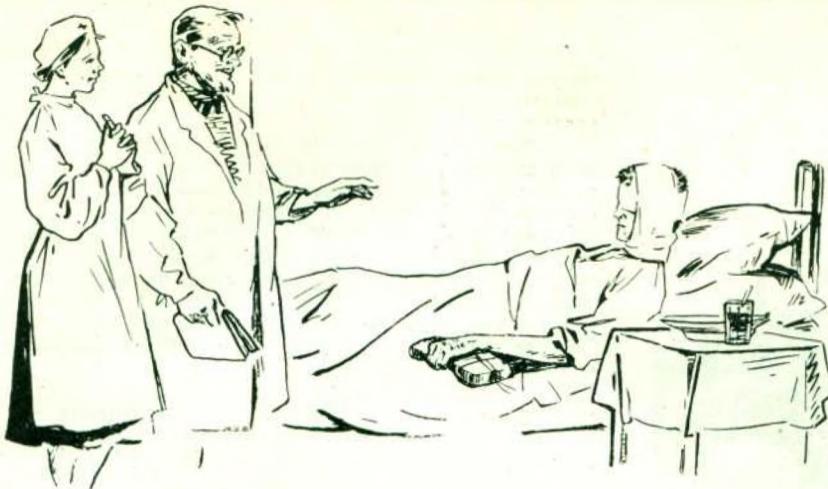
Были у него «лимонка» и обычная граната РГД. Сначала он швырнул за каменный барьер фундамента «лимонку» и, не дожидаясь разрыва, вскочил на ноги, замахнулся другой гранатой. Но пальцы не успели выпустить рукоятку. Перебитая осколком, рука Сидорова бессильно повисла. Граната упала почти у самых ног, вздыбив лохматое облако огня и земли. Солдата отшвырнуло в сторону...

Деревня вскоре была взята, а Сидорова доставили в медсанбат. Здесь он остался надолго. Тревожить его нельзя было — он не вынес бы тряски. Правую ногу ампутировали, из груди и живота извлекли десятки мелких осколков. Голова у солдата превратилась в белый марлевый шар с черным отверстием на месте рта.

Впервые он очнулся дней через пять. Не застонал, не заговорил. Сестра увидела, как он вытянул из-под одеяла левую руку, медленно ощупал забинтованную голову, скользнул пальцами по правой руке в гипсе.

— Лежи и не волнуйся, — сказал врач, — не таких на ноги подымали.

— Меня не надо... — хрипло ответил Сидоров. — Всевать не смогу, а жить незачем...

— Ты, солдат, в барышню не превращайся! — грубо-
вально прервал его врач. — Верно — ноги нет. Но руки
есть? И жить и работать сможешь!

Сидоров затих. Лежал неподвижный и безучастный
ко всему на свете. Отказывался от еды. С ним заго-
варивали. Но он не отзывался. Ни словом, ни движе-
нием.

Врач хотел всколыхнуть жизнь в этом опустошенном
войной человеке.

— За самострел судят! — резко сказал он как-то,
просидев час у койки Сидорова. — А ты что делаешь?
Моришь себя голодом!

Но и эти слова не подействовали.

Прошло несколько недель. Только искусственное пи-
тание поддерживало жизнь раненого.

В начале апреля на имя Михаила Алексеевича Сидо-
рова пришла бандероль. Сестра принесла пакетик в па-
лату и, поправляя подушку, сказала:

— Бандероль вам, Сидоров... Может, вскрыть?

Спросила она это больше по привычке, потому что
знала — Сидоров не ответит. Она положила пакетик на
тумбочку и хотела уйти, но раненый вдруг зашеве-
лился.

— Что ты сказала? — долетело до сестры.

Она повторила, обрадованная:

— Бандероль вам заказная! Хотите, я открою ее и
скажу что там?

— Бандероль? — переспросил Сидоров.

— Ну да! Пакетик такой, а в нем что-то мягкое...

— Кому?

— Вам! Тут так и написано: Михаилу Алексеевичу
Сидорову... Пакетик голубенький, а почерк детский...
Вскрыть?

Голова солдата опустилась на подушку.

— Нет... Оставь тут, — сказал он. — Иди...

Весть о том, что Сидоров заговорил, мигом долетела
до врача. Когда он зашел в палату, Сидоров лежал
как обычно на спине, но грудь его дышала глубоко,
приподымая серое одеяло, а пальцы осторожно мяли
голубой пакетик.

Не говоря ни слова, врач вышел и строго наказал
сестре не дотрагиваться до бандероли, даже если ран-
еный попросит вскрыть ее.

Это была излишняя предосторожность. Сидоров не
выпускал пакетика из рук, а когда пальцы уставали,
прятал его под одеяло.

Во время утреннего обхода он отрывисто спросил
у врача:

— Глаза как?

— Глаза как глаза... Видеть будут, но открывать их
еще рано, — равнодушно ответил хирург и радостно
улыбнулся сестре.

— А когда? — послышался взволнованный голос.

— А это у себя спроси. Есть надо, пить надо, жить
надо. Понял?

Врач хитрил. Еще недавно он хотел как можно скро-
ре освободить глаза солдата от повязки, надеяясь, что
свет вернет его к жизни. Но теперь хирург решил по-
дольше не снимать бинтов. Расчет простой. Бандероль
взволновала и заинтересовала солдата. Он хочет уви-
деть, что в ней, от кого. Значит, появилась цель. Пусть
же она подогревает его.

Конечно, могло случиться, что, увидев содержимое
бандероли, солдат еще быстрее пошел бы на поправку.
Но хирург боялся рисковать. Кто знает, что там?
Вдруг опять найдет на раненого апатия? Лучше вы-
ждать, когда он окрепнет.

В тот день Сидоров дал себя накормить. А вскоре
у него появился такой аппетит, какой бывает только
у выздоравливающих. Он по-прежнему молчал, но это
молчание уже никого не пугало. С пакетиком он не
расставался. Засыпая, клал его не просто под подушку,
а засовывал в наволочку. И все-таки ни разу никого
не попросил вскрыть бандероль.

Однажды сестра, желая его подзадорить, спросила:

— Сидоров, когда же за бандероль возьмемся? Хо-
тите я...

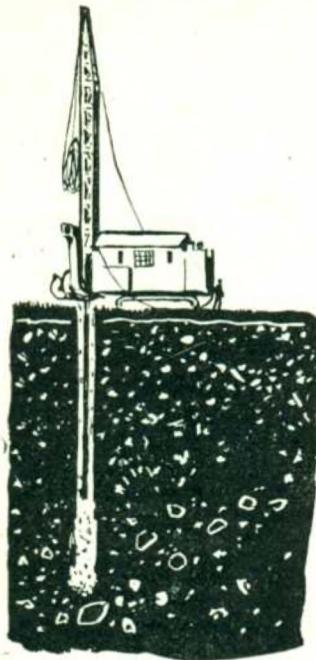
— Сам! — оборвал ее солдат.

Наступил, наконец, день, когда опаленное взрывом и
иссеченное осколками лицо, освободилось от бинтов.
Сидорова перевели из перевязочной в палату. Шурясь
от непривычного света, моргая сизыми веками, он пре-
зрже всего нащупал под наволочкой пакет, достал его
и, перестав моргать, твердым взглядом уставился на
сестру. «Уйди!» — требовали глаза. И она ушла, а когда
вернулась, Сидоров сидел на койке. На одеяле ле-
жали варежки и записка в пять строк:

«Дорогой Михаил Алексеевич! У нас у троих папы
погибли на фронте. Мы хотим, чтобы никто больше не
погиб. Посыпаем вам варежки. Мы верим, что они при-
несут вам счастье. Лида, Маша, Саша. Только не дум-
айте, кто мы такие: вы нас совсем, совсем не
знаете.»

Солдат смотрел в окно, и на лице его был отблеск
весны. Его не портили ни синие шрамы, ни красные
узловатые рубцы...

Рисунки К. Савкевич

РУДА И РАКЕТА

При слове «ракета» каждый представляет себе нечто, стремительно уносящееся в небо. Гораздо меньше известно то, что дела для ракеты нашлись и на земле. Ракета оказалась первоклассным бурильщиком.

...Огромный стальной лом бурового станка тупится, если ему приходится долбить дыру-скважину в твердой породе. Что ни час — меняют у станков тысячикилограммовые «долота». Рабочие не успевают затачивать их и подвозить к машинам. Экскаваторы, электровозы, вагоны и автомобили простоят без дела.

И вот появился станок, который, на первый взгляд, очень похож на старый. Гусеницы, как у трактора, чтобы переезжать с места на место по каменистому дну котлована. А вот «долото» у станка нет.

Знаете, кто первым назвал станок ракетой? Сам машинист. Еще бы! За час «ракета» пробуривала глубокую скважину — пятнадцать метров.

Разумеется, это была не такая ракета, как те, что поднимаются в космос. Ее нагло прикрепили к трубе, которая тоже не поднималась, а наоборот — могла опускаться вслед за «ракетой» в скважину. Но точно так же, как у настоящей ракеты, из сопел вырывалась раскаленная струя газов. Обрушивалась на крепчайший камень — и камень не выдерживал. Он растрескивался на мелкие кусочки, которые тоже выдували наверх бешеная струя огня. Отверстие в камне становилось все глубже — росла буровая скважина под взрывчатку...

Один станок с прирученной ракетой заменил десять прежних. Не только в карьерах, но и на строительствах.

К котловану подъезжает легкая каретка. На ней небольшой станок. Взрыв — и экскаваторы спокойно могут рыть котлованы.

В. Рич, М. Черненко

КАКОЙ ТОЛЩИНЫ ЛЕД В АНТАРКТИДЕ?

Пионерская — станция в глубине ледяной Антарктиды. Толщина льда, покрывающего этот материк, не везде одинакова. Чтобы определить, где какой толщины лед, ученые-сейсмологи роют во льду ямку и закладывают в нее заряд взрывчатки. Долгим эхом разносится взрыв. Звук проникает сквозь лед, ударяется о твердую землю и, отражаясь, как зеркальный зайчик, снова возвращается на поверхность. Специальные приборы отмечают, сколько времени понадобилось звуку, чтобы пройти все слои льда и вернуться назад.

Удалось определить, что в районе Пионерской толщина льда более четырех километров. Есть в Антарктиде места,

где лед более тонок — в километр. В среднем шестой материк покрывает лед толщиной примерно в два километра.

Через волосок обычной 25-ваттной лампочки за один час проходит 1 000 000 000 000 000 000 000 электронов

Живущая на Мадагаскаре полуобезьяна «Индри» была так названа путешественниками, не понимавшими местного языка. Местные охотники, показывая им в лесу на еще невиданного зверька, прищелкивая языками, говорили: «Индри!», «Индри!»

Вновь открытое животное и названо было по-латыни: «Лиханотус Индри». Как смеялись бы островитяне, если бы они поняли, что произошло: ведь слово «индри» на их языке означает «глянь-ко».

В Северной Америке местные жители назвали бизона буйволом, хотя эти животные совсем не похожи друг на друга. Это произошло потому, что поселенцы впервые видели бизона и дали ему название уже известного им дикого животного.

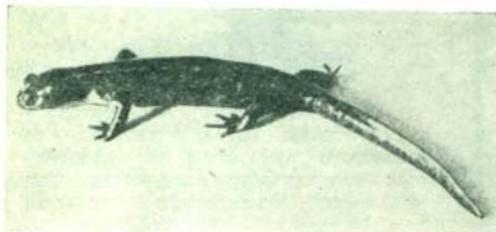

Советские ученые недавно открыли огромное подземное озеро в Армении. Оно расположено в гигантской пещере и протягивается на сотни километров.

УГЛОЗУБ

Паровозы отживают свой век. Недавно в ленинградских газетах было сообщение о том, что в депо Октябрьской железной дороги отремонтирован последний магистральный паровоз.

Уже сейчас на дорогах нашей страны с каждым днем становится все больше и больше тепловозов и электровозов. Дешевые, экономичные, красивые машины!

Геологи нашли в земле, вернее в куске мерзлой рыжеватой глины, странное хвостатое животное. На солнце глина оттаивала и вдруг — всем на удивление — «ящерица» ожила и задвигалась. Ей поднесли в пинцете комарика...

Исследователи определили, что сибирский углозуб — так называется земноводное, оттаившее на солнце, — поднял с глубины семи метров. Неужели исследователи не ошиблись, и углозуб, действительно, проспал почти 5000 лет при температуре -10° ?

Вс. К.

На первой линии воздушного метро во Франции ходят вот такие вагоны.

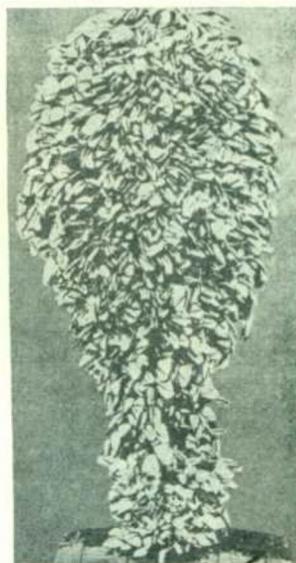

Волной прибило к берегу деревянную бочку. Видимо, много дней странствовала она по морям-океанам. На ней оказалась целая колония так называемых морских уточек, маленьких беспозвоночных животных.

По устройству своей раковины, способу питания и дыхания морская уточка похожа на двустворчатую ракушку.

Колонии морских уточек иногда принимают причудливую форму: напоминают букет цветов, кубок, вазу.

Вс. К.

Индюк, или индийский петух, получил имя в результате исторической ошибки. По происхождению он — американец. Дело в том, что Америку в течение долгого времени ошибочно называли «Западной Индией», полагая, что Кристофор Колумб во время кругосветного путешествия открыл... берег Индии.

ГНЕВ ШАГАЕТ ВПЕРЕДИ,
А УМ — СЗАДИ. — Туркменская.

ЛЕНИВАЯ РУКА ПОКОИТСЯ
НА ПУСТОМ ЖЕЛУДКЕ. —
Армянская.

ОБРАЗОВАНИЕ — ГОСТЬ,
УМ — ХОЗЯИН. — Абхазская.

ГДЕ ДЫРА, ТАМ И ВЕТЕР,
ГДЕ ЛОДЫРЬ — ТАМ И РАЗГОВОРЫ. — Башкирская

(Записаны Г. Заславским)

Эту птицу можно назвать клюворогом. Она живет в Африке, в лесах Конго.

Когда стемнеет, подойди в лесу к пни, на котором растут целым семейством осенние опята. Корнеобразные шнурки грибов — ризомы — светятся слабым белым, не мерцающим светом. Причем светятся только молодые опята...

Установлено, что грибница опенка наносит вред деревьям, разрушает корни растений.

Самое дождливое место на земном шаре — остров Огненная Земля. Здесь в среднем из 365 дней в году 317 дождливых.

НАЗВАННЫЙ КАМЕННЫМ

Этот химический элемент, литий (от греческого слова литос — камень), нужен в самолетостроении, в электротехнике, в оптике, в черной и цветной металлургии.

Почему?

Потому что металл литий очень легкий. Он в пять раз легче алюминия! Если бы из лития удалось построить самолет, его легк подняли бы два человека.

Но из чистого лития самолета не построишь. Литий бурно присоединяет кислород воды. А вот сплавы лития — опасные соперники сплавов других легких металлов — алюминия, магния и бериллия. Даже сотые доли примеси лития делают сплав более твердым и менее хрупким.

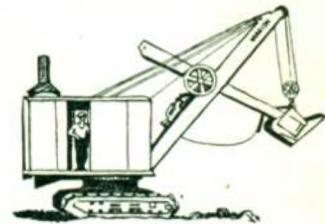
Почему же такой легкий металл назван каменным?

Назван, конечно, неправильно, только потому, что впервые нашли его в твердом, как камень, минерале.

Рисунки Р. Попова,
фотографии Б. Ревнова,
С. Григорьянц

ДЕДУШКА И ВНУК

Более тридцати лет назад я работал помощником шоferа на строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги, она шла из Средней Азии в Сибирь. Там я и увидел впервые паровой экскаватор, редкую в то время машину.

...Тяжелые части экскаватора — стрелу, ковш, котел, гусеницы — доставили в глубь степи на медлительных волах. Потом эти части, словно кости ископаемого чудовища, лежали на сухой колючей траве, дожидаясь, пока приедут из-за океана представители фирмы и соберут их. Своих специалистов у нас тогда еще не было.

Экскаваторщиков тогда заменяли паровозные машинисты. Первый экскаватор «Марлон» назывался кубовым: объем ковша его — один кубометр.

И вот перед вами другой экскаватор. Очень условно его можно назвать внуком того, кубового. Эта громадина одним махом может перенести тонны грунта на десятки метров в сторону.

Советские экскаваторы завоевали славу во всех странах мира. Экскаватор «Воронежец» можно встретить во Франции. Из Ленинграда механические землекопы, выкрашенные серебристой краской, — чтобы не боялись жары, — едут на Кубу, в Индию и на Цейлон.

О. Карышев

„ВНИМАНИЕ! НЕВЕСОМОСТЬ...“

Киноактер должен уметь плавать и танцевать, петь и драться на шпагах, ездить на лошади, стрелять, водить автомобиль. Думаете — это все?

...Ранним августовским утром прошлого года молодые артисты „Ленфильма“ Игорь Пушкирев, Павел Кошлаков, Александр Стрельников, Виктор Терехов и Станислав Фесюнов вместе с режиссером Анатолием Граником и оператором Георгием Варгинным поднялись на борт самолета. Они летели не на гастроли.

Самолет достиг назначенней высоты. В кабине засветились красные буквы: «Внимание! Невесомость...», и почти сразу же все повисли. Кроме оператора, которого крепко привязали, чтобы он мог снимать...

Как же так: артисты — и вдруг «невесомость»?

Вместе с воздушными асами, налетавшими не один миллион километров, проходили артисты строгую отборочную комиссию. «Крутились» на центрифуге, катапультировались с летящего самолета, прыгали с парашютом, и сейчас у каждого на лацкане пиджака — значок парашютиста-разряжника... Они были утверждены на роли в фильме «Самые первые» и теперь ждали врачебного заключения: «Годен к полету». Ждали с таким нетерпением, как будто и впрямь собирались штурмовать космос...

Идут съемки. Ноги и руки не слушаются человека, тело расслаблено, безвольно плавает в воздухе. Словно акробаты, ныряют эти люди вниз головой, повисают на стенах.

В глубине самолетной кабины снизу доверху натянута упругая сетка, чтобы не страшны были никакие удары.

Идут съемки. Каждые 30—40 секунд возвращается «земное» состояние, но потом самолет резко взмывает вверх, и все повторяется сначала. Восемь раз — четыре репетиции и четырехсъемочных «дубля» — за полтора часа.

Вот перед вами один кино-

Сергею Сазонову, выпало счастье первым вырваться в космос и облететь нашу планету. Сценарист А. Тверской задумал фильм как рассказ о близком, реальном будущем. Но случилось так, что в один час фильм «Самые первые» устарел. Начинался обычный съемочный день, когда весь мир узнал имя первого советского космонавта Юрия Алексеевича Гагарина.

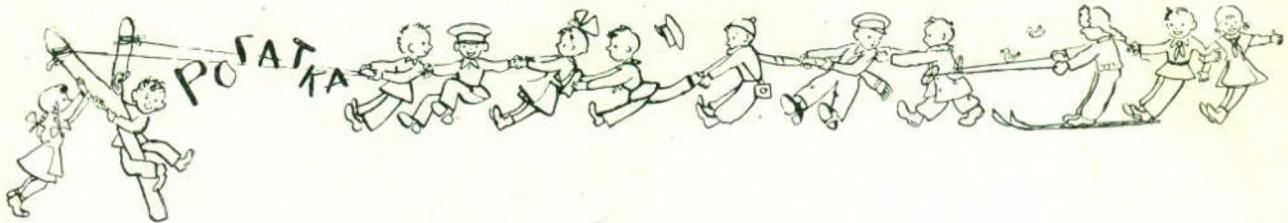

кадр, сделанный во время этой длительной воздушной съемки. Как видите, никакого обмана, никаких «чудес» — все происходило на самом деле. Правда, летели над облаками, испытывали состояние невесомости не космонавты и даже не летчики, а обычные киноактеры.

Всем им были поручены роли в картине о первооткрывателях космоса. Герою ее,

Сценарий фильма пришлось переделывать. Не довелось герою фильма Сергею Сазонову стать первым космонавтом, но он все-таки полетел на космическом корабле, долго пробыл в космосе и произвел ценные научные исследования. Да и разве мог Сергей отчаиваться? Ведь человеку предстоят удивительные перелеты в космосе, еще более далекие и увлекательные, чем сегодня.

В. Брусянин

Возле нашей школы — новый дом. Стены у него белые, чистые. И вдруг кто-то на чистой белой стене нарисовал кораблик! С этого кораблика и началось. Кто мимо пройдет, тот и напишет что-нибудь или нарисует.

«Ах, так! — сказал пионерский патруль. — Ладно же! Садимся в засаду!»

Всех, кто на стене писал и рисовал, патруль незаметно сфотографировал. Фотографии поместила дружинная стенгазета. А самих пачкунов патруль заставил мыть стену.

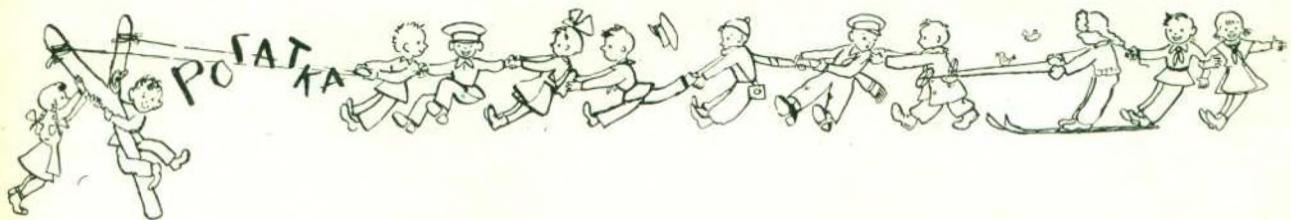
Художник нарисовал, как пачкуны трудятся, отмывают, трут, наводят чистоту. И портреты их нарисовал. Только перепутал, кто что писал и рисовал на стене. Попробуйте догадаться, кто автор какой надписи.

А если и в вашей пионерской зоне действия появятся пачкуны, поступайте, как наш патруль!

Все вы дураки

ВИРТУОЗ

ЧЕМПИОН

Он из тех, кто для потехи,
Развлекая целый класс,
Будет лбом колоть орехи,
На гвоздях пускаться в пляс.
Это он на физзарядке
Бьет в девчонок из рогатки
И, как будто ненароком,
Так чихает за уроком,
Что срывается урок:
Все летит под потолок.
Так он весело резвится,
Будто это и не он,
«Рекордсмен» — по единицам
И по двойкам — «чемпион».

За рулем велосипеда —
Весельчак и непоседа.
Совершает разворот,
Сидя задом наперед.
Он однажды вверх ногами
Прокатился перед нами,
Он и сам сказал всерьез:
— Я, ребята, виртуоз!
Вот, колесами пыля,
Парень едет без руля.
На дыбы встает «Победа»,
Тормознул свирепо «Маз»,
Слышен хруст велосипеда,
Крик доносится до нас,
И почти из-под колес
Вылез бледный виртуоз.

О ЗВОНКАХ

Вы в подъездах у звонков
Не видали пареньков,
Что трезвонят у дверей,
А потом бегут скорей?
Говорит Степан: — Порядок!
Вовка, я звоню теперь!
...Оторвавшись от тетрадок,
Зря учитель отпер дверь,
Встал с трудом, держась за стены,
Дед, что болен был и стар,
Был разбужен после смены
Утомленный сталевар...
Но сегодня вы б едва ли
Степу нашего узнали.
Сам звонит не очень рьяно
И к другим ребятам строг:
Ходит слух, что у Степана
Проведут на днях звонок.

Э. Островская

Редактор Г. М. Чернякова

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Пантелейев,
Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь),
В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза.

Художник-редактор
Ю. И. Мезерницкий
Корректор Т. Дидковская

Технический редактор
А. А. Двораковская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-457-76.
М-08110. Подписано к печати 17/II 1962 г. Формат 84×108^{1/4}. Печ. л. 8+2 вкл. 6,98 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 260 000 экз. Заказ № 73. Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсонархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

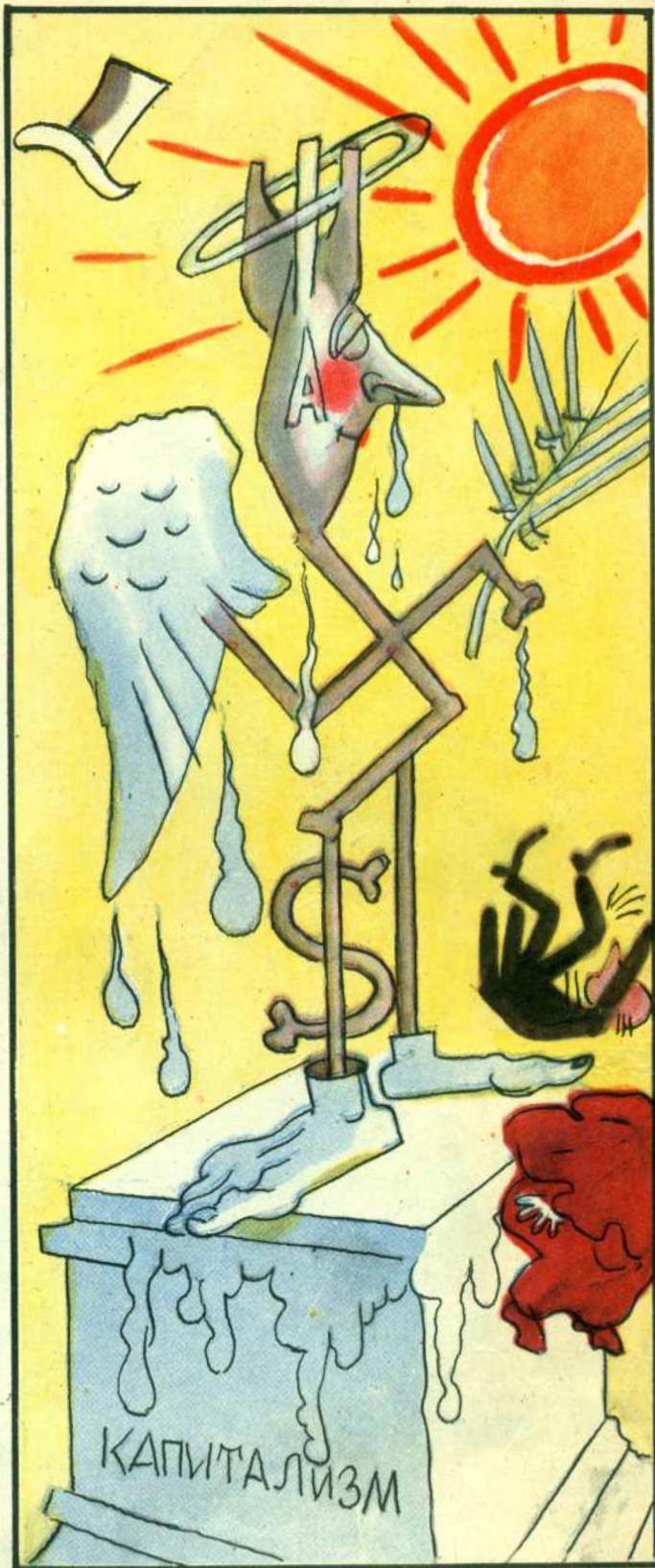
ЗА СТО ШАГОВ
УЗНАВАЙ ВРАГОВ

Если ты до папирос
Не дорос,
Кто дает тебе табак?
Только враг.

РАЗБЕРИСЬ, ПОСМОТРИ:

ЧТО СНАРУЖКИ,

ЧТО ВНУТРИ.